

EDITED BY *Olga Bakich*

*A Moongate
in My Wall*

Collected Poetry of Mary Custis Vezey

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Vizi, M

[Works. English and Russian. 2005]

A moongate in my wall: collected poetry of Mary Custis Vezey /
edited by Olga Bakich.

p. cm.

English and Russian.

Includes bibliographical references and index.

I. Bakich, Ol'ga Mikhailovna. II. Title.

PG3549.V54A17 891.71'44—dc22 2005002243

ISBN 0-8204-7837-7

Bibliographic information published by **Die Deutsche Bibliothek**.
Die Deutsche Bibliothek lists this publication in the "Deutsche
Nationalbibliografie"; detailed bibliographic data is available
on the Internet at <http://dnb.ddb.de/>.

Cover design by Lisa Barfield
Cover art by Elena Chernyshev

The paper in this book meets the guidelines for permanence and durability
of the Committee on Production Guidelines for Book Longevity
of the Council of Library Resources.

© 2005 Peter Lang Publishing, Inc., New York
275 Seventh Avenue, 28th Floor, New York, NY 10001
www.peterlangusa.com

All rights reserved.

Reprint or reproduction, even partially, in all forms such as microfilm,
xerography, microfiche, microcard, and offset strictly prohibited.

Printed in the United States of America

Contents

Foreword

vii

Introduction

1

PART ONE: POEMS PUBLISHED IN COLLECTIONS

17

Стихотворения (Харбин 1929) 19

Стихотворения II (Шанхай 1936) 84

Голубая трава (Сан Франциско 1973) 106

PART TWO: POEMS IN RUSSIAN NOT IN COLLECTIONS

127

PART THREE: POEMS IN ENGLISH NOT IN COLLECTIONS

235

PART FOUR: UNPUBLISHED TRANSLATIONS

271

English into Russian 273

French into Russian 278

Russian into English 279

Chinese into Russian (from English translations) 323

Chinese into English (from Russian translations) 326

Korean in English (from Russian translations) 327

Bibliography

339

Indexes of First Lines and Titles

341

Index of Authors Translated

355

Foreword

Mary Custis Vezey is a little-known poet of the Russian post-1917 diaspora. She is unusual among émigré writers for two reasons: first, that she spent most of her life in China or the United States, and so did not consider herself an émigré; and second, that she wrote in both Russian and English (indeed her first book contains poems in both languages). She comes from the Chinese branch of the Russian diaspora; its work is much less well-known than those of the European and North American émigré communities.

Mary Vezey published three books of lyric poetry in her lifetime, and many individual poems in a variety of journals and occasional collections. She was also a translator into both Russian and English. Most of her poems are less than twenty lines long, and only a few run to more than fifty. Like many Russian poets who grew up in the 1920s, she chose to follow the more conservative styles of Blok (1880–1921), Gumilev (1886–1921), Akhmatova (1889–1966), and Esenin (1895–1925)—indeed she translated poems by the first three of these—as representatives of a culture that seemed under threat from the Revolution. This allegiance takes the form of themes (in particular, nostalgia and escapism), imagery, rhymes and rhythmic preferences. In her first collections (1929 and 1936) her own individuality is often obscured by these more powerful voices, but her work of the 1950–1980s is more independent. She displays a great interest in technique; several poems exhibit a new rhyming virtuosity, while quite a few are unrhymed, which was unusual in the tradition which she had previously followed. An unexpected development of this period is the attempt to work in the conventions of classical Chinese poetry, which she also translated in these years. In her translations, she shows a widening of interests, not just in the favourite poets of her youth, but also in such difficult poets as Marina Tsvetaeva, of whom she produced some of the best translations in English known to me.

Dr Bakich has performed a valuable service in assembling this collection from a host of rare and almost inaccessible literary journals. It will introduce readers to a new voice in Russian poetry, quiet, perhaps, but once one has caught its tone, individual and memorable. Mary Vezey may be a minor poet, but she is a real poet, none the less.

Boris Thomson
Professor Emeritus
University of Toronto

Mary Custis Vezey, Sungari River, Harbin, 1920s
(courtesy of Olga Tourkoff)

Introduction

This book will bring belated recognition and appreciation to a bilingual poet, Mary Custis Vezey (1904–1994), who has left us a fine heritage of published and unpublished works.

Born in New York of a Russian mother and an American father, she lived in Russia, China, and the USA. Her three collections of predominantly Russian poetry came out in the cities of Russian emigration—Harbin (1929), Shanghai (1936), and San Francisco (1973)—and some of her poems appeared in Russian émigré periodicals. Her Russian poetry belongs to the splendid literature created by the first-wave émigrés, forced to leave Russia after the 1917 Revolution and the Civil War. In the Russian diaspora in China, her contemporaries included Iustina Kruzenshtern-Peterets (1903–1983), Marianna Kolosova (1903–1964), Nikolai Peterets (1907–1944), Olga Skopichenko (1908–1997), Natalia Reznikova (1908–1998?), Nikolai Svetlov (1908–1970?) and Sergei Sergin (1908–1934). In Europe and the USA, she belongs to the generation of Nina Berberova (1901–1993), Vladimir Smolenskii (1901–1961), Boris Poplavskii (1903–1935), Sofia Pregel' (1904–1973), Gertruda Vakar (1904–1973), Iurii Ivask (1907–1986), Iurii Mandel'shtam (1907–1943), Lazar' Kel'berin (1907–1989), Anatolii Shteiger (1907–1944), Lidiia Alekseeva (1908–1989), and Igor' Chinnov (1909–1996).

At the same time, Mary Vezey was an American poet: both the Russian and the English language were native to her. All her life she felt that she had “two homes.”¹ In 1990, she wrote: “In Russia my poems are now published as émigré poetry, but I am not an émigré at all. Although I write in Russian, I am an eleventh-generation American! Recently, a wonderful (though terrifying) series ‘The Civil War’ was shown on television, and I felt it very keenly. I saw several of my relatives (southerners) there. When my schoolmates in a Russian school had asked me who I was, a Russian or an American, I had proudly answered that I was hundred per cent Russian and hundred per cent American.”² She also deeply loved China, the home of her youth; the images of these three countries intertwine in a dreamy surrealist image in a late, unfinished poem (poem 486).³ “Even if I'll never sail / in my tiny boat, / neither in dreams, nor awake, / on the Amazon, / yet I will always, / as long as I live, / keep the memory of the Neva River / on a Chinese junk-boat.”

1 Letter from V. Pereleshin to M. Vezey, 11 June 1973. All translations from Russian in this introduction are mine. OB.

2 Letter from M. Vezey to O. Bakich, 28 September 1990.

3 Poem numbers refer to the numbering of this collection.

Mary Custis Vezey, or Mariia Genrikhovna Vizi (as she was known in Russian), was born on 17 January 1904 in New York. Her father, Henry Custis Vezey (1873–1939) was an American. His ancestors moved from England to the USA at the beginning of the 17th century and became related to the American family Custis, to the first American president George Washington, and to General Lee, the leader of the Confederates in the American Civil War. As a young man, Henry Custis Vezey went to Europe, studied languages, and worked in Paris. At the end of the 19th or in the early 20th century, he worked at the American Embassy in St. Petersburg, becoming a Vice-Consul in 1914. During the First World War, he edited and published an English-language newspaper *Russian Daily News*, and later a bulletin *Russian News Letter (Translations from Russian Newspapers)*.⁴ Genrikh Genrikhovich Vizi, as Russians called him, came to speak perfect Russian. He married Mariia Platonovna Travlinskaia (1874–1950), granddaughter of an archpriest of the Isaakievskii Cathedral, M.F. Raevskii, and they had two children: Vladimir (12 July 1902) and Mary (17 January 1904).

Mary Vezey was four weeks old, when the family returned to Russia from a visit to New York. In St. Petersburg, Vladimir and Mary grew up bilingual, if not trilingual: Russian, English, and French. Her French was such that she wrote poems in French as well, but they were not preserved, as she modestly felt that they “should be first shown to a person who knows the language properly, not the way I do.”⁵ Her Russian childhood was happy: a good school, theatres, ballets, concerts, vacations at Kuokkala on the shores of the Gulf of Finland, Finland then being a part of the Russian empire. Known as “the Northern Riviera,” Kuokkala was a resort popular among Russian artistic and literary circles, and several prominent writers and painters had cottages there.

After the 1917 Revolution in Russia, Henry Vezey was transferred to the American Consulate in Harbin. The family thus settled in China, but Harbin, a major railway junction of the Chinese Eastern Railway built by Russia in 1898–1903, was in many respects a Russian city. By 1917, the junction had grown into a large city of some 70 thousand Russian and Chinese inhabitants. In the early 1920s, the population rapidly increased with the arrival of some 200 thousand Russian émigrés. For some time after the Russian Revolution, the Chinese Eastern Railway retained its old, predominantly Russian administration, and Harbin had Russian churches, clubs, theatres, schools, and several post-secondary institutions. In spite of the drastic political changes of the 1920s and 1930s, the diminishing population of Harbin Russians succeeded in maintaining a semblance of Russian pre-revolutionary life until the end of the Second World War.

4 A few issues of *Russian News Letter (Translations from Russian Newspapers)*—no. 531, 2/15 March 1917; no. 533, 4/17 March 1917; no. 534, 5/18 March 1917—are preserved in the Archive A.c73 James Colt Wood Papers, 1908–1923. Folder 4. Russia 1917.

5 Letter from M. Vezey to O. Bakich, 7 March 1994.

In the early 1920s, Henry Vezey became editor-publisher of the Harbin English newspaper *Russian Daily News*, soon renamed *Harbin Daily News*, registered at the American Consulate-General in Harbin. The newspaper had supplements in Russian. The forced move from St. Petersburg (renamed Petrograd in 1914) across Russia on the brink of the devastating Civil War to distant and unknown China was a great change for his fourteen-year-old daughter. In a poem written in 1921, she addressed the poet A.S. Pushkin, saying that had "the great Russian genius" been alive, "your heart would have constricted with a terrible pain, / You would have burned with pain and shame / For that Russia, which always / Seemed holy" (poem 268).

She started writing poetry at the age of six. Her first efforts were in Russian, and a teacher, impressed by a poem submitted in class, began her encouraging comment with the words "To the Future Poet."⁶ At sixteen, Mary Vezey wrote: "I don't want to be a poet / In order to enjoy poetic laurels, / And not in order to shine / With an empty glory in this world," foreseeing a life guided not by the approval of others, but by inspiration and by "one glorious realization / That I am a poet, for that's what happiness is!" (poem 247). In an early English poem, "A Prayer" (poem 493), she said: "Give me the soul of a poet, / That's filled with music and love..." At the same time, the seventeen-year old poet observed with a touch of humour: "Alas, the languages of all the world's nations / Are so poor that the word "poet" / Is a definition of Shakespeare / And ... (oh, innocent satire!) / Of me; there is no other" (poem 270).

Favourite poets of her childhood were A.S. Pushkin and M.Iu. Lermontov. Adolescence and youth brought admiration for the Silver Age of Russian poetry, particularly for Alexander Blok, Nikolai Gumilev, and Anna Akhmatova. Blok was seen as the very essence of poetry: "in our youth we were 'discovering' Blok on our own, we fell in love with him, and this love stayed with us for the rest of our lives. [...] There will be no other Blok for us."⁷

In Harbin, Mary Vezey continued her education at the prestigious Girls' School of the Harbin Commercial Schools. Musia, as Russian friends called Mary, retained fond memories of this excellent Russian school and formed several lifelong friendships there. In 1921–1922, she studied at the North China American School run by the American Presbyterian Mission for children of American missionaries and other English-speaking foreigners, in the city of Tongzhou near Beijing. Her English poems of these years (poems 500, 501) and an imaginary diary of her future life as a painter appeared in the school annual *N.C.A. [The North China American]*.⁸ In the spring of 1922, Mary Vezey graduated from both the North China American School and the

6 Note by M. Vezey on the manuscript of the poem "V ogromnykh" [In the enormous] (poem 376).

7 M. Vizi. "Vospominaniia o Bloke" [Memories of Blok], *Russkaia zhizn'* [Russian Life], San Francisco, 7 August 1982.

8 *The N.C.A., 1920–1922*, p. 14–16, 43, 52, 56, 66.

Harbin Commercial Schools,⁹ and worked for a couple of years as a secretary to Howard Lee Haag, Chief Secretary of the Harbin branch of the YMCA. The branch, opened in the early 1920s, maintained a Russian gymnasium, various professional evening courses for Russian émigrés, and several sport and cultural organizations and activities.

In 1925, Mary Vezey sailed, via Japan, to the USA to study at Pomona College (presently one of the six Claremont Colleges) in Claremont, California; her major was Languages and Literatures. In her two academic years at Pomona, she participated in the YWCA, Le Cercle Français, the Daubers Art Club, and the Cosmopolitan Club, the latter promoting friendship and understanding between Americans and foreign students. She also worked on *Metate*, an annual publication by the junior class. Her poetry in English gained recognition, and she was invited to join the Scribblers Society, founded in 1913 by Professor William Sheffield Ament. Membership, limited to twelve, was by invitation only and based on writing ability. The Society's journal, *Scribblers Magazine*, renamed *Manuscript* in 1925, published her article "Chinese Poetry during the T'ang Dynasty" and two poems, one of which, "Chinese Serenade" (poem 69), was awarded an honourable mention by the journal *Inter-Collegiate World* and reprinted.¹⁰

Returning to Harbin, Mary Vezey worked for her father's newspaper and at various firms which required knowledge of both Russian and English. She continued to write poetry, but did not participate in the "Young Churaevka," a Harbin literary circle established at the YMCA by its Russian secretary, Harbin poet Aleksei Achair (Aleksei Alekseevich Gryzov, 1896–1960). Its young members (future Harbin and Shanghai poets Larissa Andersen, Georgii Granin, Valerii Pereleshin, Nikolai Peterets, Sergei Sergin, Nikolai Shchegolev, Vladimir Slobodchikov, Mikhail Volin, and others, most a little younger than she was) held literary and cultural evenings, invited guest speakers, and formed a poetry workshop to read and discuss their works. Henry Vezey was on the Board of Directors of the Harbin YMCA, and it is noteworthy that it was not one of the many Harbin Russian newspapers, but Henry Vezey's American *Harbin Daily News* that published six weekly issues of the circle's literary newspaper as a supplement.¹¹

As one Harbin poet and journalist recalled, "Mary Vezey, slim Musia, American by father, Russian by mother, by-passed 'Churaevka.' She knew

9 N.P.A. [N.P. Avtonomov], "Spiski okonchivshikh (1910–1925 gg.)" [Lists of Graduates (1910–1925)], *Kharbinskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. Zhel. dor.* [Harbin Commercial Schools of the Chinese Eastern Railway], San Francisco, no. 5, 1958, p. 18.

10 Mary Vezey, "Chinese Poetry during the T'ang Dynasty," *Manuscript*, Pomona College, v. 2, no. 3, May 1925, p. 14–17; Mary Vezey, "Chinese Serenade," *Ibid.*, v. 3, no. 1, November 1925, p. 11 [poem 69 in this collection]; Mary Vezey, "Fortune Teller," *Ibid.*, v. 3, no. 3, March 1926, p. 19 [poem 72]; Mary Vezey, "To R.," *Ibid.*, v. 3, no. 3, March 1926, p. 27 [poem 60]; "Editor Koempel Says Book Will Appear March 15," *Student Life*, no. 54, 17 February 1926, p. 1.

11 "Molodaia Churaevka," No. 1 (7 July 1932)–No. 6 (6 August 1932), a weekly supplement to *Harbin Daily News*.

many of its members; she had attended the same school with many of them. Her family was well known in the city; everyone knew her father, the editor of the only American newspaper in the city. Musia, had she wished, could easily have caused a sensation, but she did not strive to publish or to recite her poetry, she was 'hiding,' and only a few had a chance to appreciate her musical, pure lyrics. Finally, she was talked into publishing a book of poetry. It came out in Harbin and was quickly sold out."¹²

This book was her first collection, simply entitled *Stikhotvoreniia* [Poems], with an epigraph from Anna Akhmatova: "The body cannot live / without the sun, the soul—without a song."¹³ Among many Russian books published in Harbin at the time, it stood out by being bilingual. The cover in Russian was followed by two title pages, in Russian and in English. The book contained 127 poems in Russian, 13 poems in English, 11 translations from Russian into English, 8 translations from English into Russian, and one poem in two versions, Russian and English. Many poems are dedicated to Blok who is presented as a heavenly genius, a teacher, a leader: "I would have given half of my life / just to know definitely / that my song is at least a weak reflection / of his broken reed" (poem 134).

The collection was well received. Arsenii Nesmelov (Arsenii Ivanovich Mitropol'skii, 1889–1945), a most prominent older poet in Harbin, called Mary Vezey "an artist who has fully integrated the technique of Russian symbolism" and continued: "Those strings of Blok's lyre that sound like imitations of Gypsy songs or romances are still easily and eagerly understood by mass consumers of poetry. But Blok as a mystic, Blok as a poet, with his unique feeling for Russia, is disappearing, retreating further and further, and with each passing year becoming harder and harder to understand. That's why this book of poetry, addressed to Blok, and, moreover, written by an American, deserves special attention. The book is interesting in its orientation towards Russian symbolism. The poems to Blok are the best in the collection. [...] The entire book is an echo of Blok [...] though sometimes one can hear Akhmatova and Gumilev. As a student of Russian symbolism, the poet excels." Nesmelov, however, warned: "With her talent, which is definitely felt in some poems, the poet cannot for long follow this path that will inevitably lead her to a creative dead-end. Sooner or later she will have to pave her own way."¹⁴ He later inscribed an offprint of his poem "Cherez okean" [Across the Ocean]:¹⁵ "To Mary Vezey—to a great poet. 25/XI/1931. Arsenii Nesmelov."

12 Iu. V. Kruzenshtern-Peterets, "Churaevskii pitomnik (O dal'nevostochnykh poetakh)" [Churaevka Nursery (On the Far-Eastern Poets)], *Vozrozhdenie* [Resurrection], Paris, no. 204, December 1968, p. 54–55.

13 Akhmatova's lines are from the poem "Skazal, chto u menia sopernits net" [He said that I have no competitors], *Anno Domini*, Petrograd, 1921, and Berlin, 1923, later translated by Mary Vezey into English (poem 578).

14 A. Nesmelov, "Interesnaia kniga. "Stikhotvoreniia." M. Vizi" [An Interesting Book. "Poems." M. Vezev], *Rupor* [Mouthpiece], Harbin, 15 August 1929.

15 A. Nesmelov, "Cherez okean" [Across the Ocean], *Ponedel'nik* [Monday], Shanghai, no. 2, 1931.

All her life she kept both the offprint and the envelope in which it was sent to her.

Another review, by Harbin poet Vasilii Loginov (1891–1946), criticized her poetry for “unusual, perhaps excessive, grammatical correctness” and argued that some sentences did not sound quite Russian. Further shortcomings, in his opinion, were “the youthful insignificance of the majority of poems,” “the almost complete absence of sexuality,” and “almost no lyrics and erotica.” On the other hand, Loginov praised an “almost Levitan-like feeling for landscape” and “the great significance and force” of some poems. His conclusion was that “a certain poetic and artistic taste [...] was apparently formed by such perfect masters as Blok and Gumilev, who stretched a blessing hand over all Vezey’s poems.”¹⁶ Not knowing English, neither Nesmelov, nor Loginov mentioned the English poems and translations.

The collection was welcomed in Claremont; a reviewer particularly noted that “one poem is entitled ‘Claremont,’ though it is in Russian, a tantalizing combination which was a great disappointment to everyone who wanted to read it.” The translation of the poem (poem 28) into English by Professor Dietrich Neufeld of Pomona College and Linda Schroeder, completed the review.¹⁷

At the end of the 1920s and beginning of the 1930s, Mary Vezey turned to translating Russian émigré poetry. Responding to her translations of his poems, a Paris poet Lazar’ Kel’berin wrote: “You translate with surprising precision, retaining naiveté, meaning and style; you are very talented. Moreover, you are doing a valuable cultural work by translating Russian poets who write in foreign lands and introducing them to English readers.” The praise was combined with advice: “That’s why, Miss Mary, I believe that it is better to give English readers samples of true and great poetry, that of Blok and Gumilev; add O. Mandel’shtam, A. Akhmatova, N. Otsup, G. Adamovich, Vladislav Khodasevich, but not us, the young ones, the beginners, who might give uninitiated readers a false impression of Russian poetry. Of course, what young poet would not be flattered to be published, translated! But one cannot publish Blok and, for example, me together. Under one cover one should publish poetry of an approximately equal value. If you like, send me a few translations of Blok and Gumilev.”¹⁸ Another Paris poet, Vladimir Smolenskii, wrote that although he did not know English, “people who know English tell me that the translations were done very well. Therefore, I ask you to accept my most sincere gratitude. As for including my poems in the collection which you want to publish, of course I shall be very glad and I give you my

16 V. Loginov, “Knizhnye novinki. M. Vizi. “Stikhotvoreniia” [New Books. M. Vezey. “Poems”], *Rubezh* [Border], undated cutting, Harbin, 1930. I.I. Levitan (1860–1900) was a Russian landscape painter, famous for his pensive, poetic paintings.

17 “College Graduate Writes Book of Poems in Russian,” *Claremont Courier*, 20 March 1930.

18 Letter from L. Kel’berin to M. Vezey, 6 August 1930. For a translation of a poem by Kel’berin see poem 611.

full permission."¹⁹ Both Kel'berin and Smolenskii asked the same question: "Do you write poetry in Russian?"

By the end of 1920s, the political situation in northeast China (called Manchuria by the foreigners) had changed. Since 1924, the Chinese Eastern Railway had been operated jointly by the USSR and the Chinese Republic, but their relations steadily worsened. In 1929, a serious conflict led to military action on the west border, easily won by the USSR. In autumn 1931–winter 1932, Japan occupied the three northeast provinces of China and in March 1932 established the puppet state of Manchukuo. Two years later, Manchukuo was transformed into the Great Manchu Empire with the puppet emperor Pu Yi on the throne. The USSR was forced to sell its share of the Chinese Eastern Railway to Japan in 1935 and pull out of the area.

Henry Vezey's newspaper *Harbin Daily News* closed in 1932, and in 1933 the Vezey family moved to Shanghai, as many Harbin Russians did in the 1930s. Shanghai was too international to allow for the creation of the Russian atmosphere typical of Harbin, but nevertheless there was some Russian cultural and literary life, including publication of books, newspapers, and journals. In Shanghai, Mary Vezey worked for foreign firms and continued to write poetry and some short stories, the latter published under a pseudonym of A. Raevskaia.²⁰

Her second collection of poetry came in 1936. Entitled as simply as the first one, *Stikhotvoreniia* [Poems], but numbered II, it contained 52 poems, all in Russian. Most copies of this collection were allegedly "eaten by rats" during the 1937 Japanese attack on Shanghai, as Mary Vezey was later informed by the publishers V.P. Kamkin and Kh.V. Popov.²¹ Like the first collection, it became a bibliographical rarity.

Reviewing the second collection, Harbin poet Natalia Reznikova wrote that in Vezey's poetry "the influences of A. Blok and Anna Akhmatova are organically intertwined. [...] However, Blok's motifs provide relief from the concrete, earthly, sensual "Akhmatova style" and impart transparency, detachment, and a seraphic quality to her current poems. M. Vezey's own independence is felt in precisely this combination of almost incompatible elements. [...] It's true that the metre is not always strictly observed, and some poems are technically weak, but this lack of technique in Vezey's poetry does not irritate. There is something of wildflowers, of unmowed meadows, in these inconsistent lines, broken like intakes of breath."²² An anonymous reviewer admired "the purest lyricism" and "the melancholic

19 Letter from V. Smolenskii to M. Vezey, 23 December 1930. For translations of Smolenskii's poetry see poems 636–648.

20 A. Raevskaia, "Fiesta" [Fiesta], *Rubezh*, no. 42, 14 October 1933; A. Raevskaia, "Parusa korabli" [Sails of Boats], *Prozhektor* [Searchlight], Shanghai, no. 48, 25 November 1933; A. Raevskaia, "Pari" [A Bet], *Prozhektor*, no. 3, 13 January 1934.

21 Letters from M. Vezey to O. Bakich, 28 August 1989 and 7 March 1991.

22 N. Reznikova, "Knizhnye novinki. M. Vizi. Stikhotvoreniia" [New Books. M. Vezey. Poems], *Rubezh*, no. 27, 27 June 1937.

mood of the author," while in another unsigned review it was pointed out that "her main inspiration is Blok and Gumilev" and she was praised for her "poetic competence," "lines impeccable in their rhythm and metre" and "noble simplicity."²³

The collection was noticed in Europe. In 1937, the Shanghai-Paris journal *Russkie zapiski* [Russian Notes] reviewed several books published in Shanghai. The reviewer, concealed under the initials I.F., commented on Mary Vezey's poetry: "in the first collection, the Russian poems seemed like a translation from English, and the English poems a translation from Russian." This second collection, he continued, shows hard work, but new poems "lack independence. One feels the influence of Blok, of the lyrical poetry of Gumilev, and most of all of Akhmatova. These are real 'women's' poems. Most of them are sad love lyrics."²⁴

At the end of the 1930s, the Sino-Japanese War was raging in China, and the Second World War was about to engulf the world. In 1939, the Vezey family left China for San Francisco, a city favoured by many Russians from China. Mary Vezey's father, who had fallen seriously ill in Shanghai, died soon after their arrival in 1939; her mother in 1950. In September 1940, Mary Vezey married Evgenii Fedorovich Tourkoff (1908–1981), a Harbin Russian, a graduate of the Harbin Polytechnic Institute, an engineer, and soon they had a daughter Olga. In the 1960s, Mary Vezey worked as an assistant secretary to Professor Edwin B. Boldrey, a prominent neurosurgeon and Chairman of Neurological Surgery at the University of California Medical Center.

She continued to write and translate, and her poems appeared in émigré periodicals in the USA and Europe. Eight poems were included in *Sodruzhestvo* [Concord] (Washington, 1966), a significant collection representing the work of 75 living émigré poets. In the 1960s, she offered a collection of her translations of the émigré poets Dmitrii Klenovskii and Vladimir Smolenskii to the Wesleyan University Press, Connecticut, explaining in the proposal: "Klenovsky (now living in Germany) is regarded as the most important of the Russian émigré poets. [...] He is quite unknown in English, although represented in an anthology published by Edinburgh University, as well as in an important German anthology. Smolensky, who died in Paris in 1961, was another émigré who attained lasting fame among readers of Russian poetry. Both men will be read and admired long after Evtushenko and Voznesensky are forgotten."²⁵ At the time, however, there was not much interest in émigré poets, and no publisher was found.

23 "Bibliografiia. M. Vizi. Stikhotvoreniia, t. II" [Bibliography. M. Vezey. Poems, v. II], *Emigrantskaia mysl'* [Émigré Thought], Shanghai, No. 3, 1936; "M. Vizi, Stikhotvoreniia II" [M. Vezey. Poems II], *Novyi put'* [New Road], Shanghai, 24 May 1936.

24 I.F., "Émigrantskie pisateli na Dal'nem Vostoke" [Émigré Writers in the Far East], *Russkie zapiski* [Russian Notes], Shanghai-Paris, no. 1, 1937, p. 324–325.

25 Letter from M. Vezey to Wesleyan University Press, undated, ca. end of 1960s.

In 1973, her third collection, *Golubaia trava* [Blue Grass], dedicated to her husband, came out in San Francisco. It contained 47 poems in Russian; sixteen came from the second collection, one had already appeared in the Paris journal *Vozrozhdenie* [Resurrection], and another both in *Vozrozhdenie* and in the collection *Sodruzhestvo*. All are undated, and only the reader familiar with the second collection can see what is new.

Iu.V. Kruzenshtern-Peterets, a former Harbin poet and journalist, praised the poet in her review for "powerful and beautifully polished" poems, for "mystical," "Blok-like" pictures, and for Gumilev's motifs, reserving special praise for the poem "Etiud" [Étude] (poem 233). She had reservations about the key poem "Ostrova" [Islands] (poem 214): it lacked "the music inherent in the poet's works, and the precision of line," and "suffered from rhetoric."²⁶ In a radio broadcast for "The Voice of America," Iu.V. Kruzenshtern-Peterets said that in Mary Vezey's poetry "one can trace some influence of the symbolists as is evident from the very title of the book. 'Blue grass' grows on an island yet unseen by man; perhaps it is a magical country, perhaps a paradise. At the same time, in Mary Vezey's poetry one can find an affinity with acmeism: dislike of formal pretentiousness, fineness of line, genuine lyricism, and, the main thing, melodiousness. Her poems sing."²⁷

Another reviewer, the priest A. Pavlovich, praised "the exceptional sincerity of the poet," "the fine cast of her heart," "the high personal expectations," "the exemplary form of her presentation," "her simplicity" and "her serenity,"²⁸ while in the opinion of the émigré poet Iu. Terapiano the poems "bear evidence of great experience: they are not only sincere, but also well reasoned, inwardly focused, and concentrated. In her poetry, ordinary pictures of nature, urban landscapes, and daily surroundings common to us are always related to personal feelings and are perceived both here, on earth, and on a higher plane. [...] With short broken lines and the simplest images she can give a picture filled with inner content and great concealed meaning."²⁹

Émigré poet Valerii Pereleshin thought very highly of Vezey's poetry, writing to her about the poem "Kak strashno odinoki my na svete" [How terribly lonely we are in this world] (poem 244): "Harbin can be proud of you as a poet. The poem is beautiful and technically perfect. I must say that I am waiting for your book with impatience. And I foresee that 'the

26 Iu. Kruzenshtern-Peterets, "Tret'ia kniga Marii Vizi" [Third Book by Mary Vezey], *Novoe russkoe slovo* [New Russian Word], New York, 23 September 1973.

27 Iu. Kruzenshtern-Peterets, "Radiopredacha stantsii 'Golos Ameriki' o sbornike stikhov Marii Vizi 'Golubaia trava'" [Radiotransmission of the "Voice of America" on the Collection of Poems "Golubaia trava" by Mary Vezey], *Kharbinskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. Dor.*, no. 12, 1974, p. 5.

28 A. Pavlovich, "Knizhnaia polka. M. Vizi. Golubaia trava. Tret'ia kniga stikhov" [Bookshelf. M. Vezey. "Golubaia trava." The Third Book of Poetry.], *Russkaia zhizn'* [Russian Life], 10 August 1973.

29 Iu. Terapiano, "Novye knigi" [New Books], *Russkaia mysl'* [Russian Thought], Paris, 20 December 1973.

universal scale' of émigré poetry will shift as soon as this future book comes out. [...] And another special praise: your rhymes are precise, taken from the living language, not composed."³⁰ In another letter, he defined her poetry as "poems with 'reticence' which have to be thought through. I love such poems. [...] I always welcome 'reticence': this is partly the influence of the Chinese classical poets who never dotted their 'i's. The reader was a participant in the creation. Poems with 'reticence' are far from 'nonsense.' They are also justified by the fact that poetic feeling is always irrational to some degree, not fully expressible. [...] It is great that you are sparing and laconic in your poems. I regard this as an ideal of poetic architecture. I think that Soviet poets are so long-winded because they are paid per line. No one pays émigré poets anything for their poetry."³¹

His review, however, expressed his contentious view of "women poets." On the one hand, he characterized *Golubaia trava* as "a collection of pure, good poetic quality, written by a woman-poet [zhenshchina-poet]." For him, many poems exhibit the style of "a poet, not a poetess" [poet, a ne poetessa] and in them "Pegasus takes flight, and the spirit touches the outlines of the beyond. [...] In spite of its purely feminine emotionality, *Golubaia trava* is an excellent book." On the other hand, he stated: "M. Vezey dedicates her third book to her husband, and this places her among the followers of Akhmatova. [...] As a poetess [poetessa], M. Vezey is very strong, but for me personally, poetry begins at the place where the poetess ends and the poet begins. Mary Vezey has quite a few poems which are already free from emotionality which is hard to overcome, and one is extremely pleased by the poems where she speaks simply as a person, and not as a woman."³² This chauvinistic prejudice and confusion of issues are reflected in Pereleshin's poem "Nochnye proletaiut poezda" [Night trains rush on], dedicated to Mary Vezey, where Pereleshin speaks of her "sadness with its enormous eyes," her barely audible voice, almost a whisper, and her "impersonal," "asexual" signature "M. Vezey."³³ Her surname, indeed, does not indicate gender in the way many Russian surnames do, but what he failed to understand was that this signature, instead of "Mary Vezey," meant that to a true poet gender did not matter.

In the 1970s and 1980s, Mary Vezey continued to write and translate in Russian and in English. In the summer of 1985, Mary Vezey and Valerii Pereleshin began working on an anthology of Russian poetry of China, tentatively entitled "U dobrego drakona" [In the Home of a Kind Dragon].³⁴ The work took a lot of time and effort. Pereleshin soon bowed out, hoping that Leiden

30 Letter from V. Pereleshin to M. Vezey, 10 October 1972.

31 Letter from V. Pereleshin to M. Vezey, 9 June 1971.

32 V. Pereleshin, "M. Vizi. "Golubaia trava" [M. Vezey, "Blue Grass"], *Novyi zhurnal* [The New Review], New York, no. 114, 1974, p. 248-249.

33 V. Pereleshin, "Nochnye proletaiut poezda," *Russkain zhizni*, 12 March 1971.

34 Letter from V. Pereleshin to M. Vezey, 27 June 1987.

University would supplement his forthcoming memoirs "Dva polustanka" [Two Wayside Stations] with an anthology. He informed Mary Vezey that the joint compilation was now hers alone and in the further correspondence kept calling it "your anthology." When Pereleshin's death on 7 November 1992 ended his indirect participation, Mary Vezey did not abandon the project: "I hope to complete my literary work, no matter how insignificant it was, with this anthology.³⁵ [...] The main desire and goal were to save this 'lost generation' and its valuable heritage from disappearance."³⁶

In 1991, when Mary Vezey was asked about her next collection of poems, the answer was: "I have little time left, and I won't be able to accomplish much. I am not as strong as I used to be. But I would still like to publish three little books of mine: one of poetry (the last one), one of translations into English, and one more (a special one). But before that—not my poetry, but that of colleagues and friends who can no longer do it.³⁷ [...] I can't allow myself to publish something of mine; my goal is to preserve the unpublished works of my compatriots and colleagues."³⁸

Mary Vezey died on 18 October 1994 in San Francisco.

In one early poem she wrote: "This is not a poem, this is the music of the soul" (poem 275), and musicality is inherent in her poetry, as it is for many romantics and symbolists who considered music the highest form of art. The tonality of her music is sadness; Blok's "heavy flame of sadness"³⁹ is the key to her entire poetry: "great sorrow is given to us, / and we carry it as a banner" (poem 180). Its root lies in the contrast between the crude, gray life on earth and the vision of the other, beautiful world: "the soul did not have enough words / to tell of the sadness of dreams" (poem 468). One of the key symbols of this other, invisible world is a star, and her first collection opens with a poem where a white star falls down "to a cold, dry reality" (poem 1). In a poem dedicated to her brother, the poet says: "We both came not from this world, / but from a different star / [...] we live with a blessed hope / to see that star again" (poem 54).

Sad love lyrics are prominent in her early poetry: "I wrote my poems not for you at all, / but for my dream" (poem 295). Over the years, this "sadness with its enormous eyes"⁴⁰ focuses on the sorrows of contemporary life: "there is so little warmth and joy in the world— / God, save and have mercy on people and animals!" (poem 441). The poet sees homeless, sick, old people,

35 Letter from M. Vezey to O. Bakich, 22 May 1989.

36 Letter from M. Vezey to O. Bakich, 14 February 1991.

37 Letter from M. Vezey to O. Bakich, 13 May 1993.

38 Letter from M. Vezey to O. Bakich, 14 February 1994.

39 K. Chukovskij, *Aleksandr Blok kak chelovek i kak poet* [Aleksandr Blok as a Person and as a Poet], Petrograd, 1924, p. 135.

40 See note 33.

lost in a big city, hears an abandoned dog howling by locked gates, mourns the victims of the Civil War in Biafra and of the Vietnam War. Ten terse lines of "Nalet" [Air Raid] (poem 481) describe the bombing of a shipyard, the death of thirty-five children in an orphanage nearby, and the shooting down of an airplane. This dispassionate narrative is broken twice: in the second line, a woman's voice begs the pilot: "Take care! God be with you!," and in the last line the same voice is barely able to contain its grief: "Only one did not come back—mine." The children in the enemy city perished, and so did the beloved who bombed it.

Compassion is powerfully expressed in the poem "Zhena Lota" [Lot's Wife], written in two versions, first in Russian and a year later in English. The theme had already been explored by Anna Akhmatova in her 1924 poem "Lotova zhena" [Lot's Wife], where Lot's wife becomes an image of an exile, ready to give her life for her loyalty to the past. Mary Vezey gives her last glance a different interpretation: Lot's wife tells how, unlike her "God-fearing and brave Lot," she ("And I?—I am a woman,") could not walk away without looking back. For her, "sweet was the knowledge, even for a moment, / that at least one, perhaps an enemy or a friend, / on the brink of death, in semi-consciousness, felt the final farewell, / having seen the tremble of my powerless arms" (poem 377). The English poem (poem 533) expresses this with an even greater power and clarity:

I couldn't run away: I stopped and turned—
What matter that the price I paid was life,
was immortality?

Perhaps in that brief moment
some friend or enemy before he died
breathed easier because he glimpsed, half-blinded,
through fire and smoke, beneath a fallen pillar.
my shaking arms stretched in a last farewell?

Loneliness is another key theme: "and no one will hear your voice in the night, / whether you shout or not" (poem 223).⁴¹ Her third collection ends with a poem which says in part: "How frighteningly lonely we are in this world! / In a crowd of people such as us / we wander like lost children, / over the precipice of despair and darkness. / We are fated to face the solitary absence of a path / and an occasional impotent sadness..." (poem 244). Death condemns the living to loneliness: "You have left this world... but

41 Powerful lines of this poem serve as an epigraph to an article on the Harbin literary scene of the 1930s: Iu. Kruzenshtern-Peterets, "Churaevskii pitomnik (O dal'nevostochnykh poetakh)," *Vozrozhdenie*, no. 204, December 1968, pp. 45-70, and to an article on Russian women poets of China: Olga Bakich and Carol Ueland, "The Eastern Path of Exile: Russian Women's Writing in China," *A History of Women's Writing in Russia*, ed. by Adele Marie Barker and Johanne M. Gheith (Cambridge University Press, 2002), pp. 153-174.

where to? / The earth is covered with darkness. / [...] What am I going to do now / on my cold earth?" (poem 453). She sees her own death as sailing away: "My ship will depart in the same way / for unknown seas, in a desolate night, / and there will be no lighthouse on the rocks, / and not a single star will shine / in the sky, but the helm will turn quietly, / and the hum of the earth will grow quiet behind the stern" (poem 335). This last voyage will lead to those who have already left: "There we'll furl our sails. / The morning of meetings is not far away!" (poem 457). An angel from an early poem who "opened the black gates of the quiet night" and "sad, sad, stood on guard" (poem 332), appears as a welcome image in one of the last poems: "the quiet angel over my shoulder / unlocks the door with his key, / and I enter where I need to / and find those I need" (poem 491).

Her poetry is filled with a deep awareness that "you are also a part / of this very life, and grass, and sky, / that the sky is quietly blue above you; / that you are the grass, the tiny insect, the sky, the sun, / the clump of earth by the roots of grass" (poem 229). People "in huge / cement and asphalt tombs / on the bottom of deep, stone wells" forget about "the gold of fallen leaves," the autumn smell of mushrooms and wet earth, the rustling of wind in a large garden, and the simple beauty of nature (poem 376). Poems grieve the destruction of nature by urban sprawl: houses are built, paths disappear under the cement, small animals run away, and "only the clouds in the sky / remind of the perished miracle" (poem 433).

She paints with a beautiful symbolist palette. One of the dominant colours is white and its derivatives and compounds; frequent use of black and derivatives provides a powerful contrast. Some poems resemble paintings done in black ink on white paper. In "Salève" (poem 220), touches of silver and gold are added to a black and white landscape. Another colour of great importance is the light blue [*goluboi*] of the title of her third collection, the beloved colour of romantics and symbolists. Gray is reserved for cities with their enormous buildings, street, hospitals, fences, dusty streets, and crowds.

Her poems tend to be short, mostly untitled, and resemble inner monologues. In some, the final line throws a new light on the entire poem. The "Byl okean surovyi tsveta stali" [The severe ocean was the colour of steel] (poem 482), describes a ship which makes it safe to harbour during a storm and the sailors happy that the emergency is over, and then culminates with the words: "But what the night promised, no one knew." In another, recollection of a night walk through a forest and of coming to a river where "the quiet stretch of sand lay pink and golden" and fishermen greeted the sunrise, suddenly ends on the line: "At that time we did not even dream of the whirlpool of tears" (poem 483).

Her Russian poems generally follow traditional metrics and rhyme patterns, though her later poetry displays some most interesting departures from tradition. She admitted: "Many write without rhymes, but I am old fashioned and like music in poetry, but sometimes I love 'free verse' and write like that

myself. But I have one self-imposed rule: either free verse, or rhyme, but if it is rhyme, then the entire poem is rhymed."⁴²

Mary Vezey's poems in English form about a quarter of her poetic heritage. As her translations from English show, she was interested in the American poetic renaissance at the beginning of the 20th century, particularly in the imagists Amy Lowell, John Fletcher, H.D., Carl Sandburg, Sara Teasdale, and others, and was the first to translate Edna St. Vincent Millay into Russian. Her English poetry is dominated by the same themes as the Russian: recollections of childhood vacations in Finland, dreams of becoming a poet, longing for a higher reality, alienation and loneliness, contrast between city and beloved nature, and the search for a path in life. However, her English voice tends to be more independent and assertive and sometimes displays touches of irony, rare in her Russian poetry. An interesting aspect of several later English poems is surrealism, evident in such poems as "Come to the classroom, padre, while the students" (poem 534) and "Night Dance" (poem 531).

The unfinished cycle "My China" occupies a unique place in her English poetry. Though she had lived in China for 21 years, there is but a little trace of China in her Russian poetry, which is generally typical of most Russian poets in China. She did not know Chinese, but was interested in Chinese poetry in English translations. At Pomona College, she published an article on the poets of the Tang dynasty, where she stressed that Chinese poems "are simple and seldom overburdened with useless words. Every word gives a concrete idea, and as a whole, the poem creates a brief, clear picture around which the reader's mind is left to build up the details. Impressionism is the keynote of Chinese poetry. [...] East meets West in the poetical mind."⁴³

Most poems in this beautiful cycle begin with an epigraph composed in the style of a quotation from a Chinese poem, though one is taken from an actual poem by Bo Juyi. The poems present loving and attentive glimpses into Chinese nature and people. The cycle begins and ends with poems about poetry. The first (poem 543) describes the loving preparation of brushes, ink tablet, and a "small thick volume," where "the ivory-white rice paper page / is blank," for writing a poem. In the last (poem 561), the poet imagines how, centuries later, her "beautiful polished white bone" will be found in the Gobi desert by a child who "will take it to her father / to make her a flute / to sing a song."

Mary Vezey once wrote: "I know that I translate well (I can judge), and I love it very much."⁴⁴ She had an exceptional feel for languages and the gift of fully retaining lexical and semantic precision, rhythm, rhyme, and structure. On one draft, she scribbled that her translations were actually

42 Letter from M. Vezey to T. Jelihovsky, 30 October 1993.

43 Mary Vezey, "Chinese Poetry During the Tang Dynasty," *Manuscript*, May 1925, v. 2, no. 3, p. 14, 15.

44 Letter from M. Vezey to O. Bakich, 19 July 1992.

"transmutations—that's what these should really be called." She has the honour of being the first to translate Gumilev and Blok into English, and continued to translate Russian symbolist and acmeist poets throughout her life. She also translated many émigré poets. In the 1960s–1970s, she turned to translating some contemporary Soviet poets, such as P. Antokol'skii, E. Evtushenko, N. Zabolotskii, B. Okudzhava, N. Sidorenko, V. Soloukhin, as well I. Brodskii, but these translations have not been preserved. Her translations from French (Paul Verlaine, Blaise Cendrars), German (Heinrich Heine, R.M. Rilke), and Italian (Tosti) into Russian did not survive either, except for Paul Verlaine's poem "La ciel est, par-dessus la toit" (poem 570).

She also translated Korean poems of the XIII–XIX centuries into English from Russian translations in the collection *Koreiskie shestistishiia* [Korean Six-line Poems], published in Alma-Ata in 1956. These six-line poems (*sidjo*) appealed to her, because, as is pointed out in the Russian introduction to the original collection, they "present an aphorism expressed in images [...], paint a picture of nature in which the main thing is the mood, the feeling of the lyrical hero [...], [and] combine utmost laconism with exceptionally fine poetic instrumentation."⁴⁵ To some extent, this observation applies to her poetry as well.

The poetry of Mary Custis Vezey, which evolved from Russian symbolism, American imagism, and some thematic closeness to Chinese poetry, sings with the quiet and sad voice of an exceptional poet who saw life as a tragic contrast between the possibility of a different life and reality. The title of the present collection is chosen from a poem in the cycle "My China," where the poet describes strong, barred, and guarded gates, and says: "But I prefer a moongate in my wall— / an open gate that has no use for looks. / Come, let us walk right through and see the pines / shedding dark needles on the moonlit steps!" (poem 550). This truly reflects the essence of her personality and poetry.

This collection presents all the poems and translations by the poet that I succeeded in finding. They are numbered; the dates are Mary Vezey's, occasionally followed by her own question mark. In undated, unpublished poems, if the dating is my guess, it is given in square brackets.

Part One reproduces her three books: *Stikhotvoreniia* [Poems], Harbin, 1929; *Stikhotvoreniia II* [Poems II], Shanghai, 1936; and *Golubiia trava* [Blue Grass], San Francisco, 1973, in their entirety. In *Golubiia trava*, the poems reprinted from the two earlier collections are omitted, but indicated in the appropriate places with the number assigned to them in this book and the first line.

Part Two presents unpublished poems written in Russian and not published in any of her collections. They are given in chronological order, and

45 "Predislovie," [Introduction] *Koreiskie shestistishiia*, p. 6–7.

their publication in émigré periodicals and collections, whenever known, is listed in the footnotes.

Part Three presents unpublished poems in English in chronological order and includes the cycle "My China."

Part Four consists of unpublished translations. It is divided into five sections: translations from English into Russian, from French into Russian, from Russian into English, from English translations of Chinese poetry into Russian, and from Russian translations of Korean poetry into Russian.

I thank Olga Tourkoff for materials from her mother's archive and for permission to publish the poetry.

I also thank Philippa Wallace Matheson for her excellent work on the typography of this book, and for many improvements in the Introduction and in the notes.

I am also grateful to Veronica Ahrens-Pulawska, Globus Bookstore, San Francisco, for her support and help in collecting and copying Mary Vezey's poems; to Jean Beckner, Special Collections Librarian, Pomona College, and to Beverly-Jene Coffman, Office Manager of the Office of Public Relations, Pomona College, Claremont, for materials on Mary Vezey's education and publishing at Pomona College; to Elena Chernyshev, Sydney, Australia, for the artwork in this book; to Dr. T. Jelihovsky-Wisely, Sydney, Australia, for materials about her friend, Mary Vezey; to Boris Thomson, Professor Emeritus, University of Toronto, for his help in working on this publication and for his Foreword; and to Steve Upton, USA, specialist on foreign education in China, for materials on the North China American School in Tongzhou.

Olga Bakich
Toronto
March 2005

PART ONE
POEMS PUBLISHED IN COLLECTIONS

- 3 Проходи своей дорогой
и скрывайся в ночь,
ведь народу встретишь много—
промелькнут, и прочь...
Я иду, шагов не слышу,
не гляжу кругом,
пусть садится день за крышу—
не грущу о нем.
Были тысячи прохожих
в долгой череде,
только не было похожих
на тебя—нигде. 1928
- 4 Есть темный грот в лесной глуби,
куда не все смогли б добраться;
и если любишь, то люби,
но не проси меня остаться.
Бывает слишком не понять
ни лиц чужих, ни впечатлений,
как будто нужно убежать
от человеческих селений.
Пусти меня. Я отойду
от грубого людского гама
затем, что я люблю звезду
и песню рыцаря Вольфрама. 1927
- 5 Луна—сегодня вечером рано
(сегодня я все, что хочу, смогу)
на небо, на синюю твою поляну,
как только выйдешь, я прибегу!
Рядом с тобою, на тихом поле,
где звезды выросли—камышы,
будет все меньше, все меньше боли
в кувшинке белой земной души. 1927
- 6 На дне глубоких призрачных озер,
горящих блеском звездного пожара.

3 *Stikhotvoreniia*, p. 3.

4 *Stikhotvoreniia*, p. 4. Вольфрам: a reference to Richard Wagner's *Tannhäuser*.

5 *Stikhotvoreniia*, p. 5.

6 *Stikhotvoreniia*, p. 6–7.

мой город Китеж спрятан с давних пор.
Я там живу. И я тебе не пара.

Ты не поймешь: ведь это не дворцы
тебе знакомой южной Атлантиды;
издревле вдохновенные отцы
туда скрывались от мирской обиды.

Там поднялись высоко купола,
и звон колоколов летит, играя,
и ангельского светлого крыла
ложится отблеск от конца до края.

Там голоса людей звенят мечтой
и светятся глаза бессловной песней,
и нету жизни, радостнее той,
и нету в мире стороны чудесней.

Ты смотришь на меня, — а я стою,
где ветер на воде играет тенью,
и уйду в холодную струю,
к тебе недостижимому владенью.

И песнями призывными тебе,
пришедшему от чуждых мне скитаний,
нельзя переменить в моей судьбе
старинных чар и золотых преданий.

1926

7

Ты пришел и постучался в дверь,
в домик мой, стоявший на пути.
Я открыла. Что же делать мне теперь,
если ты готовишься уйти?

Ты забрел случайно; ты не знал,
кто с приветом выйдет на крыльцо.
Улыбнулся на прощанье, и пропал.
— Мне твое запомнилось лицо.

1925

8

Tito

Когда в открытое окно
вечерних улиц шум влетает,

7 *Stikhotvoreniia*, p. 8.

8 *Stikhotvoreniia*, p. 9. Des Grieux: hero of the novel *Histoire du Chevalier Des Grieux et de Manon Lescaut* 1731, by abbot Antoine François Prevost (1697–1763). The opera *Manon* (1884) by Jules Massenet (1842–1912) is based on a part of this novel.

бывает грустно и темно,
— но сердце что-то ждет и знает.

Его не трогает испуг
от грубого людского тона
и повторяющийся звук
испорченного граммафона.

Оно задумалось и ждет,
и в темноте своей таится,
и оттого еще живет,
что верит: песня повторится.

и позже, вдруг, затихнет все,
и будет лишь звучать красиво
„сон” кавалера des Grioux
взамен трактирного мотива.

1928

9

(Your Jester, Eva)

Красный колпак с зеленым,
к плечу бубенчик приник,
и глупым таким фасоном
топорщится воротник.

Кукла ты, статуэтка,
отодвинут, чтоб не мешать,
я только редко-редко
должна тебя вспоминать.

потому что, хоть твои губы
искривились зло и молчат,
мне ничто так не будет любо,
как твой игрушечный взгляд!

1926

10

Есть остров в океане. Ни коралл,
ни жемчуга его не украшают.
На голых гранях почерневших скал
растений корни молча умирают.

Там в полдень не проходят облака,
чтоб освежить каленый камень тенью.

9 *Stikhotvoreniia*, p. 10. The manuscript, dated 11 December, bears no dedication. Eva: Eva Doyle, a friend from Pomona College, Claremont. Poems 39 and 225 are also dedicated to her.

10 *Stikhotvoreniia*, p. 11.

и Божья вездесущая рука
не трогает опального владенья.

Есть в океане памяти мои
погибший мир. В нем нет дневного света.
Он Атлантиды царственной мрачней,
певучими преданьями одетой.

Туда летят развенчанные сны,
забытые осенними ночами.
Там мертвый лоб желтеющей луны
туманы кроют мокрыми плащами.

1926

11

Слышишь ли ты, море,
я тебя зову?

Чуешь ли ты, море,
я тебя люблю?

Море! Ты не слышишь,
ты не внемлешь мне:
ты так тихо дышишь
в сонной глубине,

ты струей трепещешь,
чистой, как хрусталь.
ты как солнце блещешь,
убегая вдаль...

Стаю птиц ласкаешь,
любишь с ней играть,
а меня не знаешь
и не хочешь знать.

1920

12

Рапсодия спустившихся планет,
ушедших солнц, испуганных туманом,
и жизнь грустит по незнакомым странам,
и мысль стремится в несбываемый свет.

Была любовь; светлей ее не быть.
Одни глаза другим глазам сверкали.
Алмазы в ожерелье бога Кали
таких огней не смели бы затмить.

11 *Stikhotvoreniia*, p. 12.

12 *Stikhotvoreniia*, p. 13. Кали: Kali, the Hindu goddess of destruction, consort of Shiva, who was one of the three main deities of the Hindu triad. Kal: is also represented as the Great Mother and giver of life. Пеншавар: Peshawar, a city in Pakistan.

И больше нет. Звенит другой мотив.
 В бездонность древних сказок скрылась чара.
 Так блекнет лотос в храме Пешавара.
 И день приходит пуст и некрасив. 1926

13 Тихие, лесистые ручьи,
 синих мхов молчанье вековсе,
 сны о днях, которые ничьи,
 шопоты в полуночном покое.
 Хочется понять, и нету слов,
 и язык и тех, певучих, разный.
 И пришедший день на смену снов
 кажется пустой и безобразный. 1926

14 В высоком, тихом ивовом саду,
 где лилии стояли, словно свечи,
 я верила, что благодать найду,
 ища твоей благословенной речи.
 Шипы ложились лаской на руке,
 когда в кустах я ночью пробиралась,
 и думала, что близко на песке
 твоих шагов шуршанье раздавалось.
 Но почему же месяц предсказал,
 что до зари исчезнут все сомненья,
 когда зарей ты дальше убежал,
 задев мои глаза мелькнувшей тенью?
 Мне в желтый месяц веры больше нет.
 Я затушу бездонным вздохом свечи
 и сглажу на песке остывший след
 шагов, ведущих к небывалой встрече. 1926

15 W.F.

At night I see the barges on the ocean,
 each light a spectre, every hull a ghost,
 and doubt within me stirs a strong commotion
 wonder if it's the sea or you I love the most.

13 *Stikhotvorenia*, p. 14.

14 *Stikhotvoreniia*, p. 15.

15 *Stikhotvoreniia*, p. 16. W.F. is probably William Frauenfelder, one of the friends at Pomona College, Claremont. Poems 91, 96, 118, and 139 are also dedicated to W.F.

Far in the blackness, breaking loose its tether
 one after one, launches a fishing crew.
 Here on the beach where we have sat together,
 speechless, the sands keep footprints made by you.

What can I know? I feel the whitecaps reaching
 only to quench the need of you in me.
 Coldheartedly the sea is always teaching
 that men are midgets. And I love the sea.

1926

16

За рекою—отдаленный
 медный звон монастыря...
 На курган посребренный
 рассыпает свет заря.

Долгим стоном звон несется
 из-под старческой руки...
 Скоро ль белый день проснется
 над остывшим льдом реки?

Старичок веревку тянет,
 раз потянет да вздохнет,
 он не первый раз устанет,
 он не первый раз зовет

чернецов поторопиться
 к ранней службе поутру,
 о несчастьях помолиться,
 что гуляют по миру.

День за днем, тихонько всходит
 но ступенькам винтовым,
 дряхлым взором долго водит
 по курганам снеговым,

сядет тяжело на колоду
 и, напрягши сил, что есть,
 к христианскому народу
 зазвонит Господню весть.

1922

17

Гале Ивановой

Я уйду, где холоден песок,
 где лишь ночь назад была с тобою.

16 *Stikhotvoreniia*, p. 17–18.

17 *Stikhotvoreniia*, p. 19. Галя Иванова: Galina Ivanova, married name Gorokhova, a friend from the Girls' School of Harbin Commercial Schools and later at Pomona College, Claremont. Poems 86, 131, 296, 297, 302, and 453 are also dedicated to her.

Там, где говор праздничный далек,
можно тихо встать лицом к прибою.

Вот такой же черный океан
и такой же месяц остроугогий
нас с тобою из далеких стран
привели изменчивой дорогой.

Ты была частицей моего,
только что-то ярче и светлее.
Ты ушла, — не знаю, для чего.
И туман поднялся, холодея.

Пусть туман! Ведь лунный блеск не мне,
лунный блеск — сияниям черным взгляда.
Я не знаю, что шепнуть волне,
я сегодня ничему не рада.

1926

18

Блоку

Стою в пыли и слышу снизу
твои молитвы и мечты.
Твою серебряную ризу
мои украсили цветы.

Твое лицо теперь — икона,
твоя в сиянье голова,
и медного не нужно звона,
когда звенят твои слова.

Ты далеко, но я спокойна,
пусть никогда не взглянешь ты —
мое кадилло недостойно
твоей слепящей высоты.

1927

19

Water Lillies
Sara Teasdale

Возможно, ты забыл, как лиллии стояли
по темному пруду, в вечерних гор тени,
как сонным и сырým они благоухали:
тогда вернись туда, не бойся, и взгляни.

18 *Stikhotvoreniia*, p. 20.

19 *Stikhotvoreniia*, p. 21. Translation of "Water Lilies" from Sara Teasdale, *Flame and Shadow* (1920).

Но если помнишь ты — то лучше отойди
 в равнины, что лежат далеко от озер
 — там лилий водяных случайно не найти,
 — и на сердце тебе не ляжет тень от гор. 1926

20

Gladys Willman

Меня к неласковой судьбе
 зовут изменчивые дали. —
 зачем же я приду к тебе,
 тебя тревожить и печалить?
 Ведь если б письма те дошли,
 что я тебе не посылала,
 до солнечной твоей земли,
 — тебе бы сразу грустно стало,
 и океан бы даже стал
 тебе враждебным и немилым,
 за то, что он меня украл
 к таким чужим и странным силам. 1928

21

Леле Мосоловой

Мне сказали, что я побледнела,
 и спросили, куда я иду?
 Подожди: я дойду до предела,
 и тогда я к тебе приду.
 Все забуду: горе и промах,
 от обиды прочь улечу,
 и в твоих золотых хоромах
 навесить тебя захочу.
 И когда над высью туманной
 ты услышишь шелест крыла. —
 может быть, с тоской несказанной,
 ты поймешь, что я умерла. 1928

20 *Stikhotvoreniia*, p. 22. Gladys Willman: a friend from Pomona College, Claremont.

21 *Stikhotvoreniia*, p. 23. Леля Мосолова: Elena Anatol'evna Mosolova, married name Helène Adant (1903–1985), a friend from the Girls' School of Harbin Commercial Schools. In 1923 Mosolova left Harbin and settled in Paris, where she became a painter and photographer. Poems 47, 107, 116, 147, 218, and 305 are also dedicated to her.

22

Есть встречные немые корабли,
которые проходят ночью мимо,
в чужих морях, далеко от земли.
И встречи те — неповторимы.

Такой корабль, как призрак или сон,
свой беглый свет за черной гранью прячет,
и не узнать, кем этот свет зажжен,
и где ему пристать судьба назначит.

Летящей птицей дрогнут и уйдут
его огни, и станут тенью снасти,
и от людей, что призрак тот ведут,
не ждите ни привета, ни участия,

и будет ночь полна тоской тупой,
и будет больно так и непонятно,
что тот корабль серебряной тропой
уже ничто не повернет обратно.

1928

23

Скелеты эвкалиптов на заходе
насмешливого солнца. И в туман
ползут немые призраки, обходят
окрестности задумавшихся стран.

Все отошло, что днем крутилось злобно,
как горсть пылинок в солнечном столбе,
и стало вдруг спокойно и удобно
сесть на траву и вспомнить о тебе.

1926

24

Я сломала немые заставы
всепобедною песней своей,
и нашла только сорные травы,
где искала цветущих полей.

Что вдали будто солнцем сияло,
было ближе опутано тьмой,
и та башня, что гордо стояла,
оказалась бездонной тюрьмой.

22 *Stikhotvoreniia*, p. 24. In the text of this poem sent by Mary Vezev to Valerii Pereleshin the last line reads "уже ничто не приведет обратно."

23 *Stikhotvoreniia*, p. 25.

24 *Stikhotvoreniia*, p. 26. Dated 17 May and dedicated in the manuscript to P., who probably was one of the friends in Pomona College, Claremont. Poems 25, 34, 36, 125, 281, 283, 289, 291, 294, 295, 306, 312, 315, 505, and 506 are also dedicated to him. Dedications are given as P., or P.J., or in Russian letters as П., or П.Д.

- Я вернулась опять на гранигы,
где лежала в осколках стена,
и рыдала, что были разбиты
золотые прообразы сна. 1926
- 25 Твоя таинственная сила,
которой ты не знаешь сам,
меня ночами приводила
к твоим закрытым воротам.
Но, приходя, я не стучала
и не звонила никогда,
а только долго наблюдала,
как молча падала звезда.
Потом, устав от звезд немного,
пересекавших небосклон,
я засыпала у порога . . .
И это все бывало — сон. 1926
- 26 Верно, долго жить я не буду,
что с людьми всегда я одна,
точно я какому-то чуду
на служенье обречена.
Точно между мной и другими
кто-то встал высокой стеной,
ослепительными такими
вея крыльями за спиной,
и сказал: „Иди и не трогай,
не пугайся и не зови.
те — сильнее тебя, их много,
им не нужно твоей любви.
Пусть дорога твоя такая,
— ты грустней и ласковей их,
видишь: крылья твои, сверкая,
защитят тебя от других”. 1928

25 *Stikhotvoreniia*, p. 27. Dated 10 August and dedicated to P. (see note on poem 24) in the manuscript. The third line of the second stanza in the manuscript was “и неподвижно наблюдала.”

26 *Stikhotvoreniia*, p. 28.

27

Ведь в мире может быть уютно,
и в жизни может быть покой, —
зачем же биться бесприютно
с неутолимостью такой?

Как будто все чего-то мало
у этих праздничных полей —
как будто сердцу не достало
чего-то ярче и милей, —

что вечно надо к звездным далям
по непробитому пути
за золотым идти Граалем
и за мечтой своей идти.

1928

28

Claremont

Серый сумрак, холоден и злобен,
в городские входит ворота.
Холод мысли сумраку подобен,
и часовня сердца заперта.

Я иду куда-то вдоль забора,
а в краю, который снится мне,
далеко в ущелье сикамора
подымалась к синей вышине.

Белой свечкой юкка украшала
золотой и розовый простор,
и вились дороги, убежали
в тишину молитвенную гор.

Это все когда-то, где-то было,
это все прошло, и кончен сон,
мне не нужно помнить, я забыла
между гор затерянный каньон.

1928

29

You Did Not Go

Alexander Blok

You did not go. But maybe you
in your unapprehended worth

27 *Stikhotvoreniia*, p. 29.

28 *Stikhotvoreniia*, p. 30. Dated 26 February in the manuscript. Claremont: a city in California, some 40 km east of Los Angeles, where Mary Vezev studied at Pomona College in 1925–1927.

29 *Stikhotvoreniia*, p. 31. Translation of "Ты не ушла. Но, может быть" (1902).

escaped and banished all I knew
and all I loved about the earth.

And life no sadder parting knows:
within my many-colored jail
I sing, a gray-hued nightingale,
to you—as silent as a rose.

1929

30

Voice from the Chorus
Alexander Blok

We weep so often,—I and you
about this morbid life of ours,—
oh, friends, but if you only knew
the cold and gloom of coming hours!

You press your loved one's fingers, ay,
you play with her, beguiled,
and weep when you have seen her lie,
or in her hand a dagger try,
Oh, child, child!

There is no end to lies and spite,
and death's not near.
Still blacker will grow the awful light,
and madder the whirling planets' flight,
for many a year!

And we will witness, you and I,
the last, most horrid, day:
hideous sin will hide the sky,
laughter on every mouth will die,
and life will pass away,

You'll wait for spring to come again—
but spring will fly.

And you will call the sun in vain
to light the sky.

And as a rock will fall the strain
of your lone cry.

Be then content with living so,
stillier than water, lower than grass,
children, if you could only know
the gloom of what will come to pass!

1929

- 31 Я — полярный медведь за железным забором,
я как пленник живу в незнакомом саду,
ухожу только ночью в полярные горы,
к бесконечному снегу и синему льду.

Когда солнце дневное, такое чужое,
отойдет и погаснет, я буду один,
я вернусь в полосу голубого покоя,
я отдамся виденьям вечерних равнин.

Только ночь исцелит, если день утомляет,
только сон в неземные края унесет,
где холодное море, где ветер гуляет,
где уставшую голову солнце не жжет.

1928

32

Блаку

Ты мне вручил сосуд с зарею,
блеснувший ярким солнцем шар,
и я пошла твоей стезею
искать края заветных чар.

Кусочек солнца золотого
ты дал мне и велел идти,
но умер, не сказав ни слова,
и мне дороги не найти.

В какой-то сокровенной башне
теперь стоишь ты по ночам,
где не печально и не страшно,
где не бывать, наверно, нам.

и где за синими зубцами
тебе не видно до земли,
до тех, что робкими руками
твои лампы понесли.

1927

33

Ведь огни только в сказках горят,
над верхушками призрачных гор,
о незримых мирах говорят,
непонятный выводят узор.

Вздохом этих огней не вспугнуть,
и над ними руки не согреть...

31 *Stikhotvoreniia*, p. 34.

32 *Stikhotvoreniia*, p. 35.

33 *Stikhotvoreniia*, p. 36.

Чтобы на горы эти шагнуть,
надо только сперва умереть. 1923

- 34 Где опушкой кусты всколыхнутся
и поникнут вечерней тоской,
наши лица себе улыбнутся,
мы коснемся друг друга рукой.

Отойдем, завернувшись с глазами
в непроглядную серую шаль,
попрощавшись слепыми словами,
— и чего-то покажется жаль.

Нам, что были так долго чужими,
будет слишком мгновенным закат
и в скрывающем призраки дыме
будет жаль недопетых баллад. 1926

- 35 Иду болотной дорожкой,
с кочки на кочку
скользя,
подберу кое-где по цветочку,
— разве нельзя?
Мне ведь нужно очень немножко!
Вот желтенький, вот голубой,
клонится прямо в траву:
он ведь ничей, он — мой,
я сорву, —
Бог не накажет, на меня не посмотрит строго:
у Него их так много.
Я только один цветочек возьму у Бога. 1926

- 36 Я тебе не дам своей руки
и не поведу к садам нирваны,
где летают ночью мотыльки
под луной, любовью пьяной.

Я тебе и сказки не скажу:
ты теперь большой и незнакомый,

34 *Stikhotvoreniia*, p. 37. Dated 7 June and dedicated to P. (see note on poem 24).

35 *Stikhotvoreniia*, p. 38.

36 *Stikhotvoreniia*, p. 39. The manuscript is dated 8 August and has the notation: "Sunday. Hermosa" and a dedication to P. (see note on poem 24). Hermosa was an ocean beach and a town southwest of Los Angeles.

ласково простившись, уйду
к своему оставленному дому

и, забравшись на свою полость,
где свернулся котик мой мохнатый,
постараюсь снами доказать,
что и без твоей любви богата.

1926

- 37 В хрустальный гроб, с цепочкой драгоценной,
запрятали любовь и отошли.
И не было заката над вселенной,
и тени на поляну не легли.

А нужно было, чтобы смолкли птицы
в печалью очарованных кустах,
и призраки собрались поклониться
на сделанных священными местах;

и чтобы содрогнулись сами боги,
взглянув совсем случайно с высоты,
и вдруг поняв, как хрупки и убоги
придуманные ими же мечты.

1926

- 38 От луны до солнца протянула
золотую, призрачную нить;
день и ночь оковами сомкнула,
и весенней чары не забыть.
- Я колдунья. Я властна над всеми,
кто мою дорогу пересек!
Ты со мною встретился на время,
и теперь не можешь быть далек.

Пусть чужим путем, к чужому раю
ты ушел, — но ты мой видел след,
и тебе нельзя забыть, я знаю,
то, что было за миллионы лет.

1926

39

To Eva Doyle

You came from quite a distant land,
—perhaps a dreamland,—from a place

37 *Stikhotvoreniia*, p. 40.38 *Stikhotvoreniia*, p. 41.39 *Stikhotvoreniia*, p. 42. For Eva Doyle see note on poem 9.

where sycamores and poplars stand
in infinite and golden grace.

Yet you, whose words were clear to me,
you somehow had to drift away,
till many countries and a sea—
an endless sea—between us lay.

And now my house is desolate,
for neither you nor others such
will come to knock upon my gate
with hands I used to like to touch.

1928

40

Чортово озеро
(Терриоки, Финляндия)

Вода из камня сверкает
прозрачностью глубины,
и даже месяц пугает
за кудри синей сосны.

Ночные звери обходят
чернеющую дыру,
где черти вечером бродят,
и ведьмы поют поутру.

Я помню скользкие травы,
горбы нечистых могил,
и горький запах отравы,
который с туманом всплыл.

1925

41

Мой бог — таинственная замкнутость лесов,
где бродят волки и зовет сова,
причуды передутренних часов
и отклики незримых голосов,
и мягкая болотная трава.

На облаках рубинно-золотых
сгустилась слава всех бессмертных сил.
Мой бог блеснул закатом и затих,
и слились волны сумерек седых,
прорезанные взглядами светил.

40 *Stikhotvoreniia*, p. 43. Терриоки: Terijoki, a Finnish town on the shore of the Gulf of Finland. At the beginning of the 20th century it was one of the popular resorts. Lake Kaiavalampi, which Russians called Druzhinnoe, or Chortovo, was nearby.

41 *Stikhotvoreniia*, p. 44.

Я чую легкий времени полет
и шум непобедимого крыла.
Когда река свой зимний сон прорвет,
я поклонюсь перед движеньем вод,
где черная у берега скала.

Я верю в солнце, звезды и луну,
и в колдовство заката и зари.
Я от Отца и Сына отверну
свое лицо, и старый храм замкну.
Но если я заплачу— не смотри.

1925

42

Когда посыплет снег, мелькая,
мне будет память тяжела,
что смерть— ненужная такая—
его ведь снегом занесла.

Что он страдал, и даже слова,
которое сказать хотел,
до края берега пустого
замерзший звук не долетел.

Что только птицы и тюлени,
пришедшие со всех сторон,
и синие ночные тени
свершали тайну похорон,

и что, насмешливо блистая,
такой же яркий падал снег,
холодный саван наметая
для бледных и закрытых век.

1928

43

You Will Remember Me Forevermore
N. Gumilev

You will remember me forevermore
and all my world of magic and of light,
a flaming world, with music held in store,
amid the rest—the only that is right.

You could have made it yours, did you but speak
It was too small for you, or else too wide.

42 *Stikhotvoreniia*, p. 45.

43 *Stikhotvoreniia*, p. 46. Translation of "Еще не раз Вы вспомните меня" from N. Gumilev *K suneu zvezde* (1923). In *Stikhotvoreniia* the first line of the second stanza had a misprint ("You could have made it yours, did you but to speak") which is corrected in the present edition.

Perhaps the poems which I wrote were weak
that all my prayers for you have been denied.

But later—later you will drop your head,
"I do not dare remember," you will say,
"Another world has conquered me instead,
has won me by its crude and simple way."

1925

44

Стукнув дверь, кто-то вошел.
Мы не слышали, но узнали,
как, лежась неровно на пол,
сапоги его зашуршали.

Пробежала дрожь по спине...

И когда осмелились — „Кто вы?“,
Он стоял, прижавшись к стене,
и в ответ не бросил ни слова.

Тихо-тихо стало вокруг;
только треснул графин с цветами,
точно тот, непрошенный, вдруг
замахнулся дико руками.

И потом ушел в темноту,
и мы все понять не хотели,
для чего он был и к чему
серебрились зубы — блестя.

1926

45

I used to wear a crown,
a mantle and a ring,
and I, who am a beggar,
pretended I was king.

But I grew sick of playing,
I broke my heavy crown,
I donned my raggy garments
and wandered down town.

And now, if people greet me,
passing by the square,
it isn't for my headgear,
but for my golden hair,

44 *Stikhotvoreniia*, p. 47.

45 *Stikhotvoreniia*, p. 48.

and if they toss a coin
that's rather large in size,
it isn't for my jewels,
but for my shining eyes.

1925

46

М.А. Зыриновой (Бенефис. 1923)

Вы пленять всегда способны,
в каждой роли Вы милы,
но в „Кармен” Вы бесподобны,
выше всякой похвалы!

Вы — Севилья восхищенье,
но сдаётся сильно мне,
(не сердитесь за сравненье!)
— Вы сильны и в Харбине.

Вы любовь примите нашу,
о, царица всех сирен,
за Далилу, за Любашу,
за Амнерис, за Кармен.

1923

47

Леле Мосоловой

Тех ландышей, что ты вчера мне подарила,
пьянящий аромат я в темноте ловлю,
и не могу понять, за что ты полюбила
ту самую меня, что я так не люблю.

Как ты мне дорога — цветы вот эти знают:
они своей душой проникли мне в мечты.
Они нежны, как ты, тебя напоминают,
и если б говорить могли — то так, как ты.

1923

48

Боже, той игры, что Ты мне задал,
чувствую, что мне не доиграть.
Неужели тех, кто духом падал
в этой жизни, Ты не мог прощать?

46 *Stikhotvoreniia*, p. 49. M.A. Зыринова: Mariia Aleksandrovna Gersdorf, stage surname Zyrinova, mezzo-soprano, opera singer, prima donna of Harbin opera in the early 1920s. She was particularly popular singing Carmen in Georges Bizet's *Carmen*, Delilah in Camille Saint-Saens' *Samson and Delilah*, and Amneris in Giuseppe Verdi's *Aida*. She died on 26 February 1924 in Harbin. Poems 83 and 154 are also dedicated to her.

47 *Stikhotvoreniia*, p. 50. For Леля Мосолова see note on poem 21.

48 *Stikhotvoreniia*, p. 51.

Если долго мне еще томиться,
если смерть нескоро заслужу,
и сама, — пусть это не простится, —
на себя я руки наложу,

неужель не будет сожаленья
в приговоре праведном Твоем,
в час, когда, докончив преступленье,
я приду с опущенным лицом,

и увидишь Ты, как я заплачу,
потому что не хватило сил, —
слишком трудная была задача,
та, что Ты мне, Боже, предложил.

1924

49

Я стою на высоком холму.
Я пришла по пути Твоему.
Видишь, — лунный серебряный щит
на дороге следы сторожит.

Отчего же я стала такой,
что напоены песни тоской,
что блаженные я не пою
даже в тихую полночь Твою?

Если видишь и сжалишься Ты, —
дай метнуться сейчас с высоты,
дай звенящую лютню разбить,
дай на камни упасть и не быть!

1928

50

Ночью на земле гуляют гномы,
где дорожки месяц осветил,
делают воздушные хоромы
тем, кто очень сильно попросил.

Кажется, счастливей нет народу,
чем душонки глухие людей,
выпущенных снами на свободу
от тоски-печали от своей.

Кажется, другой не надо славы
и не надо радости другой,
только ощущать ночные травы
под своей ушибленной ногой,

49 *Stikhotvoreniia*, p. 52.

50 *Stikhotvoreniia*, p. 53.

и, входя по лестнице чудесной,
к самым вышкам взглядами прильнуть,
чтоб из самой темноты небесной
сырость полуночную вдохнуть. 1926

51 Были песни твои веселы
на свиданье заката и мглы,
и глаза твои серые знали,
для кого самоцветом сияли,
и другие глаза зажигались,
когда вы на закате встречались.

Отчего ж твоим серым глазам
не закрыться теперь по ночам?
Для чего до зари до румяной
ты томишься невидимой раной
и глаза твои, полные горя,
не глядят на вечерние зори? 1926

52 От горы блестящая дорога,
на закате — моря полоса.
И чего ж еще просить у Бога,
для чего другие чудеса?

Белые вершушки волн так стройно
на песке вырезают след.
Я стою. Я знаю так спокойно,
мне не двадцать два, а меньше лет. 1926

53 На мне юбочка в три вершка,
и туфли — просто срам,
но я взираю свысока
на встречных чинных дам.

И загорела, как матрос,
и никаких прикрас, —
а все хожу, задравши нос:
„Небось, не хуже вас!“ 1926

51 *Stikhotvoreniia*, p. 54.

52 *Stikhotvoreniia*, p. 55.

53 *Stikhotvoreniia*, p. 56.

54

Володе Визи

Мы с тобой пришли не отсюда,
а с какой-то другой звезды,
оттого мы носим, как чудо,
предыдущей жизни следы.

Ведь за морем, в спрятанных даях,
на давно забытом пути,
мы любимый сон потеряли,
что хотим так сильно найти;

и, одни на целой вселенной,
оттого не можем устать,
что живем надеждой блаженной
ту звезду увидеть опять.

1928

55

Есть короли заморские — седые,
кудрявые, в коронах золотых.
К их славным странам волны голубые
несут поклажи всех утех земных,

и мраморные ломаются ступени,
и полнятся хоромы их дворцов
от царственных причудливых велений,
исполненных усердием гонцов.

У них живут, как звезды, королевы
в миндалевых и розовых садах,
и дивные слагаются напевы
народами о мудрых их делах.

Но иногда, одни и ночью темной,
выходят те владыки к берегам,
где океан, бессветный и огромный,
бросается со стоном к их ногам,

и в этой буре чувствуют родное,
и всю ее тоску хотят понять,
и все блаженство яркое дневное
на этот стон готовы променять.

1928

54 *Stikhotvoreniia*, p. 57. Dated 26 June in the manuscript. Володя Визи: Vladimir Custis Vezey, older brother of Mary Vezey. Poems 68, 133, 180, 220, 328, 357, 391, 393, 394, 395, 401, and 538 are also dedicated to him.

55 *Stikhotvoreniia*, p. 58.

56

I Shall Go Back
Edna St. Vincent Millay

Я отойду к угрюмым берегам
и возведу лачугу на песке,
так, чтобы там, совсем невдалеке,
трава морская падала к ногам.

Я не вернусь, и никогда не дам
руке своей лежать в твоей руке,
— уйду к тому, что так понятно мне,
— уйду к счастливым больше прежних дням.

Любовь, едва зажегшая глаза,
слова, едва слетевшие на рот,
все это живо лишь на полчаса,
все это недосказанным умрет;
но я найду скалу и небеса
все теми же, как в молодости год.

1926

57

Выдь на дорогу,
стань лицом к ветру,
кликни клич, свистни:
— Гой, счастье!
Гой, веселье!
И жди, и слушай,
как с перелеска,
от гор высоких,
речных разливов,
взлетит, большое,
крылом ударит,
шумя по ветру,
все ближе, ближе.

1927

58

Есть тихий пруд в глубоких дебрях бора,
забытый, черный, одинокий пруд,
где не слышать людского разговора,
куда и звери ночью не идут.

Стекла ли это капля дождевая
по синим елям в яму у корней?

56 *Stikhotvoreniia*, p. 59. Translation of "I shall go back again to the bleak shore" from Edna St. Vincent Millay *Second April* (1921).

57 *Stikhotvoreniia*, p. 60.

58 *Stikhotvoreniia*, p. 61.

Иль это леший плакал, укрывая
следы нечистой горести своей?

Живут ли там оставленные Богом
земные души, прячась от земли?
Иль, заблудившись по ночным дорогам,
туда русалки бледные пришли?

Но в тех местах замолкнет клекот птичий,
и той глуши сторонится лесничий,
и в сумрак иногда там слышно эхо
лесного, дикого, неласкового смеха.

1923

- 59 Я спрячусь от всевидящей луны,
я убегу от лунного сиянья,
ведь ей, живущей вечностью, смешны
мои убогие воспоминанья.

Из года в год — подняться и светить,
не помнить ничего и не пророчить, —
а мне сегодня нужно воскресить
другие луны и другие ночи.

В подвале отсыревшем и глухом,
куда луна еще не заходила,
я отопру заржавленным ключом
старинный ларь, в котором то, что было,

и просижу до самого утра,
не уставая от святого бдения,
перебирая слитки серебра
и неоценные каменья.

1926

- 60 You are not you; you are an ancient dream,
an echo of a song, the old unrest
of very distant strings, the swaying gleam
as morning comes, and starlight wavers west.

You are the words of onward running brooks;
a roadway, traveled ere the shadow clears;

59 *Stikhotvoreniia*, p. 62.

60 *Stikhotvoreniia*, p. 63. The poem was first published in the journal *Manuscript* (Pomona College, Claremont), v. 3, no. 3, March 1926, with dedication "To R." In *Stikhotvoreniia* the first line of the second stanza had a misprint ("You are the words of onward runnings brooks") which is corrected in the present edition. The poem was also written in Russian, see poem 105.

a prayer, recited from unopened books,
a hymn to God unknown, who never hears.

I will inter the day that had to die
and hide my grief within his royal shroud,
and over shores where sacred rivers lie
my pyramid will rise to touch the cloud.

1925

61

От коричневых северных гор
протянулся покой,
пой —
сотки своей песней узор
для меня золотой.

Пусть тоска увернется, как вор,
и пригнется в пыли,
ты
будь песней моей с этих пор
до заката земли.

1926

62

Молитва

Есть Господь. Сердце ведает, молится:
— „Боже, дай избушку мне — у околицы.
Дай колодец ключевой у заваленки.
Дай лапти и валенки.
Дай ведрышко, ходить по грибы,
Хорошо бы еще хоть горшочек, вместо трубы.
Дай еще — красную коровку,
И землицы — посадить свою морковку.
И еще, не забудь, одолжи
Хоть полдесятинки ржи.
А главное — березку у порога.
Неужели не дашь? Разве много?“

1925

63

Сон

Старуха гадалка седая
возле наших ворот проходила.
Я ее о тебе спросила,
зачем и сама не знаю.

61 *Stikhotvoreniia*, p. 64.62 *Stikhotvoreniia*, p. 65.63 *Stikhotvoreniia*, p. 66. The poem has an English version, poem 72.

Она число указала
и пристально так смотрела,
— огорчить, должно быть, не смела,
только долго руку держала.

Прошептала, кивая: „Смотри,
как красиво цветы распустились!
Как красиво по небу увильсь
розоватые краски зари!

Отчего ты горюешь? Не надо”.
И потом медяшку взяла
и, согнувшись низко, ушла
за изгибы железной ограды.

1926

64

Розово-коричневые клубы
западных последних облаков.
Подойди ко мне! И прямо в губы
поцелуй, без слов.

Самородки на небе без меры,
серебро, алмазы, аметист.
Я молчу. Перед лицом Венеры
не дрожит и лист.

Я молчу — и ты пока со мною,
и, как в правду, верю в глупый сон:
но вздохну — и призрак за спиною
уплывет в каньон.

Заболят глаза от гор лиловых,
хоть и знаю, что не нужно ждать,
потому что привидений новых
не найти опять.

1925

65

Упал и вдребезги разбился
сосуд, зовущийся мечтой,
который в сердце серебрился
лампадой хрункой и святой.

Остался сир и полон болью
тот угол, где она жила,
и по окрестному раздолью
печаль туманом поплыла.

64 *Stikhotvoreniia*, p. 67.65 *Stikhotvoreniia*, p. 68.

и долго гулкое звенело,
катилось эхо по реке,
как будто небо сожалело
о человеческой тоске.

1928

66

Дальний берег синей реки,
и на нем золотые пески,
и высоко — червоный узор
заплетенных листов сикамор.

Мне нельзя тоски облегчить,
и нельзя мне руки омочить
в той сверкающей ярко волне,
пробегающей в дальней стране.

1928

67

Убег и спрячь с собою грезу
в старом и оборванном мешке
и, приняв обиженную позу,
скорчнись в отдаленном уголке.

Пусть застрянут слезы в паутине,
где лучи дневные не дошли,
— пусть любовь на золотой картине
смотрит, как печаль лежит в пыли.

1926

68

Володе Визи

Мы не одни. По нашим колеям
идут еще какие-то. Их много.
Они, пригнувшись, громко шепчут нам
о тех полях, где началась дорога.

Упрятаны одеждами теней,
они от посторонних взглядов скрыты,
и сетью только нам понятных дней
их разговоры цепко перевиты.

Я слышу ночью жуткие тона
и отклики — в сырой траве рассвета;
мне память неотъемлемо дана
о призраках оконченного лета.

66 *Stikhotvoreniia*, p. 69.67 *Stikhotvoreniia*, p. 70.68 *Stikhotvoreniia*, p. 71. For Володя Визи see note on poem 54.

И если я увижу — ты устал
и, сев в пыли, глядишь в пустые дали.
я догадаюсь: кто-то нащептал,
что где-то одуванчики завяли. 1926

69

Chinese Serenade

The silver pilgrims of the sky—
the clouds of sunset go,
and sweetly starts her lullaby,
my Goddess Moon, Chang-O.

Dispel thy drowsy dreams, my friend,
as rays of twilight fade,
and with my song thy magic blend
upon thy lute of jade!

Then let me love thee, as a cloud
may love a flashing star,
as ripples on the lake, that crowd
to touch a nenuphar. 1925

70

Я умру на высокой горе,
мне почудятся вещицы сны
в час, как мир поплывет в серебре
уходящей со мною луны.

Я скажу — Что же мне, я готов,
отпустите меня от земли,
я пойду по ступеням богов
в край, куда мои думы ушли.

Но, уйдя от земных деревень,
растопчу свое сердце во прах,
если долго знакомую тень
не увижу в небесных садах. 1926

71

Голубая птица улетела
в синие и чудные края,
канула у крайнего предела,
где вскипели заревом моря.

69 *Stikhotvoreniia*, p. 72. The poem was first published in the journal *Manuscript* (Pomona College, Claremont), v. 3, no. 1, November 1925, and given honorary mention; it was reprinted in the journal *Inter-Collegiate World*. Chang-O: Chang Ye, the moon goddess in Chinese mythology.

70 *Stikhotvoreniia*, p. 73.

71 *Stikhotvoreniia*, p. 74. Мутабор is the Latin "mutabor," I will change.

Эта птица — верхний блеск заката,
 тьмотой исполненный простор.
 Эта птица — радость без возврата;
 ей не вспомнить слова „Мутабор“.

Я стою, и пустота ущелья
 мне на ноги пылью полегла.
 Этот мир — моя тюрьма и келья.
 в этом мире день не даст тепла.

1926

72

The Fortune Teller
 Mary Custis Vezey

A gypsy woman—hollow wrinkled cheek
 framed in her hair that hung like cobweb veils—
 knocked at my gate one evening, to speak
 of secret and prophetic starry tales.

I bade her speak of you, I know not why.
 She looked into my eyes, she held my hand
 and whispered: "See the colors of the sky?
 the restful shadows of the sleeping land?"

Why be so sad? You must not." And she took
 the silver piece for which I bought my fate,
 and bowing low her feeble head that shook
 she hobbled out my iron-railed gate.

1925

73

Уйду к опушке, где деревья строги,
 где из-за серых призраков лесных
 не услышать с проселочной дороги
 ни голосов, ни стуков городских.

Я буду знать и буду рада, зная,
 что в экипажей траурном ряду
 один из многих вспомнит, проезжая,
 и будет ждать, что я опять приду.

Но я, забравшись в самый синий ельник,
 не покажусь из своего дупла:
 ведь та заря не всанет в понедельник,
 что в воскресенье вечером зашла.

1926

72 *Stikhotvoreniia*, p. 75. This is an English version of poem 63. It was first published in the journal *Manuscript* (Pomona College, Claremont), v. 3, no. 3, March 1925, where the first line of the second stanza was "I begged her speak of you—not knowing why," and the fourth line of the second stanza was "the restful colors of the sleeping land?"

73 *Stikhotvoreniia*, p. 76.

- 74 Когда на хмуром океане
на миг ты встретился со мной,
скажи, ты слышал ли в тумане
сигнал тревожный над волной?
- Ты видел, как дрожали снасти
и напрягались паруса,
как будто силясь верить в счастье
и уповать на чудеса?
- Иль ты прошел, невозмутимый,
не чуя гибели, прошел
туда, где ждал тебя родимый
и, может быть, спокойный, мол,
- и дома, в гавани далекой,
тебе припомнить не дано
корабль, упавший одиноко
на черное морское дно!

1928

- 75 Серебряные туманы,
черта, где солнца чело
в лежащие дальше страны
вечерним морем прошло,
- и что-то помнится живо,
какой-то голос зовет,
и снится, где-то красиво
все то же солнце взойдет.

1925

- 76 Я — отшельник в дикой пещере
в отдаленном горном краю.
На закате синей Венере
о своих мечтах говорю.
- Иногда мне полночью снится
старый дом в какой-то стране,
и людские яркие лица,
как-то странно близкие мне.
- Я проснусь, и утро угрюмо,
и пещера не так мила,
и не может проститься дума
с той страной, где ночью была.

1925

74 *Stikhotvoreniia*, p. 77.75 *Stikhotvoreniia*, p. 78.76 *Stikhotvoreniia*, p. 79.

77

Pity Me Not . . .
Edna St. Vincent Millay

Ты не жалея меня, что свет дневной
под вечер уж не медлит надо мной;
ты не жалея ушедшей красоты,
покинувшей поляны и кусты;
и не жалея ущербную луну,
и что отлив уносит прочь волну,
и что тебя оставил прежний пыл,
и что меня ты скоро разлюбил.
Всегда я знала, что любовь — цветок,
с которым ветер может быть жесток,
изменчива, как берегу — волна,
несущая обломки от судна.
— Жалей, что сердцу трудно так учиться
тому, чему уж ум не удивится.

1928

78

Тихое вечернее смиренье,
сердце думу думает, стуча,
слушает журчащее теченье
вечности подземного ключа.

Где садилось солнце, потухая,
эвкалиптов тени, чуть дыша,
протянули руки, точно чая
брошенного звездами гроша.

Но холодным гордые кристаллом,
высоко над царственным челом,
звезды не заботятся о малом,
о далеко-низменном, земном.

Скрыв в тени усталость смертной кары,
вечер грезит об ушедшем дне.
Тихо жизнь кует свои удары
в сердца передночном полусне.

1926

79

When amethyst lamps were lighted
and sunrays had traveled far,
I parted my velvet curtain
and listened for your guitar.

77 *Stikhotvoreniia*, p. 80. Translation of "Pity me not because the light of the day" from Edna St. Vincent Millay *The Harp-Weaver and Other Poems* (1923).

78 *Stikhotvoreniia*, p. 81.

79 *Stikhotvoreniia*, p. 82.

But I fell asleep on the marble,
the wind blew my scarf away,
and my tiger-footed servants
announced the break of day.

I woke, and went to the temple;
I will worship gods, not men.
You did not come when I waited—
now you need not come again!

1925

80

Серебряные, тихие заливы,
гранитов прибрежных череда,
и трогает забытые мотивы
знакомая восточная звезда.

Какие-то глубокие лагуны,
где ползают гондолы по ночам,
какие-то неведомые струны,
послушные полночным лучам.

И эти струн — только отраженья
разлившихся, расплесканных прудов,
и отзвуки — пустые повторенья
пропетых песен, сломанных смычков.

И корабли везут свои поклажи —
награбленное золото луны —
на берега — дразнящие миражи,
рисующие сказочные сны.

1925

81

Гора, покрытая ковром зари и юга,
и северная дикая скала . . .

И нам с тобою не видать друг друга,
хоть я тебя настойчиво звала.

Теперь и ждать и спрашивать не стоит.
Стрела рассталась с луком, ты — со мной.
Теперь пусть каждый сам себе пророст
свою тропу на пустоши земной.

Но даже там, где черная берлога,
где не достать до глаз моих лучу,
я не забуду, что была тревога,
и не любить тебя не захочу.

1926

80 *Stikhotvoreniia*, p. 83.81 *Stikhotvoreniia*, p. 84.

82

Блоку

Из камня белого Каррары
твой профиль высечет рука,
серебруструнные гитары
передадут тебя в века.

Ты будешь юный и певучий,
певцы живые не затмят
ушедший твой печально-жгучий
и гордый и глубокий взгляд.

Твой будет свет—лучом от Бога,
тебя мы чудом назовем
и самой трудною дорогой
к своим святилищам пойдем.

1927

83

M.A.Z.

When the heat has fallen and the skies are calm
and the desert sands are turning black from red,
I can see your image in the drooping palm,
where the smoke goes upward in a silver thread.

Then I leap and call you in a pleading tone,
and forget—Great Allah—that you cannot come,
for your fairy dust on many winds is blown,
and your lute is broken, and your hands are numb.

1925

84

God's World

Edna St. Vincent Millay

О, мир, я упиваюсь так тобой!
Твой ветер, серый неба свод,
туман, что встанет и плывет!
В осенний этот день твой яркий лес
и той скалы чернеющий навес.
и тот утес, поднявшийся дугой!
Мир, как налюбоваться властью тобой!

82 *Stikhotvoreniia*, p. 85.83 *Stikhotvoreniia*, p. 86. For M.A.Z. see note on poem 46.84 *Stikhotvoreniia*, p. 87. Translation of "God's World" from Edna St. Vincent Millay *Renaissance and Other Poems* (1917). The misprint in line 6 ("и тот утес, поднявшийся другой!") is corrected here.

Извечно чудо: но вот этот год
во всем такая страсть видна,
что душу трогает она
и тянет прочь. Бог, я боюсь, что Ты
дал миру слишком много красоты.
Как рвется сердце! Пусть не упадет
горящий лист; пусть птица не зовет.

1929

85

I Shall Not Care
Sara Teasdale

Как только я умру и светлый надо мной
тряхнет Апрель дождем промытое руно,
пусть даже ты придешь, изломанный тоской,
— мне будет все равно.

Со мною будет мир, как в зелени ветвей,
когда побеги дождь на землю приклонил,
— и сердце замолчит и будет холодней,
чем ты со мною был.

1926

86

Гале Ивановой

Твои глаза— две быстрых птицы,
они проснулись и летят,
и видевшим однажды снится
твой крыльями взмахнувший взгляд.

Твои глаза— две ярких птицы,
что прямо с солнца принесли
его целебную частицу
для нищей и больной земли.

Твои глаза— две певчих птицы,
и звуки райской песни в них;
кто этой песни приобщится,
тог не пойдет искать других.

1927

85 *Stikhotvoreniia*, p. 88. Translation of "I Shall Not Care" from Sara Teasdale *Helen of Troy and other Poems* (1911).

86 *Stikhotvoreniia*, p. 89. For Гале Иванова see note on poem 17. Later the poem was included in the collection *Golubain trava*, p. 15, under the title "Твои глаза" and with an epigraph "Нас общая судьба крылом задела / и вместе за собою понесла" from a poem by Iurii Mandel'shtam.

87

Блоку

Мы видели твою зарницу
у вод священного пруда.
и нам, я знаю, не приснится
прекрасней сказки никогда.

За синие лесные воды
ты отошел, и больше нет
того, что ждали все народы
безропотно так много лет.

Для чьей страны ты нас покинул,
мы не видали. Нам темно.
Прощальным пологом задвинул
свое блеснувшее окно.

1927

88

Видишь, я сегодня горда
(точно с неба упала звезда!),
вверх загнулись кончики губ
(точно Бог на веселье не скуп!):

точно стаи синие птиц
прилетели от дальних границ,
и внизу цветы расцвели
на отравленных топях земли...

Боже, будь же милостив к нам —
дай подольше цвести тем цветам!

1928

89

Нет, любовь сильнее, чем это:
блудным сыном бродит любовь,
убежит до окраин света
и потом вернется вновь.

Проберется выцветшим садом,
где убитые мотыльки,
и опять нирваной и адом
запылают, вспомнив, зрачки.

Побойтся — вдруг не ответят
за грехи прошедшей поры,
но ее сокровища встретят
и торжественные пиры.

87 *Stikhotvoreniia*, p. 90.88 *Stikhotvoreniia*, p. 91.89 *Stikhotvoreniia*, p. 92. The manuscript is dated 31 May.

И любовь, устав от разлуки,
с яркой свечкой в полночь придет
положить скрещенные руки
на забытый долго knot.

1926

90

Дни пройдут, и много новых дней
пробежит избитыми путями,
на которых лес корявых вней
будет выжжен между мной и вами.

В чаще леса звезды не горят.
Может быть, и мне и вам случится
в темноте, где филины кричат,
в лабиринте жизни заблудиться.

На какой опушке вас найду?
Где лежит ваш путь? Когда б я знала,
синюю, лучистую звезду
я бы вам сопутствовать послала.

Вам тогда бы не было темно,
вас бы тронуть не посмели совы.
Только мне и звезды, все равно,
не прогонят призраков дубровы.

1925

91

W.F.

Breakers upon the seashore, you and I,
the sand, a bird, a mass of yellow weeds—
things that have come into this world to die,
things that have all aspired to greater deeds...

Here in the silence of each other's hand,
tell me, which is it I should cherish best—
you, or the flying shadow on the sand—
or the bright wave that rises to a crest?

You dare not speak. The ocean will not tell.
Let us love on, hope on; I am afraid
that if I watch too long the water swell
I may forget the vows that I have made.

1926

90 *Stikhotvoreniia*, p. 93.91 *Stikhotvoreniia*, p. 94. For W.F. see note on poem 15.

92

Я песню тебе спою
на флейте своей певучей,
когда за чащей дремучей,
за синей горною кручей
запрячет вечер зарю.

Пусть звуки песни моей
с твоей сольются игрою,
когда полночной порою
они примчатся толпою
по белым гребням морей.

Ты будешь думать, что чудо
тебе поет небылицы
звучнее, чем майские птицы...
И мне не стоит сердиться,
что ты не поймешь, откуда.

1925

93

(По Метерлику)

Медленно белые птицы от цепкой травы поднялись,
те, что еще на заре сильными крыльями били.
Белые тучи своими стенами укрыли
берег бессветных озер, до которых они унеслись.
Белые снежные птицы расстались с долиной певучей,
плыли сквозь капли росы, что висела, как пар,
в даль, где на грани пруда покачнутся ряды ненюфар,
где исчезнет звезда в лабиринте лианы пловучей.

1925

94

В незнакомых и серых и строгих
городах мне мерещилась ты,
в самых нищих и самых убогих
я твои узнавала черты.

О, мечта моя бедная! Даже
в самой сильной и горькой тоске
мне какие-то снились миражи
далеко впереди на песке:

и туманы твои водяные,
и звезда на закатном краю
в наши скудные страны земные
низводили частицу твою.

92 *Stikhotvoreniia*, p. 95.93 *Stikhotvoreniia*, p. 96.94 *Stikhotvoreniia*, p. 97.

- Все, что нужно, вели, — я готова,
хочешь, буду гореть и страдать,
чтоб одно твое вымолить слово,
чтобы призрак тебя увидеть. 1928
- 95 Мне город твой не нужен темный,
мне страшно каменной стены.
Как огоньки болот, бездомны
мои блуждающие сны.
- Мой путь лежит через туманы
и не ведет туда, где ты
глядишь на белые фонтаны
и грациозные мосты.
- Такие сказки мне знакомы,
такая даль меня звала,
что даже ты в своих хоробах
меня согреть бы не могла.
- Ведь я иду с печальной песней
от ласковых земных полей
затем, что знаю, нет чудесней
невидимой страны моей. 1928
- 96 W.F.
- I will set your picture in a chiseled frame,
I will seem to others what I will not be.
Days will come and vanish as they always came,
—stupid days and empty, by the empty sea.
- I will hear the breakers as they grow and scatter,
I will watch the piling of the tangled kelp.
But the stinging beauty of the nights won't matter,
for the wrong that's happened moons will never help. 1926
- 97 Глубокой тенью гор лиловых
и длинной тенью сикомор
клянусь, что звезд не нищет новых,
кто помнит солнце до сих пор.

95 *Stikhotvoreniia*, p. 98.

96 *Stikhotvoreniia*, p. 99. For W.F. see note on poem 15.

97 *Stikhotvoreniia*, p. 100.

и тот, кто полночью гадает
о возвращении весны,
на целый век не променяет
ее томительные сны.

Пустыми, долгими ночами
ты будешь звать меня в бреду,
за безграничными морями
ты будешь ждать, что я приду.

1928

98

Я дам тебе серебряный цветок,
сработанный из самых тонких тканей:
он вырос там, где светится восток,
предел и правда всех земных исканий.

В прекрасной вазе, черной и простой,
его поставь, храня рукой и взглядом,
цветок, вспоенный солнечной мечтой
и выхолощенный лучшим Божьим садом.

Он ни богатств, ни счастья не дает,
он будет недвижим и безглаголен.
Тот аромат, что он с собой несет,
повторит звон небесных колоколен.
Он — красота земли, где день встает:
смотри на красоту — и будь доволен.

1927

99

To Helen Stanley

Ты ушла, и разве лучше, что же,
где домами скрытан горизонт,
— разве там хоть что-нибудь похоже
на Сиерра-Мадрэ и Клэрмонт?

Может, лучше, я еще не спорю,
может, ты давно забыла всех,
только разве там такие зори
и зарей такой же звонкий смех?

И когда тебя задушит скука
и пойдешь бродить одна в ночи,
что ж, тебя утешит в поле юкка,
белая, как стройный воск свечи?

1928

98 *Stikhotvoreniia*, p. 101.99 *Stikhotvoreniia*, p. 102. Helen Stanley: a friend from Pomona College, Claremont. Poem 313 is also dedicated to her.

только что-то все пророчится,
где лиловый снег блестит.

Месяц на небе качается,
словно обруч золотой.
Сердцу горько, сердце мается
холодящей пустотой.

То молчит, то снова плачется,
припадая до земли.

Что-то шепчется и прячется
на морозной на пыли.

1927

104

Закатный город мне шептал секреты
над белыми садами и забором,
лиловые тянулись силуэты,
и мягкие спускались в окна шторы.

Я слушала и шла, и было скучно,
не разобрать, чего они хотели,
и почему печально и беззвучно
ложился снег на мокрые панели;

как будто город был чужой и новый —
меня никто не ждал, никто не встретил,
и я не поняла совсем ни слова,
о чем шумел сырой и сонный ветер.

1927

105

Вы теперь — не вы, а древний сон,
эхо песни, звон струны далекий,
отголосок призрачных времен,
луч звезды, зашедшей на востоке.

Вы — вода бегущего ручья,
на заре пройденная дорога;
вы — молитва, и она ничья
и зовет невидимого Бога.

Я похороню прошедший век,
я ему прошу его обиду
и на берегу священных рек
возведу до неба пирамиду.

1925

104 *Stikhotvoreniia*, p. 107.

105 *Stikhotvoreniia*, p. 108. The poem was also written in English, see poem 60.

106

На горизонте неба я поймаю
лучистую лиловую звезду,
отдам тебе и счастья пожелаю,
когда с тобой проститься подойду.

Камелии тропического сада,
где ты пройдеши, я брошу на ступень,
и если ты наступишь — буду рада
и назову счастливым этот день.

Как будет трудно бросить те ступени!
Когда на тихом западном краю
предлунный отблеск успокоит тени,
я о твоих глазах ему спою.

Потом уйду в глубокие каньоны
и упаду на диком берегу,
чтоб никуда не долетели стоны,
которых я умерить не могу.

1925

107

Леле Мосоловой

Здесь у меня луна в тумане
и звезд неясных толчея.
Но если ты сейчас в Бретани —
не все ль равно, где буду я?

Когда дрожит и потухает
моя свеча у алтаря,
тебя, я знаю, утешает
невидимая мне заря,

и если за морем, до краю,
быть может, туча залегла,
ты не поймешь, что я страдаю
и что участия ждать пришла.

1928

108

В голубом новоселье
бледный месяц горит.
В самом ярком веселье
сердце болью стучит.

106 *Stikhotvoreniia*, p. 109.107 *Stikhotvoreniia*, p. 110. For Леля Мосолова see note on poem 21.108 *Stikhotvoreniia*, p. 111.

Над домами далеко
звоны дня отзвучали.
— Ты со мной, темноокий,
тихий ангел печали.

1927

109

Будет. будет день благословенный,
все, что утомились, отдохнут,
и по всей по ласковой вселенной
встрепенутся птицы, запоют

Он на дне больших озер таетя,
он в лесной глуши глубокой ждет,
и еще не мало душ родится
до того, как этот день придет.

Только ночью, наклоня ухо
в мягкую траву, затихни. жди.
— донесется благовест до слуха
из земной таинственной груди.

1927

110

Блоку

Приди опять из отдаленья
последней осени своей!
Земного серого селенья
немые сумерки развей!

Ты был для нас всего дороже,
мы верили в мечту твою.
Куда же ты ушел? И что же
тебе сказали в том краю?..

1927

111

Август. Ночью летят метеоры,
угольки догоревшей звезды.
Был июнь. Мы расстались без ссоры,
даже не было мутной воды.

Вы сказали: „Быть может, на лето—“
и прибавили: „Или совсем?“
Я не знаю, зачем
я в ту ночь отошла без ответа.

109 *Stikhotvoreniia*, p. 112.110 *Stikhotvoreniia*, p. 113.111 *Stikhotvoreniia*, p. 114.

только что-то осталось задело,
глубоко, не помнится, где.

На лету голубая комета
молча бросила луч звезде.

1926

112

Видишь, звезда упала?
— Это моя звезда!
Точно что-то украла
и прячет, не знаю, куда.

Эта звездочка — бубенец
на колпаке шута:
я проведала, наконец,
что она была пуста.

Она так ярко светила —
и теперь ее больше нету,
теперь темно над могилой
мертвого Риголетто.

1925

113

Блоку

Ты дальний, чуждый, ты нездешний,
но, отойдя к другой стране,
мечты таинственной и внешней
ты поручил заветы мне.

И я иду — и охраняю
от вздоха грубого земли
тот факел, что согрел, я знаю,
мои прекраснейшие сны.

1927

114

Вы мимо пронеслись в автомобиле, —
какой-то светлой барышни сосед, —
и даже и улыбкой не прикрыли,
что до меня вам дела вовсе нет.

Ведь если б вы мне не срывали маску,
то вам бы не хотелось прерывать
таинственную начатую сказку,
которую теперь не досказать...

112 *Stikhotvoreniia*, p. 115.113 *Stikhotvoreniia*, p. 116.114 *Stikhotvoreniia*, p. 117.

Ведь вы искали спрятанную фею,
 вас маленькая греза увлекла . . .
 О, как зато бессильно я жалею,
 что вам себя так скоро назвала!

1926

- 115 Серый день над соснами тает,
 из-за леса выплыла тьма.
 Я молчу. Никто ведь не знает,
 что люблю тебя без ума.
- Месяц розовый закачался,
 перекинутый на звездах.
 Я так помню — он отражался
 в серебристых твоих глазах!
- Месяц шепчется все с травой,
 — им все можно, им все легко.
 Мне не молвить слова с тобою —
 мне до синих звезд далеко.

1925

116

Леся Мосоловой

Болзненные жизненные шутки,
 и бледный день, как будто в ноябре,
 и снятся голубые забывудки,
 что мы с тобой собирали на горе,

лучистая зеленая долина,
 обрывы и извилины реки,
 и облаков июльских паутина,
 где горизонты сопок далеки,

и снишься ты, и сумрак тем темнее,
 чем ярче сон о танкетках заря,
 и нет на свете золота ценнее,
 чем волосы волнистые твои.

1925

- 117 Perhaps the moon is lonely, and perhaps
 she's tired of the cold and endless lapse
 of centuries that pass before her gaze
 into the silent and eternal haze
 of What Is Not. Perhaps her golden eyes

115 *Stikhotvoreniia*, p. 118.116 *Stikhotvoreniia*, p. 119. For Леся Мосолова see note on poem 21.117 *Stikhotvoreniia*, p. 120.

envy the rays of happiness that rise
 in mingled floods of sentiment and mirth
 above the distant surfaces of Earth.
 And maybe it has been her cherished dream
 to leave the throne of solitude supreme
 and step into the realm of human bliss
 and sunlight, which her lot has been to miss.

1927

118

W.F.

Он почил на лоне Авраама,
 я его бессмертью уступила.
 Перед ним другая панорама,
 лучшая, окно свое открыла.
 Но вступил ли в новый день он смело,
 не остановился, не запнулся
 и на то, что с жизнью отлетело,
 у порога в рай не обернулся,—
 или с болью взглядом он окинул
 херувимов белых, вспоминая
 все, что на земле для них покинул,
 что его любило?
 Я не знаю.

1927

119

I Ever Will Remain Alone
 Alexander Blok

I ever will remain alone,
 afraid of slander and of praise.
 Before Thee only will atone
 for being silent all my days.
 For those who speak not are my kind,
 and those I love, who only hear:
 through words, and leaving noise behind,
 the shining Spirit does appear.
 Thus to the feast of Silence going,
 my quiet features none will see.
 But in me—is the secret knowing
 of love without end—for Thee.

1929

118 *Stikhotvoreniia*, p. 121. For W.F. see note on poem 15.

119 *Stikhotvoreniia*, p. 122. Translation of "Я людям не ввиду навстречу" (1903).

- 120 Отошедший день не разгадан.
Утомленный город утих.
Синий сумрак выплыл, как ладац,
из резных кадилыниц своих.
- Ночь страшнее, ночь суеверней...
Чтобы Бог дневное простил,
тихо город встал за вечерней,
свои бледные руки скрестил,
- и молились грустные тени,
опустившись на мостовой,
у гранитных Божьих ступеней
с непокрытою головой. 1927
- 121 Зачем ты, ангел, глядишь так строго,
зачем к земле головой пошк?
Скажи мне, ангел, ты видел Бога,
смотрел на светлый Господень лик?
- Ты белый, ангел, ты слишком белый,
— меня не тронешь своей рукой,
ведь я молиться тебе хотела,
но я не знала, что ты такой! 1927
- 122 Руки эвкалиптов с небом слились,
протянулись к небу и молчат,
и над ними звезды сговорились
не сменять померкнувший закат.
- Оглянись: от запада до юга
звук не дрогнет, искра не мелькнет.
Не распутать замкнутого круга,
не расколдовать бездонный гнет. 1925
- 123 Не думай о насущном хлебе
и об уюте не молись.
Смотри, вон белой стаей в небе
куда-то птицы унеслись!
- Иди туда, иди за ними,
за солнцем вспыхнувшим следы,

120 *Stikhotvoreniia*, p. 123.121 *Stikhotvoreniia*, p. 124.122 *Stikhotvoreniia*, p. 125.123 *Stikhotvoreniia*, p. 126.

земными просьбами своими
высот спокойных не буди.

Пусть пыль и слякоть под ногами,
зато на небе — синь и тишь,
и ты в людском тревожном гаме
иную песню различишь.

А вдруг запнуться — разве горе —
и умереть, лицом в пыли,
где подорожник вырос в соре
на колесе твоей земли?

1929

124

There Is a Demon of the Morning
Alexander Blok

There is a demon of the morning—glows
with happiness and golden curls.
Blue as the sky his saintly mantle flows
with colors glistening like pearls.

But as at night black mixes with the blue,
so in that face at times does horror dwell,
and in the golden curls—red flame shows through,
and in the voice—forgotten tempests swell.

1929

125

Тебе не странно знать, что ты большой —
и в жизнь по-настоящему играешь?
Ты сделался немножечко чужой,
и если я пишу, то это — так, самой,
ведь ты моих стихов теперь не понимаешь.

Мне так безгранно жаль, что ты не тот, что был,
твой день проходит взросло и солидно;
ты бегать по траве в пяташки разлюбил,
и это так обидно!

1926

126

Тихий отблеск далекой зари.
Всколыхнулась на небе звезда.

124 *Stikhotvoreniia*, p. 127. Translation of "Есть демон утра. Дьямно-светел он" (1914).

125 *Stikhotvoreniia*, p. 128. The poem is dated 10 August and dedicated to P. (see note on poem 24) in the manuscript.

126 *Stikhotvoreniia*, p. 129. In one of the copies of *Stikhotvoreniia* Mary Vezey corrected the second line of the first stanza to "Полыхнула на небе звезда." The poem was later included in the collection *Golubaiia trava*, p. 14, with this correction.

Стань поближе ко мне, говори,
что уже не уйдешь никуда.

Я простая и хмурая, пусть,
у меня незатейливый кров,
но ведь я расскажу наизусть
много лучших на свете стихов.

И когда ты послушаешь, что ж,
— сам присядешь сюда на порог,
скажешь, „Господи, мир Твой хорош,
и других мне не падо дорог“.

1929

127

В синем море есть дальние рифы,
где растет драгоценный коралл,
о которых не сложены мифы
и которых никто не видал.

В синем небе блуждают кометы,
о каких не писал астроном,
потому что их беглого света
не поймал в телескопе своем.

И в лесах, где столетние ели,
затерялись такие цветы,
что еще никому не успели
подарить от своей красоты.

Но к чему же на пустоши этой
так печально и вечно идти
за незримым цветком и кометой,
если их все равно не найти?

1929

128

You Are God's Day
Alexander Blok

You are God's day. My dreams. I know,
are eagles crying in the sky.
In shining beauty's wrath, they go
through whirling tempests as they fly.

As arrow comes their hearts to rend,
and each to mad destruction falls,
yet in their fall—there is no end
of praise, and utterance, and calls!

1929

127 *Stikhotvoreniia*, p. 130.

128 *Stikhotvoreniia*, p. 131. Translation of "Ты Божий день. Мои мечты" (1902).

- 129 Твоей походки звук не встрепенет дорожки,
твоей улыбки блеск не упадет на снег,
я только иногда надеюсь ведь немножко,
но знаю глубоко, что ты ушла навек.
- Я выйду в сад, что спит. я посмотрю на звезды,
где высь так холодна, где Бога не достать...
Скажи мне, для чего весь мир так странно создан?
Но только не скажи, что мне напрасно ждать!
- Не убивай мечты! Ведь то, что было, — было,
ведь отблеск от звезды так на тебя похож!
Пусть ночь, пускай зима цветы запорошила,
но пусть надежда лжет, что ты еще придешь!
- 1926
- 130 Тебя умчавшая гроза
прошла на дальний путь,
в твои уставшие глаза
уже нельзя взглянуть.
- И тихий, тихий небосклон
под мой уснувший кров
не донесет, как прежде, звон
твоих поющих слов.
- Но если так, где ты теперь,
твой гимн еще не стих,
— о, укажи мне эту дверь —
ведь я не жду других!
- 1929
- 131 Г.И.
- Твои глаза — колдующие блики
прославленной столетьями мечты,
и песни — упительные клики
весенних птиц из синей высоты.
- Но ты ушла — на быстрой белой шхуне —
и к берегам моим не повернешь;
ведь все мои молитвы были втуне,
и все твои обеты были — ложь.
- И только оттого, что ты, я знаю,
была почти печальней моего,

129 *Stikhotvoreniia*, p. 132.130 *Stikhotvoreniia*, p. 133.131 *Stikhotvoreniia*, p. 134. For Г.И. see note on poem 17.

я память о тебе не проклиная
и о тебе тоскую оттого.

1929

- 132 Ты глядишь на меня из своей тишины,
из своей сокровенной ушедшей весны,
ты глядишь, и ты знаешь, что в смертном краю
я пою повторенную песню твою.

И до солнечной, грешной до этой земли
светлым духом бесплотным слетя,
ты поймешь, отчего, бесконечно грустя,
я на небо смотрю из пыли —
отчего так похожи молитвы мои
на умолкшие песни твои.

1929

133

Володе Визи

Зменными бликами билась вода,
ты помнишь, в далеком порту,
где бросили якоря наши суда,
и мы отошли в темноту.

В вечерней толпе мы бродили одни,
и нас не окликнул никто.
Сияли вверху небоскребов огни,
ревели тревожно авто.

О, полночь, и холод чужих площадей,
о, блески витрин и реклам,
о, многие тысячи встречных людей,
идущих к себе по домам!

И после — весь ужас безмерной тоски,
когда мы, простившись, дошли
по докам пустынным, до шаткой доски
на ждавшие нас корабли...

1928

134

Блоку

О, неужели в синем свете,
когда на запад солнце канет,
он не придет к моей планете
и больше песни петь не станет?

132 *Stikhotvoreniia*, p. 135.133 *Stikhotvoreniia*, p. 136. For Володя Визи see note on poem 54.134 *Stikhotvoreniia*, p. 137.

Он умер,—и ведь я не знаю
ни слов таких, ни заклинаний,
чтоб вернуть земному краю
хоть часть его очарований.

Не смерть его была бедою,
а то, что я найти не в силах
и окропить живой водою
его далекую могилу.

И я пол-жизни отдала бы,
чтоб только знать на самом деле,
что песнь моя—хоть отзвук слабый
его разбившейся свирели.

1929

- 135 Случалось ли тебе рекой какой-то длинной
далеко где-то плыть, куда—не знаешь сам,
и видеть иногда, как крепости старинной
на склоне гор зубцы синеют здесь и там?

И знать, что ты—во сне и замки те—виденья,
что в окнах их мелькнут и пропадут огни,
и надо вечно плыть все дальше по теченью
и слов ничьих не ждать „пристань и отдохни!”

Я помню берега, высокий лес словый,
и быстрюю меня несущую струю,
и тихий неба свод, спокойный и лиловый,
такой, как не найти нигде в другом краю.

Но замков тех немых таинственные стены—
о, трудно рассказать, как больно помнить мне,
как будто это там, измучены и пленны,
живут мои мечты в своем старинном сне...

1929

- 136 Есть в судьбе какая-то слитность:
если грусть—то грустно всегда.
В страшный край, где кончится бытность,
черным током льется вода,
все бежит мохнатой пещерой,
по змеистым руслам земли,
навсегда распрощавшись с верой,
что забрезжится свет вдали.

135 *Stikhotvoreniia*, p. 138. Dated 16 June in the manuscript.

136 *Stikhotvoreniia*, p. 139.

Знаю я, — как время настанет,
я ударюсь о землю лбом,
и душа в небытье предстанет
в грязь затопленным соловьем,

и когда распадутся узы
при последнем вое трубы —
будет видно сердце медузы —
глупой, злой и жадной Судьбы.

1923

137

Я больше песни петь не буду,
прости меня, что я хочу
уйти к неслыханному чуду
и жечь незримую свечу.

Для самых пламенных молений
я белой ризой облекусь,
и вот, царица, на колени
пред этим чудом опущусь.

Я знаю, я забуду скоро
слова тревожные твои
и для невидимого хора
людские брошу колени.

Моих напевов звонко-струнных,
моих веселых серенад
у голубых колонн и луных
тебе нигде не повторят:

но ты пойдешь с сумой по свету,
весь мир земной исколеси.
забуди меня, меня уж нсту,
и, нищий, крох чужих проси.

1929

138

Winds From Afar Did Bring
Alexander Blok

Winds from afar did bring
hints of a song of spring.
Patches of sky somewhere
open their depth and glare.

There in the azure deep—
twilight of spring that's near—

137 *Stikhotvoreniia*, p. 140.138 *Stikhotvoreniia*, p. 141. Translation of "Ветер принес издалека" (1901).

tempests of winter sweep,
starry visions appear.

Timidly weep my strings,
somber and deep they are.
Resonant wind, that brings
songs you sing from afar.

1929

139

W.F.

The glamour of a death when crowds assemble
women and men, who hide their eyes to weep,—
the prayerfulness of death, when organs tremble,
wrenching a groan from out their very deep—

Ribboned and gilded wreaths and marble benches,
where all the dead one's friends will talk so much
about their dead, until existence quenches
the sudden gap,—your death was not of such.

Nothing to say, in no one to confide.
Flowers that grow a-plenty on the lawn
where you have walked—I know those flowers sighed
because a face they used to see was gone.

Crossing the murky sky from shore to shore,
you came and went, a golden meteor,
and all that's left of my predestined path
will be a long and useless aftermath.

1927

140

В одном моем привычном сне
есть место странное такое,
в залитой солнцем тишине,
в ничем не тронутом покое:

травой покрытая гора,
и в даль идут другие горы,
и облака из серебра
выводят по небу узоры.

И я на склоне там стою,
— не знаю, плачу или рада,
что в том задумчивом краю
мне никого уже не надо.

1929

139 *Stikhotvoreniia*, p. 142. For W.F. see note on poem 15.

140 *Stikhotvoreniia*, p. 143.

141 Deep in the Shade There Is a Hill
 Alexander Blok

Deep in the shade there is a hill,
close by a canyon, in the wood,
and near it bubbling waters fill
the shadows with an idle mood.

Green grass and flowers grow about
the hill, and never is the sun
allowed to enter from without.
The quiet waters only run.

Fond lovers, hiding, never meet
too near that cool and dusky nook.
—Why do those flowers blow so sweet?
and why is always fresh that brook?

There, there my suffering of years
lies deep below the roots and weeds,
and with eternal, constant tears,
Ophelia, your flowers feeds.

1929

142 Под почвой выгнувшейся и грязной
 глубоко скрыты янтари,
 и в черной шахте—блеск алмазный,
 осколки каменной зари.

Ищи и рой, и все достанешь,
и будут все тебе даны,
и, может, сильным принцем станешь
земной какой-нибудь страны.

Но ты себя напрасно мучишь,
когда за счастьем сам идешь,
стучись—и счастья не получишь,
проси—и счастья не найдешь.

1929

143 I came to you for just a little while,
 said I was sad, and wanted you to smile.
 I saw a sudden struggle on your face
 appear and vanish, leaving not a trace,

141 *Stikhotvoreniia*, p. 144. Translation of "Есть в дикой роще, у овчара" (1898). A misprint ("lies deep below the roots end weeds") in *Stikhotvoreniia* has been corrected in the present edition.

142 *Stikhotvoreniia*, p. 145.

143 *Stikhotvoreniia*, p. 146.

and from your words, from all that you could give,
 I knew again that it was good to live.
 Later I heard: that night, that very same,
 your heart was broken just before I came,
 a dream was gone, one you had cherished best—
 and yet you laughed—to comfort my unrest;
 now, how can days go on and I be gay,
 knowing that you are sad that very day?

1927

144

У меня слова теперь все те же,
 ничего другого не хочу,
 даже я пою теперь все реже,
 верно, скоро вовсе замолчу.
 И не все ль равно тогда, какою
 смерть неожиданно за моей спиной
 разлучить придет меня с тоскою.
 — и куда утащится со мной?

1929

145

Твои глаза глядят в туман,
 и в даль мечты твои ушли,
 как одинокий караван,
 как в дымке моря — корабли.
 Но потому вокруг орбит
 глубоко тени залегли,
 что сердце бедное скорбит
 о ненайденном в той дали.

1929

146

Видишь сонные блики луны?
 О, как мысли ночные страшны,
 как пугает тревожная тишь,
 — точно в черный колодец глядишь.
 О, оставь меня, я ведь иду
 за туманы, в холодную высь,
 и туда, где я отдых найду,
 ты за песней моей не гонись.
 Будут длинные тени лежать
 на разлюбленных мною полях,

144 *Stikhotvoreniia*, p. 147.145 *Stikhotvoreniia*, p. 148.146 *Stikhotvoreniia*, p. 149.

будет сердце твое вспоминать
о моих изменивших глазах,
будешь ты в одиноком труде
тосковать, что на белой звезде,
в исходящем от Бога свету,
я земную забыла мечту.

1929

147

Леле Мосоловой

Какие мокрые кусты,
и черная кора!
Ты говоришь, устала ты
и что тебе — пора?
Но, может быть, тебя и нет,
и это снится мне,
что снова, после долгих лет,
ты здесь, в моей стране?
И я немного погоды
проснусь и вдруг найду,
что только реки от дождя
шумят в пустом саду?
Тогда зачем же я ждала,
звала тебя зачем
в часы, когда ночная мгла
спускалась надо всем, —
и было чудно в сад сойти,
где мокрых веток дрожь,
и даже верилось почти,
что ты туда придешь!

1929

148

Размалеванный петрушка,
горбоносый, в шапке красной,
ах, бренчи своей игрушкой,
но не надо, не старайся,
для меня не улыбайся,
все напрасно!

Ты забавный, ты хороший,
но не жди в кулисной тени —

147 *Stikhotvoreniia*, p. 150. Dated 5 June in the manuscript. For Леля Мосолова see note on poem 21.

148 *Stikhotvoreniia*, p. 151–152.

я к ногам твоим не брошу
поцелованной сирени.

Я давно-давно забыла,
от чего так больно было,
ах, не все ль тебе равно —
это было так давно!

Пой, петрушка! Видишь, в зале
люди полны ожидания,
— разгоняй же их печали,
позабудь свои страдания.

Ведь в толпе тысячеконной
все равно петрушка глупый
то, что ищет, не найдет.

Время — враг и друг великий,
а сердца на память скупы,
— я не помню давний год!

1929

149

Я в черной щели потеряла
свое любимое кольцо.
Ты видишь, как печально стало
и как бледно мое лицо!

Овал блестящий хризопраза,
оправы тоненький изгиб,
и вдруг — темно и пусто сразу,
зеленый перстень вдруг погиб.

А если правда, счастье — в камне?
И камень, вправду, гонит зло?
И благо все, что жизнь дала мне,
благодаря ему пришло?

1929

150

Ты знаешь, кто-то ходит, длинный,
склоняется к твоим косам
и ревностью своей старинной
тебя ревнует к небесам.

Ведь это он тебя от солнца
ведет в пустой и хмурый день,
в твои блеснувшие оконца
своей тоски наводит тень.

149 *Stikhotvoreniia*, p. 153.150 *Stikhotvoreniia*, p. 154.

О, он бессветный и угрюмый,
 чего он ищет — не открыть,
 и ты наивной детской думой
 его в силах ощутить,

но если, вдруг, почувяв счастье,
 ты хочешь броситься вперед —
 как схватит он твое запястье
 и как обратно отшвырнет!

1929

151 We Needs Must be Divided in the Tomb
 George Santayana

Мы будем и в могилах врозь с тобой,
 ведь я хотел бы только умереть
 в горах Испании, и мрак последний зреть
 в долине молчаливой и пустой.
 А ты — как грустно! — Ты приют найдешь
 на побережьи северной страны,
 и в тень куста, и в аромат сосны,
 в туман, который стелется, уйдешь.
 В одном гробу, в конце любви земной
 пусть рыцари и дамы их лежат;
 но море разлучит твой прах и мой.
 Оттуда наши души улетят,
 любовью обожженные иной,
 и в землю не падут сердца назад.

1929

152 Oh, If the Heavy Last Unuttered Groan
 George Santayana

О, если бы последний, тяжкий стон,
 что спрятан здесь, на волю выйти мог,
 моей тоске покой послал бы Бог,
 и сердце б камнем залечатал Он.
 Какой я искупаю, небо, грех?
 Что было милым, разве грех любить?
 Я не жил, одиноко кончу жить,
 лишенный и надежды и утех.
 Не ново это. Многим так дано.

151 *Stikhotvoreniia*, p. 155. Translation of "We needs must be divided in the tomb," Sonnet XXV from George Santayana *Sonnets and Other Verses* (1894).

152 *Stikhotvoreniia*, p. 156. Translation of "Oh if the heavy last unuttered groan," Sonnet XXVI from George Santayana *Sonnets and Other Verses*, 1894.

Пустынные года и горя дни
 печалили их жизнь. И все они
 искали отдых, — поздно, все равно.
 Я знаю, Рок, каким путем иду.
 Вся радость позади. Я смерти жду.

1929

153

A Pipe Is Singing on the Bridge
 Alexander Blok

A pipe is singing on the bridge
 and apple-trees in blossom are.
 An angel raised above the ridge
 of sky a star—but one green star—
 and it's a marvel from the bridge
 to see such depth, and very far
 above to see the star.

Thus sings the pipe: the star does shine,
 oh shepherd, bring thy kine ...
 And by the bridge the waters join:
 —See, what a quickly running stream,
 forget your worries, do not pine,
 for depths like this—so clearly gleam
 you never saw till mine,
 and stillness that so deep would seem
 you never heard till mine.

See, what a quickly running stream,
 when did you ever dream this dream?

1929

154

М.А. Зыряновой

Кармен! „Как много в этом слове
 для сердца юного слилось”.
 Как часто, дрогнув наготове,
 к ногам Кармен оно несло!

Весь мир бывал — одна Севилья,
 и заменяли жизнь и все
 ее порхнувшая мантилья
 и кончик туфельки ее.

153 *Stikhotvoreniia*, p. 157. Translation of “Свирель запела на мосту” (1908).

154 *Stikhotvoreniia*, p. 158–159. For M.A. Зырянова see note on poem 46. The quote in the text “Как много в этом слове / для сердца юного слилось” is modified from the lines “Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!” in A.S. Pushkin’s *Eugene Onegin*, Chapter 7, XXXVI.

Бывали жгучие мгновенья,
когда, в восторге и без сил,
ее блестящего явления
весь иступленный зал проспил.

и, вся сверкая, появлялась
у складок бархата Кармен,
и зало бешено срывалось
среди дрожавших стоном стен.

Но глухо лились лейт-мотивы,
и не слышал никто из нас
в то время, как судьбы огниво
ей выскало смерти час...

Ушла Кармен... Пусть будет снова
зеленый занавес взлетать—
от голоса ее грудного
уже сердцам не трепетать.

Пусть в тот же бодрый темп кадрили
у цирковых проходит стен...
Но победивший Эскамилью
увидел мертвую Кармен.

1927

155

Your Temple, God, Is in the Sky
N. Gumilev

Your temple, God, is in the sky,
but earth is your abode as well.
And birds among the limetrees fly,
and in the limetree forests dwell.

A bridge is cast to us, which glows
with stars all different to view;
across it angels walk in rows,
who always speak of us to you.

If, God, all this is really so,
if I have rightly understood,
give me a sign, and let me know
that I am singing as I should:

155 *Stikhotvoreniia*, p. 160-161. Translation of "Канцона вторая" from N. Gumilev, *Космос* (1918), and later included in *К синей звезде* (1923). Vezev translates the modified text in *К синей звезде*, where the second stanza is "Переброшен к нам светлый мост./ И тебе о нас говорят / Вереницы ангелов-звезд./ Что по-разному все горят." See N. Gumilev, *Собрание сочинений*, Washington, 1964, II, p. 288, note on poem 237.

To her, who is in grief, appear,
 a Light that eyesight cannot heed—
 and render blindingly clear
 each explanation she may heed.

For lovelier than birds that sing,
 more blessed than an angel's lyre
 are gentle lashes quivering
 and smiling lips that we admire.

1928

156

Ничего я не знаю,
 ничего не умю.
 По закатному краю,
 видишь, небо алест?

В этом небе ведь — холод!
 Этот отблеск — тревожен!
 Льду кусочек отколот.
 прямо в сердце положен.

1929

157

Ann's Elephant

Слоненок из серой глины
 на розовом клякспапире
 сошел с какой-то картины,
 мне помнится, о Каире.

Иль, может, в Аддис-Абеба,
 когда слонята играли,
 сманив горбушкой хлеба,
 его туземцы поймали.

Склонясь к столу, он мечтает
 у тикающих часов
 и даже мне не пеняет,
 что нету других слонов.

Он очень ласков и смирен,
 и только в глазах горят
 огни каких-то кумирен
 и странных идолов ряд.

1926

156 *Stikhotvoreniia*, p. 162.157 *Stikhotvoreniia*, p. 163.

- 158 Есть синее море и за морем горы,
 где теряются будни судьбы,
 где в темных каньонах живут сикаморы
 и у самых подножий — дубы.
 На взморье — бурунов тяжелые взлеты,
 и охапки подводной травы,
 и от гор вечерами выходят койоты,
 и разносятся крики совы.
 Ты мне говоришь — я с тобою не спорю,
 я ведь слушаю, точно во сне:
 я тебя не люблю, я тоскую о море,
 о заморской далекой стране. 1929

- 159 Я уйду куда-то, где сейчас темно,
 где ночное небо звездами полно,
 где на белом поле лапчатая ель,
 в тридесятom царстве, за тридевять земель.
 Я не буду помнить душиные сады,
 кровью на дорогах легшие следы,
 человеческих песен вспомнить не смогу,
 буду ждать чего-то на пустом снегу.
 Буду ждать и слушать, как зовет сова,
 как под снегом шепчет сонная трава,
 как ликует месяц звонкою красой
 девушки небесной с огненной косой.
 Будет ночь, как сказка, будет ночь сама
 трепетать, как чудо, за плечом холма,
 и тихонько полем, где тропинки нет,
 проберется в душу небывалый свет. 1929

- 160 Sleep Blissfully, Sleep
 Alexander Blok

Sleep blissfully, sleep, oh ye guests that have come from afar,
 forget that it's growing more dark in the cage where we are . . .
 That stars now are falling, and draw silver threads as they pass,
 and golden and shimmering wine serpents dance in the glass.

158 *Stikhotvoreniia*, p. 164.

159 *Stikhotvoreniia*, p. 165.

160 *Stikhotvoreniia*, p. 166. Translation of "Усните блаженно, заморские гости, усните" (1908).

When all these threads join and a net has been made that will shine—
infinity has been created by snakes in the wine,—
this needless old cage will be lifted and whirled and thrown
in some blue eternity, bottomless chasm unknown. 1929

161 Я с неба яркую звезду
рукою смелой украду.
О, разве это мир заметит?
Одна звезда так мало светит,
темней не может быть ему,
а я звезду свою возьму
и в сердце на конце княжала
воткну, чтоб вечно освещала
все уголки, где мысль живет.
та мысль, что жизнь мою прядет,
все чувства в сердца клетке тесной
осколком мудрости небесной. 1921

Стихотворения II

(Шанхай, 1936)

- 162 Дуют, дуют белые метели,
 замстают след твоей судьбы. . .
 Поднялись высоко за неделю
 белые, тяжелые гробы!
- Мертвому тревожный сон не снится,
 мне — живой — мятель сковала грудь.
 Здесь еще недавно пели птицы,
 зеленел и золотился путь.
- Что же помнить солнечные дали
 в той стране, где вечный май блестит,
 где в оправе розовых азалий
 голубое озеро лежит?
- 163 Не смотри на меня, не смотри!
 Я идти по земле не умю —
 далеко позади фонари
 городской и знакомой аллей.
- Зимней вьюгой я сбилась с пути —
 злая, темная выдалась вьюга —
 мне теперь никогда не найти
 ни дороги, ни дома, ни друга!
- Отчего в непогодную ночь
 ты, сказавший великое слово,
 не сумел прибежать и помочь,
 довести до надежного крова?
- 164 Прости, что я еще не верю
 и песни не хвалю твоей —
 твои глаза пустынной прерий,
 росы вечерней холодной!

162 *Stikhotvoreniia II*, p. 5.

163 *Stikhotvoreniia II*, p. 6.

164 *Stikhotvoreniia II*, p. 7.

Я даже рук твоих не трону.
 О, я с тобой — совсем одна...
 За гранью синего каньона
 невидящая глубина...

- 165 На севере стоят большие скалы,
 на севере растут высоко сли,
 озера серые в лесах лежат — зеркала,
 куда глаза людские не глядели.
- Лиловый вереск длинными коврами
 в далекой расстилается просеке,
 отсвечивает солнце вечерами
 и не скучает, нет, о человеке.
- Я помню звезды в черном небосклоне —
 и млечный путь, как тонкой ткани шарф,
 раскаты неоконченных симфоний,
 неповторимые аккорды арф...
- Но у меня пути теперь другие:
 в огромных городах, где ходят люди,
 я видела глаза одни — людские —
 и я не брежу об уснувшем чуде.
- 166 Над Тобою голубь белый вьется,
 благостен Твой лик и речи сладки.
 Вот, я пью от Твоего колодца
 и Твоих одежд целую складки.
- Даже в самый страшный час, в пустыне,
 где земная тварь едва жива,
 я Тебя запомню, и отныне
 утешат меня Твои слова.
- Только, Боже, для чего Ты создал
 нам глаза печальные такие,
 вместо сердца положил нам звезды
 и велел нам песни петь людские?

165 *Stikhotvoreniia II*, p. 8.

166 *Stikhotvoreniia II*, p. 9. The manuscript is dated 9 November 1929. In the 1960s the poem was published in the newspaper *Russkaiia zhizn'*, San Francisco, where the first line of the second stanza read: "Даже в самый трудный час в пустыне," and the last line of the poem "и позволил песни петь людские?" The poem was later included in its original form in the collection *Golubaiia trava*, p. 9.

- 167 У тебя на солнце зреют фиги
в островном тропическом саду.
Я к тебе на легком белом бриге
по морям серебряным приду.
- Оттого, что слишком ты мне нужен,
брошу якорь в золотое дно
самой тихой бухты, где жемчужин,
как любви в душе моей, полно.
- И когда в стремительной пироге
на песок швырнет меня волна,
о, твои глаза не будут строги!
Ты поймешь: и я тебе нужна.

- 168 Возьми меня в аэроплан
и подымись со мною выше,
над пестрой картой здешних стран,
до самой до небесной крыши.
- Ты будешь опытный пилот,
и я тебе доверюсь смело,
с тобой отправившись в полет
до осиянного предела.
- В холодных, белых облаках
мы будем оба — точно птицы,
нам непонятен будет страх
и не захочется спуститься.
- Вон, там, зеленая, земля,
а выше — небо, смерть и слава,
неосторожная петля —
и мы, как камни, канем в травы!
- И людям, с болью на лице
рыдающим внизу над нами,
не знать, что о таком конце
взмечтали души наши сами.

- 169 Ушел, блистая парусами,
и я одна на берегу

167 *Stikhotvoreniia II*, p. 10.

168 *Stikhotvoreniia II*, p. 11. The manuscript is dated 18 January.

169 *Stikhotvoreniia II*, p. 12. Later included in *Golubina trava*, p. 16, under the title "На берегу."

пустыми, долгими часами
свою лачугу стерегу.
Луна взойдет — и не укажет
своим лучом, что ницет зря
корабль, который тенью ляжет
на слишком дальние моря,
и даже думать я не смею,
что можно птицей белой пасть
к нему на дрогнувшую рею
и на обрызганную снасть.

170

Иду одна. Большое поле,
кругом цветы, трава, трава.
И нет в душе привычной боли,
лишь пустота и синева.

Как будто кто-то тронул тихо,
промолвил: „Ты теперь в раю,
не поминай, — не надо, — лихом
нечаянную жизнь свою!”

И я поверила; не стала;
сдержала бурю горьких слов.
Но — Боже! — как ужасно мало
пустого поля и цветов...

171

На синем небе белая звезда
горит, не меркнущая никогда,
а на земле — ненужные труды
и вечный призрак страха и беды.

Оставь твоих друзей, забудь свой дом,
взмахни своим слепительным крылом. —
вон, там зовет звезда твоя: она
светлей мечты, великолепней сна!

172

Самарянин, меня ты поднял в поле,
остановившись на пути своем,

170 *Stikhotvoreniia II*, p. 13. Later included in *Golubina trava*, p. 13.

171 *Stikhotvoreniia II*, p. 14.

172 *Stikhotvoreniia II*, p. 15. Later published in the journal *Delo*, San Francisco, no. 3, 1951, and then included in the collection *Golubina trava*, p. 18, under the title “Самарянин,” for which see Luke 10:33.

елей целебный мне на раны пролил
и внес меня в благословенный дом.

Цветут поля, поют в деревьях птицы,
и с ласкового неба смотрит Бог.

И я живу, — чтоб о тебе молиться
за то, что ты пришел и мне помог.

173

Ты от меня уехал снова,
тебе с другими веселей:
ты в шуме города большого
не слышишь песенки моей.

В тени своих бетонных зданий
в лучах неона огня,
я знаю — ты в воспоминанье
недолго сохранишь меня.

Но я почти что не тоскую:
вон звезды новые зажглись!
Как наглядеться на такую
бездонную ночную высь!

174

Я слышу странные мотивы,
и сны мне видятся, когда
дрожат серебряные ивы
на грани синего пруда.

О, я в глуши пустого сада,
где месяц — шелковый фонарь,
бываю так тревожно рада
подумать о тебе, как встарь!

Там травы ласковые встали,
цветы выросли со дна болот,
там тише боль людской печали
и голоса дневных забот.

И там, где тонких ив побеги,
в холодной и зеленой мгле
поют слова твоих элегий,
сладчайших на моей земле.

173 *Stikhotvoreniia II*, p. 16. Later included in the collection *Golubaia trava*, p. 20.

174 *Stikhotvoreniia II*, p. 17.

- 175 Зачем ты помнишь обо мне?
 Мой путь одет глубоким мраком,
 и я не верю светлым знакам,
 встающим в этой тишине.
- Туда, где юбка, как алмаз,
 горит на солнце блеском ровным,
 я не приду в часу условном —
 как приходила столько раз.
- Я стала реже повторять
 твои любимые мотивы . . .
 Здесь слишком тяжело никнут ивы
 в пруда серебряную гладь!
- И слишком грустно я пою —
 твоих садов, что близки к краю.
 о, я давно не вспоминаю
 в своем задумчивом краю.
- 176 Я не знаю, по чьему указу,
 от каких морей пришли суда,
 неожиданно так много сразу
 благодати принося сюда!
- Вероятно, это все — ошибка,
 и, должно быть, ветер их завлек
 на пути изменчивом и зыбком
 посетить мой дикий уголок.
- Только даже если это случай,
 и серебряные крылья их
 унесутся в розовые тучи
 от убогих берегов моих —
- я не стану плакать, сожалея:
 пусть ушли — они ведь были тут, —
 вот, и небо сделалось светлее,
 и цветы душнее цветут.
- 177 В Великий пост я буду в черном,
 верна обряду своему,

175 *Stikhotvoreniia II*, p. 18.

176 *Stikhotvoreniia II*, p. 19. Dated 11 March in the manuscript.

177 *Stikhotvoreniia II*, p. 20. Later included in the collection *Golubina trava*, p. 11, under the title "В Великий пост," where the third line of the second stanza was "и стану вся прозрачной воска."

молитвы петь в хору соборном —
и глаз к тебе не подыму.

Я буду спать на голых досках
и жить на хлебе и воде, —
и стану вся прозрачней воску,
тростинки ивовой худей.

И если не случится дива,
и вдруг не победит мечта,
ты скажешь: как я некрасива,
угрюма и совсем проста!

- 178 Мне черной ночью снится иногда,
в глубоком сне, на самом дне сознания,
холодная, зеленая вода
и кораблей высоких очертанья,
и я дышу и чувствую в груди
соленый, острый ветер океана,
и в сером небе вижу впереди
одну звезду, поднявшуюся рано,
и, кажется, что счастье — в той звезде,
что можно перестать просить о чуде
и что никто, никто уже, нигде
мне больше нужен никогда не будет.

- 179 Да, я зову тебя в бреду:
мне сон приснившийся отраден —
хоть Бог берет большую мзду
с того, кто так упрямя и жаден.
Ведь если дни мои скупы
на то, что мне всего милее,
и надо браться за шипы
из-за цветка, что в них алеет,
я все отдам, что мне велят,
не дрогну перед высшей платой, —
за тень, за звук шагов, за взгляд —
и буду все-таки богата.

178 *Stikhotvoreniia II*, p. 21.

179 *Stikhotvoreniia II*, p. 22.

180 Нам скорбь великая дана,
и мы ее несем, как знамя,
дорогами слепыми сна,
который тянется веками.

Настанет мир, взойдет зерно,
в лесах родится дичи много,
все будет людям прощено,
и станут люди славить Бога

Но мы останемся одни:
за серым пологом тумана
горят огромные огни
земли, не нам обетованной.

181 Слишком рано, Боже, появили
голубые в саду цветы—
слишком рано звезды опали
с голубой Твоей высоты!

На кусту, что обнял печалью,
соловей замолчал во мгле,—
точно Ты железной скрижалю
заповедал горе земле...

Боже, Боже, темно в долине,
опустел сиреневый сад—
неужели никто отныне
ничему на свете не рад?

182 " ... Only thine eyes remained:
they would not go—they never yet have gone."
Edgar Alan Poe

В твоих глазах—высокие хоромы,
несчитанных сокровищ подземелья,
цветущие сады, моря и реки,
и голубых далеких гор вершины,
далеких гор отроги и ущелья,
где сладко пахнет медом и цветами.

180 *Stikhotvoreniia II*, p. 23. It was later included in the collection *Golubiia trava*, p. 21, with a dedication to "B.B." i.e., Vladimir Vezey; see note on poem 54.

181 *Stikhotvoreniia II*, p. 24. It was later published in the journal *Delo*, San Francisco, no. 3, 1951, and then included in the collection *Golubiia trava*, p. 12.

182 *Stikhotvoreniia II*, p. 25, later included in the collection *Golubiia trava*, p. 23. The epigraph is taken from the poem "To Helen" by Edgar Alan Poe.

И дно великолепное морское
в твоих глазах: к нему ни разу солнце
не снизошло, не трогало жемчужин
и белых анемон не золотило.

И лес старинный . . . И звездой зеленой
огромное окрашенное небо,
и шопот трав вечерних, и в оврагах
бегущая серебряным потоком
вода — в глазах твоих.

А часто у людей бывают
глаза — стеклянные шары пустые,
в которых отражаются снаружи
дома, глядящие рядами окон,
идущие толпой другие люди,
и блики электрической рекламы.

- 183 Случайный взгляд куда-то вбок,
 минута — встреча — в сердце пенье,
 и вот, уже готов предлог,
 чтоб загорелось вдохновенье,

 О, как наивна я. смотри!
 Мне, взрослой, скучной и серьезной,
 уже приснились фонари
 какой-то феесты грандиозной.

 Но если даже я смешна,
 ведь разве не завидно это,
 какая малость мне нужна,
 чтоб целый день залолнить светом!

- 184 У тебя миндальные сады
 по краям берилловой воды,
 у тебя цветные фонари
 освещают праздник — до зари.
 Для тебя у девушки любой
 вспыхнет сердце искрой голубой.

 Знаю: волны на море зеленом
 не докатятся к тебе со стоном
 и, ласкаясь у твоей руки,
 не передадут ничьей тоски.

183 *Stikhotvoreniia II*, p. 26.

184 *Stikhotvoreniia II*, p. 27. It was later included in the collection *Golubaini trava*, p. 19.

Ты сейчас не помнишь никого,
ты сейчас не слышишь ничего,
в эту темную глухую ночь
ты не можешь мне помочь.

- 185 Ты, Лилит, спустилась по ступеням,
ты, Лилит, себя не пожалела,
ты сошла туда, где жили тени,
чтобы обрести, кого хотела.
- Отдала светящиеся крылья,
звездную тиару, что сверкала,
сделала последнее усилие —
опустила даже покрывало.
- Все — по приказанью тех, отсюда,
чтобы только увидеть, что надо,
и стояла, все еще — как чудо,
и ждала желанную награду.
- Ну и что же, ты его узрела,
своего архангела во плоти,
у него изломанное тело,
крылья потемневшие в лохмотьях.
- Ты, сама ушедшая из ряя,
бросившая небо добровольно,
что же, от тоски своей сгорая,
ты не скажешь, что теперь довольна?

- 186 Из тишины, из темноты
вздохнули сладкие цветы,
где капли белые луны
на ветчиках видны.
- В глубокой дреме старый сад,
и черных лип усталый ряд
недвижен, точно строй солдат,
и даже птицы спят.
- И только белая луна
сползла туда, где два пятна —

185 *Stikhotvoreniia II*, p. 28.

186 *Stikhotvoreniia II*, p. 29. It was later published in the annual *Den' russkogo rebenka*, San Francisco, no. 18, 1951, p. 241, where the first two lines of the last stanza read: "и от упавшего луча / от луного меча." It was included in the collection *Colubina trava*, p. 10, under the title "Ноктюрн I."

две клумбы белые выросли
из дремлющей земли,

и от упавшего меча,
от лунного луча
блаженно дрогнули цветы
из темноты.

- 187 Луч заката играет на пальме,
в игрушечном хуторе между гор.
Старый японец в серой тальме
вышел гулять в свой двор.

Рядом в окошко глядит японка,
глаза у ней — вишеньки, ротик ал,
точно художник очень тонко
куколку разрисовал.

Смотрят на речку, зеленый берег,
смотрят, как день сменяет мгла. —
и Бог их не тронет. — Он им верит:
они никому не сделают зла.

- 188 Лес лиственный и вместе хвойный
и, затерявшись между скал,
пруда зеленого провал,
такой глубокий и спокойный.

А дальше, — так за десять миль, —
есть город с серыми домами.
и весь он — сталь, бетон и камень,
и весь он грязь, и дым, и пыль.

- 189 Тамара, Тамара, зачем в тиши
ты ждешь опять лиловых сумерек?
Ведь князь не приедет, он ведь умер,
молись о спасенье его души!

Зачем ты смотришь на гребни скал,
и страх и надежда в сердце спорят?
Кто это, высокий, слетел и встал,
высокий и темный, — с огнем во взоре?

187 *Stikhotvoreniia II*, p. 30.

188 *Stikhotvoreniia II*, p. 31. It was later published in the annual *Den' russkogo rebenka* (San Francisco), no. 18, 1951, p. 243.

189 *Stikhotvoreniia II*, p. 32. Тамара is the heroine of M.Iu. Lermontov's poem *Demon*.

Тамара, беги, он так силен,
забудь про звезды, про тех, кто выше,
забудь, что видишь, забудь, что слышишь,
ведь это призрак, ведь это сон, — Тамара!

Снежных вершин высока громада...
Замок молчит и ночь темна...
Если он призрак — жизни не надо, —
что же в жизни прекраснее сна?

190

Поцелуешь горестные веки,
скажешь, „дорогая, улыбнись!“
в час, когда засеребрятся реки
и подернется туманом высь.

В далеко ушеднем кватроченто
так писали небо мастера:
облака развившаяся лента,
звездная кайма из серебра.

Что же делать, если счастье зыбко,
и последний луч дневной зачех, —
если неразгадана улыбка
у мадонны Лизы на губах?

191

Пролетали нули мимо, мимо,
вспыхивали красные цветы, —
что же я осталась невредима,
если защитил меня не ты?

Думала, не будет утешенья,
думала, живой не убегу,
если бросил на поле, мишенью
самому свирепому врагу...

Сжалились другие, видно, силы,
там, где ты не захотел спасти!
Для чего же я тебя любила,
как же о тебе могла грустить?

192

Унес меня — в ночи туманной —
от сонма лютого врагов, —

190 *Stikhotvoreniia II*, p. 33.191 *Stikhotvoreniia II*, p. 34.192 *Stikhotvoreniia II*, p. 35.

а я не знала раньше, странно,
не думала, что ты таков.

За то, что я жила без веры,
что встанешь ты, светлее дня —
ты, чьи глаза ясны и серы, —
прости незавиную меня.

193

Когда потухнут на пути огни,
я верю: наклонись ко мне, взгляни,
и будут дни мои озарены
лучами удивительной весны:

у солнца не настолько ярък свет,
и у ночи таких созвездий нет,
и надо мной, когда ты бросишь взгляд,
чуть видимые крылья прошумят.

194

За окном раскрывались снявшие дали.
Люди несли убитого прах,
и они не видали, ах, они не видали,
что кто-то вошел и встал в дверях.

Только видала одна Тамара,
и черные косы дрогнули вдруг.
Что это — радость? Божья кара?
Кто же он, кто же он? враг? друг?

Господи, Боже, как ответить,
где ей найти довольно сил?
Даже вратарь не мог заметить,
даже ангел его пропустил.

Даже молитвы звон и хора
бедному сердцу не могут помочь.
Темная келья. Как пламя, взоры.
Темные крылья. Черная ночь.

193 *Stikhotvoreniia II*, p. 36. It was later published in the journal *Vozrozhdenie*, Paris, no. 215, 1969, p. 57, where the first line was "Когда погаснут на пути огни." It was then included in the collection *Golubiia trava*, p. 6, in its original form. In *Golubiia trava* the poem is dedicated to "E.T."—Evgenii Fedorovich Tourkoff, Mary Vezey's husband. Poems 216, 219, 221, 374, 400, 462, and the whole of the collection *Golubiia trava* are dedicated to him.

194 *Stikhotvoreniia II*, p. 37. For Тамара see note on poem 189.

195–201

„Мимоходом встретить
и на век уйти.
лишь стихом отметить
на своем пути”.

Андрей Блок

195

I

За твой привет и ласковость твою
тебе я песню лучшую спою,
и, свечку восковую теребя,
я помолюсь о благе для тебя.

Но ты, нашедший лучшие пути,
не вспоминай меня и не грусти.
На синем небе много жарких звезд,
и мир земной прекрасен. тих и прост.

и отражает ночью океан
светящийся вверх Альдебаран.
Гляди на эти звезды и забудь,
что я тебя благословила в путь.

196

II

Уехал. Я одна стою.
Мне этот мир и чужд и тесен.
Я больше песен не пою,
когда моих не просят песен.

Пусть другие, что звончей,
на золотых играют струнах,
и в тишине твоих ночей
тебе поют о желтых лунах.

Мне только жаль, что в чарах мглы,
которые моих чудесней,
ты не поймешь, как странно злы
у женщины тех глаза и песни!

195 *Stikhotvoreniia II*, p. 38. This and the next six poems comprise a cycle. The first poem of the cycle was later published in the journal *Kharbinskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. dor.*, San Francisco, no. 4, 1957, p. 53, without the epigraph. Later the first poem was included in the collection *Golubina trava*, p. 22, under the title “Мимоходом” and with an epigraph from a poem of Andrei Blok, an emigré poet who lived in France. The dates of his birth and death are not known; he published two collections of poetry in Paris in 1927 and in 1929.

196 *Stikhotvoreniia II*, p. 39.

197

III

Любить тебя? Я вовсе не люблю:
ушедшему чужому кораблю
смотрю вослед и вспоминаю, — так,
на миг один приснившийся пустяк.

Морские птицы кружатся гурьбой
над белым кораблем и над тобой.
и черные шумящие валы
вокруг тебя вздымаются из мглы.

Еще пройдет неделя или две,
и на сердце моем и в голове,
конечно, не оставит и следа
ушедший темным морем навсегда.

198

IV

Вот, ты ушел, и ты забыл, конечно,
мое лицо и глаз моих вопросы.
Есть много лучше: смех у них беспечней,
алее губы и пушистей косы.

Но отыщи, где выберешь, иную,
и говори, о чем захочешь, с ней,
— я не боюсь ее и не ревную:
меня она не может быть нежней.

Ведь неужели хоть одна на свете
из женщин самых сказочных земных
тебе подарит песни лучше этих. —
певучее и ласковой моих?

199

V

Ты стоишь в священном храме Нара,
в ароматной темной тишине,
Бог за радость посылает кару:
Он не возвратит тебя ко мне.

Долго смотришь на большого Будду...
Мне бы на тебя смотреть вот так!

197 *Stikhotvoreniia II*, p. 40.

198 *Stikhotvoreniia II*, p. 41, dated 18 September and dedicated to K.M. in the manuscript. Poems 200 and 304 are also dedicated to him. In the manuscript: the fourth line of the first stanza read "и мягче руки, и пушистей косы."

199 *Stikhotvoreniia II*, p. 42.

Но и с тем, что было, не забуду
ни единый о тебе пустяк.

Там поют под „самисен” японки,
с ними веселее, чем со мной.
Хризантемы там на стеблях тонких
нежно позолочены луной.

Синих сосен странные изгибы
четко отражаются в воде,
и блестят серебряные рыбы
в голубом искусственном пруде.

Ты не встретил чуда, я ведь знаю,
в дикой той степи, где я живу,
ты, ушедший к сказочному краю,
где и сны бывают наяву:

оттого в пустом и темном храме
ты не вспомнишь, в лунной тишине,
о мгновеньях, проведенных с нами,
и не пожалеешь обо мне.

200

VI

Глубокой ночью мне приснились сны . . .
Кончался день тропический и длинный
над городом, где белые слоны
носили золотые балдахины.
В толпе людей, крикливых и чужих,
я шла одна, беднее всех одета.
Под синим небом жаркий ветер стих,
и я ждала . . . какого-то ответа.
И вдруг толпу прорезал странный свет,
упавший от сияющего взгляда,
и стало ясно: „вот тебе ответ,
ты больше ничему не будешь рада.
Зеленый взгляд, берилловая нить,
в твоей судьбе пронизет дни и ночи,
и ты поймешь, что нечего просить,
и лучшего блаженства не захочешь!”
Потом сомкнулись пестрые ряды,
и скрылся взгляд, хоть я за ним бежала.

200 *Stikhotvoreniia II*, p. 43, dedicated to K.M. in the manuscript, where the third and fourth lines of the fourth stanza read “и больше будет нечего просить. / и лучшего ты счастья не захочешь!” Poems 198 and 304 are also dedicated to him.

О, будь благословенна власть Будды,
которая земным его послала!

201

VII

Художник написал с меня портрет
и своему искусству придал весу,
и мне свои стихи дарил поэт,
и для меня артист поставил пьесу.

И уходя на край чужой земли
(теперь жалею — *focolare spento!*),
блистательные рыцари пришли,
для своего щита просили ленту.

Но ты, но ты, мой милый, не был щедр:
я бросила к твоим ногам корону, —
ты на меня взглянул, как гордый кедр
на бедную лесную анемону.

И потому, — вот горести предел,
как будто без нее печали мало, —
ты даже никогда не посмотрел
на те стихи, что я тебе писала!

202

О жизни призрачной мосей,
о жизни странной и крылатой,
в глубокой тьме твоих ночей
тебе приснился сон когда-то.

С тех пор тебе забрезжил свет
великого очарованья.
и прежней веры больше нет
в мои обиды и страданья.

Обманут солнечной мечтой,
что ж, ты идешь своей дорогой,
но ты не видишь слез простой,
земной души моей убогой.

203

Уйди в дремучий лес, ложись
на мох зеленый, под сосною, —

201 *Stikhotvoreniia II*, p. 44.

202 *Stikhotvoreniia II*, p. 45.

203 *Stikhotvoreniia II*, p. 46.

там встанет ночь совсем иною,
когда звездой зажжется высь.

Пусть ты — отшельник и бродяга,
не помнишь своего жилья, —
зато ты слышишь у оврага
ночные трели соловья.

Что ж, если на тебя укажут,
„Вот нищий, что от нас ушел“,
они, — не видевшие даже,
как в полночь папоротник цвел!

204

Блестят коричневые лики,
им много свечек зажжено.
Приду к тебе Постом Великим
и постучусь в твоё окно.

Коснусь твоей двери кленовой, —
легко ли гордость принести?
„Прости неласковое слово,
глаза недобрые прости!“

Такая вышла, видно, злая,
упрямая моя мечта.
Но видишь, как свеча пылает
сияньем тайного поста?

205

В далекий путь уехал воин —
уже назад не повернет;
он беззаботен, он спокоен,
он песню весело поет.

А позади, в тени часовен
рука лампаду подняла:
и путь далек, и час неровен —
„Спаси его, Господь, от зла!“

206

Мы недоброй сказке не поверим,
старую прогоним прочь Ягу.
Подойди! Высок и весел терем,
я тебе навстречу прибегу.

204 *Stikhotvoreniia II*, p. 47.

205 *Stikhotvoreniia II*, p. 48.

206 *Stikhotvoreniia II*, p. 49.

Пусть узнает мир, как мы богаты,
как нестрашно нам и как светло:
видишь, крылья красного заката
бросили огонь в мое стекло!

207

Беленькое платьице,
белая кровать,
больше никогда тебя
мне не целовать.

Белый венчик матовый,
белая свеча,
белы губы сжатые
навсегда молчат.

Плачет сердце, есть о ком, —
помер человек . . .
Падай мелким крестиком,
мертвый белый снег . . .

208

Чем выше и блистательней полет,
тем человек большее упадет,
и чем великолепней свет сиял,
тем жальче тот, кто в темноту попал.
Дай, Боже, ровный путь и тихий свет, —
спокойнее житья для сердца нет!

209

Я сделана из песен и огня,
но ты не знаешь, не поймешь меня.
В моих стихах старинный отражен
тебе — увы! не видевшийся сон,
и музыку любимую свою
я в голосе твоём не узнаю.
Вот отчего тот путь, где прохожу,
я никогда тебе не укажу.

207 *Stikhotvoreniia II*, p. 50. It was later included in the collection *Golubaiia trava*, p. 17 under the title "Плач."

208 *Stikhotvoreniia II*, p. 51. The manuscript has a notation "31 августа ночью, у В. на даче."

209 *Stikhotvoreniia II*, p. 52.

210

По небу тучи серые ползут,
садится солнце, день осенний тает.
Ах, если грустно делается тут,
об этом никогда никто не знает,
никто не взглянет и не подойдет,
никто улыбкой ласковой не встретит
и нежным именем не назовет,
как раньше, как когда мы были дети.

Все как-то иначе, совсем не так,
как начиналось. Только небо то же,
и так же пахнет вечером табак
в саду, немножечко на наш похожем.

Пусть улетают в край, где вечный зной,
куда-нибудь на Яву или в Ниццу,
расставшиеся с северной страной
еще во что-то верящие птицы.

Но звезды опадают, как мечты,
которым стало в небе не под силу,
которые упали с высоты
в свою земную жалкую могилу.

и сердце человеческое вдруг
так горько знает, что оно устало,
что солнца нет, что замкнут вечный круг
и что звезда — последняя — упала.

211

Нелепы в жизни перемены ...
Друзей уносят поезда,
и прочь уходят морем пленным
большие серые суда.

И города сейчас не те же,
в которых раньше я жила,
и ночью сны бывают реже,
и неба синь не так светла.

Лишь сердце перемены не знает:
оно растет, уходит вдаль.

210 *Stikhotvoreniia II*, p. 53. In one of the copies of the collection Mary Vezey added a handwritten dedication: "B.B." See note on poem 54.

211 *Stikhotvoreniia II*, p. 54.

но в глубине своей ласкает
все ту же радость и печаль.

и самых ранних лейт-мотивов
не изменят в его струне
паденья в пропасти с обрывов
и взлеты снизу — к вышине.

212 Я не Мария больше: только Марфа.

Свои мечты я продала за труд.
Покрыта пылью золотая арфа,
ослабленные струны не поют.

Способно и к труду привыкнуть тело,
и может сердце, кажется, забыть
о том, как раньше бредило и пело
и не умело по-земному жить.

Но только иногда далеким звуком
давнишний сон напомнит о себе;
о, иногда — нет равных этим мукам
в железной человеческой судьбе, —

и сердце опустевшее, земное,
познавшее работу и покой,
мучительно забьется и занует
и до краев наполнится тоской.

и долго будет рваться к тем планетам,
которые оставило давно. —
не зная, что отвергнутого света
ему уже увидеть не дано.

213 Не уложишь в ларец драгоценный

золото деревьев на закате,
взлет волны серебряной и пенной,
жемчуг слез, которые растратил.

Не найдешь и не услышишь снова
звуки раскатившиеся песни,
не подымеешь брошенного слова,
будешь тщетно говорить — „воскресни!“

212 *Stikhotvoreniia II*, p. 55.

213 *Stikhotvoreniia II*, p. 56.

Кто отверг — того судьба страшнее,
спохватился — да уж будет поздно;
будешь горько вспоминать, жалея,
что пошли дороги наши розно.

Ну, а я тебя забуду скоро:
станет зренье радовать мое
солнечная в поле сикамора,
месяца на небе острие,

и тебя, измученного раной,
нанесенной сердцу моему,
я в своей весне благоуханной
никогда уж больше не пойму.

Голубая Трава

(Сан Франциско, 1973)

Моему мужу

214

Острова

Говорят, что на свете остались еще острова,
которые нам, городским, еще могут сниться,
где высоко растет голубая, густая трава,
и, качаясь на ветках, поют золотые птицы.

От тех островов в жемчужово-искристый прибой
протянулись серебряной нитью песчаные косы,
и, может быть, там получили б и мы с тобой
желанный ответ на больные свои вопросы!

Но в гавани нашей еще не стоят корабли,
еще человек не построил таких самолетов,
которые нас бы с тобою туда унесли
от будничной прозы окрестной и серой заботы.

[193]

Когда потухнут на пути огни...

215

Шаги

Отцу и Матери

Под звездным небом, за краем села
блещат церковные купола.
Поднявшись вглубь ночной темноты,
горят и светятся их кресты.

А улица зимняя ночью бела,
перекрестки молчат, пусты.

В домах на улице все темно.
Закрыли ставни мое окно,
заперта крепко входная дверь,
никто не стукнет в нее теперь.

214 *Golubain trava*, p. 5. The whole collection is dedicated "Моему мужу," i.e., to E.F. Tourkoff.

See note on poem 193.

215 *Golubain trava*, p. 7.

В поле, что снегом занесено,
воет голодный зверь.

Чудится вдруг, что издалека,
снегом поскрипывая слегка,
знакомой тенью ложась на снег,
идет вдоль улицы человек . . .

И снова на сердце моем тоска,
предсказанная на век.

Все ближе будут скрипеть шаги
оттуда, где не видно ни зги,
вдали, поднявшись из темноты,
все ярче будут гореть кресты . . .

Но в жизни замкнуты все круги,
и это не будешь ты.

216

Встреча

Е.Т.

Ловила приметы, искала следы
на шумных дорогах, у края воды,
в глуши, где терялась лесная тропа,
какой не касалась людская стопа . . .

Бывала свирепая в жизни пора,
казалось, вовек не дожждаться добра,
в пыли городов, в суете площадей—
следов не найти среди толпиц людей.

Но в детстве, бродя по опушке лесной,
я встретила как-то с цыганкой одной,
и та предсказала мне все о тебе,
когда о моей погадала судьбе.

И все эти годы я в сердце несу
ту детскую память о встрече в лесу:
спасибо цыганке! Она не лгала . . .
Но что если я бы тебя не нашла?

[166] Над Тобою голубь белый вьется . . .

[186] Из тишины, из темноты . . .

- [177] В Великий пост я буду в черном...
- [181] Слишком рано, Боже, повяли...
- [170] Иду одна. Большое поле...
- [126] Тихий отблеск далекой зари...
- [86] Твои глаза — две быстрых птицы...
- [169] Ушел, блистая парусами...
- [207] Белянькое платье...
- [172] Самарянин, меня ты поднял в поле...
- [184] У тебя миндальные сады...
- [173] Ты от меня уехал снова...
- [180] Нам скорбь великая дана...
- [195] За твой привет и ласковость твою...
- [182] В твоих глазах — высокие хоромы...

217

Легенда

Дочке

Он от Ганга пришел в Европу
по сплетеньям лесных дорог,
по извилинам горных тропок,
— снежно-белый единорог.

Говорили о нем вначале,
что такой, мол, он и такой,

217 *Columba trapa*, p. 24. Дочка: Olga Evgen'evna Tourkoff. Poem 434 is also dedicated to her.

и как будто даже встречали,
если верить молве людской.

А потом он скрылся из виду,
— очень скромн был он и тих.
Посмотрю на опушку, выйду,
— не мелькнет ли в елях густых?

Где-то в мире привольно дышет,
бьет копытом в мягкой траве;
и портрет его славно вышит
белым гарусом по канве.

Но когда-нибудь (так сказали),
далеко от сборниц людских,
он появится, как вначале,
— очень ласков и очень тих,

и увидев девушку в поле,
ту, что проще всех и нежней,
навсегда распростится с волей
и приклонит голову к ней.

218

Кизи

Е. Мосоловой

Когда-то — давно ли? — мы слушали
ветер весенний...

Андрей Блох

На севере есть просека
и церковка под сосной,
сколоченная до века
в моей стороне родной.

До церковки этой малой,
бревенчатой, что в лесу,
я песни своей усталой
последний звук донесу.

Пусть колокол слит на пушки,
и свечи все сожжены —
я лягу там на опушке,
у корня старой сосны,

218 *Golubai travn*, p. 25. It was first published in the journal *Kharbinskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. dor.*, San Francisco, no. 10, 1971, p. 61, without dedication or epigraph; the first two lines of the last stanza read: "и будет хмурое небо / укутывать купола." For Андрей Блох see note on poem 195. For Е. Мосолова see note on poem 21.

и будет бережно небо
 окутывать купола.
 и места не будет, где бы
 легче была земля.

219

Год 1937-й

E.T.

Душной ночью, погодой майской,
 под огромной луной шанхайской,
 где блестела речная гладь,

мы гуляли, ты помнишь, вместе, —
 это было назад лет двести,
 или день один? Не понять.

К терпкой радости, к сладкой боли
 расцветали купы магнолий
 в дальнем прибрежном саду;

у причала спали шаланды,
 и никто не слышал команды,
 предвестившей злую беду.

А потом посыпались бомбы,
 люди прятались в катакомбы,
 наполнилась кровью земля...

И нельзя мне простить сегодня,
 что вошла без тебя на сходни
 отходившего корабля.

220

Salève

B.B.

Мы смотрели с высоты Salève'a:
 где отрогов Альп чернели склоны,
 далеко внизу, немного влево,
 обнимала озеро Женева,
 в месте, где оно теряет Рону.

219 *Golubaia trava*, p. 26. For E.T. see note on poem 193.

220 *Golubaia trava*, p. 27. First published in the journal *Kharb. nskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. dor.*, San Francisco, no. 10, 1971, p. 61, without title or dedication; the name Salève was given in Russian transcription in the first line. In the collection *Golubaia trava* there was a misprint in the second line of the first stanza ("где отрогов Альп чернели склоны"), which was corrected by Mary Vezey in one of the copies. For B.B. see note on poem 54.

В золотых огнях, как в ожерельи,
 выглядело озеро нарядно.
 Темные кругом толпились ели,
 сзади нас вершины гор белели;
 было тихо и чуть-чуть прохладно.

А когда назад спускались снова,
 пахло лесом, пахло горным лугом...
 Очень тонкий белый месяц новый
 встал, очерчен серебристым кругом.

Мы молчали. Мы с тобой друг друга
 понимали так всегда: без слова.

221

Звезда

E.T.

Горела звезда кристаллом
 в небесных ночных просторах
 и на шаре земном, на малом,
 отражалась в земных озерах.

Бесконечно, милю за милей,
 и несчитанных лет пространства
 голубые лучи скользили,
 чтоб украсить земли убранство,

— чтобы лет через тысяч двести
 в темном парке одни с тобою
 мы могли любоваться вместе
 вот такой звездой голубою.

222

Вот бредем пустым сухолодом,
 но во сне или наяву?
 Слышим, ветер рваным подолом
 по верхам ворошит листву.

Здесь когда-то река бежала,
 но источник давно иссох...
 Только месяца острое жало
 и пустыни бездонный вздох.

221 *Golubnia trava*, p. 28. The manuscript is dated 7? February 1964, Wednesday. The poem was first published in the anthology of Russian émigré poetry *Sodruzhestvo*, Washington, 1966, p. 117, without title or dedication. For E.T. see note on poem 193.

222 *Golubnia trava*, p. 29.

Мы из дедовых побасенок
твердо знаем — текла вода,
но не можем вспомнить спросонок —
откуда? Куда? Когда?

Потерялись. Дорогу ищем.
А сердце полно тоской,
бедней, чем голодный нищий
на площади городской.

223

Ноктюрн 2

Кричи, не кричи —
за горами погасли лучи,
купола облаков потускнели
над верхушкой чернеющей ели,
потемнела на озере зыбь,
у коряги заплакала выпь,
облетевшие отзвуки песен
потонули в болотную плесень,
и никто не услышит твой голос в ночи,
кричи, не кричи . . .

224

Пейзаж

Е. и В. Сумбатовым

Помнишь такое местечко:
станция —
поле —
речка —
дорога шла через мост . . .
Вид, что не мог быть прощя:
справа — редкие рощи,
слева — старый погост.
Жизни разбитой осколок —
тихий за рощей поселок

223 *Golubnia trava*, p. 30. The poem was first published in the anthology of Russian emigré poetry *Sodruzhestvo*, Washington, 1966, p. 118, under the title "Ноктюрн."

224 *Golubnia trava*, p. 31. Е. и В. Сумбатовы: Prince Vasilii Aleksandrovich Sumbatov (1893–1997), an emigré poet, and his wife Elena Aleksandrovna Sumbatov published three collections of poetry *Stikhotvoreniia*, Munchen, 1922, *Stikhotvoreniia*, Milan, 1957, and *Prozrachnaia t'ma*, Livorno, 1969.

улица—
 пыль—
 забор.
 Вдоль забора— канава.
 Второй поворот направо—
 мостик—
 калитка—
 двор.

Помнишь? Я очень рада.
 Только входить не надо:
 горек обратный путь.
 Домик. Четыре ступеньки.
 Гроздь лиловой сирени.
 Вспомнил?
 Теперь забудь.

225

Дерево

For Eva Doyle

Здесь дерево высокое росло.
 Одна торчала ветка, как весло,
 упавшее в голубизну пруда,
 и вечером на ней цвела звезда
 кувшинкой, зацепившейся за лист.
 И воздух был прозрачен, синь и чист.

Бог дереву послал хороший рост;
 в нем сотни приютились птичьих гнезд,
 и радостно звучал крылатый хор
 —я помню это пенье до сих пор—
 когда вверху рассеивался мрак,
 и дерево светилось, как маяк.

Но человек пришел. Построил дом
 и сам с семейством поселился в нем.
 Он дерево срубил, и в холода
 топил камин и печку иногда.

Он жить хотел. Нельзя же помнить вечно
 торчавший сук,
 звезду на нем, и птичьих песен звук...
 Нельзя, конечно...

Ни изменником не был, ни вором,
 ни убийцей не был в яочи,
 но не знаем, в году котором,
 за каким колючим забором.
 неповинного доконали,
 под какой сугроб закопали,
 сапогом пихнув, палачи.

Так расстался с тюремной вонью
 на снегах кровавых Сибири
 приморожен грязной ладонью
 к золотой, невидимой лире,
 в снег последнюю песню бросив,
 раб Господень, поэт Иосиф.

Ни мятель не ревела пьяно,
 не клонились кедры от горя.
 не извергли огня вулканы,
 не вставали цунами с моря...

Только в небе сером, далеком,
 плакал ангел горестноокий,
 потому что редко на суше
 от конца ее до начала,
 так жестоко пылают души,
 как его душа отпылала.

227

Тушились люстры, зашивались окна,
 как паутина, шопот повис в углах.
 Обрывков мысли спутанные волокна
 вела в мозгу незнакомой боли игла.

Рождался день — над городом, над деревней,
 над безначальной, бегущей мимо рекой,
 как песня — извечно новый, извечно древний, —
 сверкал и плыл над бедной землей людской.

Большие деревья сутулил, проснувшись, ветер,
 стремились вдаль самолеты и корабли,
 в восторге кричали птицы, и чьи-то дети,
 играя, топтали чужие слезы в пыли.

226 *Golubai trava*, p. 33. It was first published in the anthology of Russian émigré poetry *Sodruzhestvo*, Washington, 1966, p. 121, where the poem ends with two more lines: "Упокой, Господи, душу усонного/раба Твоего Иосифа."

227 *Golubai trava*, p. 34, first published in the journal *Vozrozhdenie*, Paris, no. 215, 1969, p. 57.

А в старом доме раскрылись широко двери,
как будто встречая кого-то, лоя и ждя:
и всем улыбнувшись, вдруг во что-то поверя,
человек помахал в дверях рукой, уходя.

228

Дача в Куоккала

В конце зеленого забора калитка хлопала,
и были шаги

В. Визи

Горько пылают рябины прощальные кисти
в забытом саду, где бессильно сбиваются в кучи
поржавевшие, желтые, черные, рваные листья,
и тускнеют вверху ко всему равнодушные тучи.

Опадают в канаву иссохшие, рыжие ворохи ягод,
где заборы поломаны вдоль непрохожих, заросших тропинок,
умирают на клумбах левкои, беспцельно отцветшие за год,
и поник можжевельник, как тщетно о чем-то ушедшем молящийся иннок.

Не послышится стук так давно отскрипевшей садовой калитки,
только шорох дождя по обшарпленной крыше на даче
будоражит дрему левкои и маргаритки,
точно кто-то вернувшийся тихо у клумбы вздыхает и плачет.

229

В траве

Мягкая трава
в ложбине, у оврага, и в траву
вкрапились мелкие цветы, едва синяя.
Какими
великолепными они бы были,
если б широко в клумбе распустились,
огромные, или в хрустальной вазе!
Но здесь
не нужно этого, когда лежишь
лицом в траву, вдыхая запах легкий;
кругом тебя по стеблям тонких трав
торопятся букашки по делам
микроскопической, но важной жизни,
и с благодарностью такой смиренной
ты сознаешь, что ты — частица тоже
вот этой жизни, и травы, и неба,

228 *Golubaia trava*, p. 35. The manuscript has the dedication "В.В. (картинка с природы)," and the epigraph is dated 1967. For В. Визи see note on poem 54.

229 *Golubaia trava*, p. 36.

что голубеет тихо над тобою;
 что ты — трава, букашка, небо, солнце,
 комок земли у корня трав... О, радость
 непостижимая! Восторг предельный —
 быть только малой частью в этом целом,
 как синий цвет, потерянный в траве...

230

Ночные поезда

... Largos trenes que se marchan
 hacia ninguna parte.

Marco Aguilar

Течет под мост и вдаль бежит вода.
 Ночные пролетают поезда
 в края, которых нет нигде на карте,
 из темноты — в слепое никуда.

И те, что в них умчались, не найдут
 той станции, где отдых и уют,
 где тает снег и греет солнце в марте,
 и голубым подснежники цветут.

Протяжно рельсы гулкие звенят,
 как будто их назад вернуть хотят...
 Но над равниной стелятся туманы,
 и мутно светят звезды и молчат.

Далеко за рекой темнеет лес,
 и золоченый месяца обреза,
 тускнея, пропадет за тучей рваной.
 И поезд не вернется, что исчез.

231

Будет дождь

Подожди немного: будет дождь,
 чаши листьев переполнит влага,
 прежняя вернется лесу мощь,
 и ручей забьет на дне оврага;

230 *Golubaiia trava*, p. 37, first published in the journal *Kharbmskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. dor.*, San Francisco, no. 10, 1971, p. 62, without the title or epigraph. Marco Aguilar (1944-) is a Costa Rican poet, who has published the collections *Raigaubres*, Turrialba, Costa Rica, 1961, *Cantos para la semana*, Turrialba, Costa Rica, 1962, and *Emboscada del Tiempo*, San Jose, Costa Rica, 1988.

231 *Golubaiia trava*, p. 38, first published in the journal *Kharbmskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. dor.* (San Francisco), no. 10, 1971, p. 62, without the title.

из-за камня робко выйдет уж,
громко птицы запоют спросонок,
к омуту, забыв жару и сушь.
побежит купаться медвежонок.

Только нужно верить. нужно ждать—
засуха не может быть навеки —
ведь должна же вера в благодать
сохраниться как-то в человеке!

232

Лестница

Есть лестницы — по ним взойдешь нескоро,
— как в колокольне бернского собора,
которую я видела воочию, —
такие лестницы мне снятся ночью.
Поднимешь взгляд — и все в глазах мутится:
там, где-то, небо в облаках клубится,
и верх ступеней спрятан облаками —
ты лезешь вверх и держишься руками,
но надо лезть.

Как будто ты была на дне колодца
и вот, должна за жизнь свою бороться.
Все дальше дно — но все конца не видно,
и делается гибель очевидна —
так круто поднимаются ступени,
сорваться так легко — и нет спасенья,
не вырваться из этого кошмара
и не понять, за что такая кара.
как чья-то месть...

Но вдруг — твоя рука коснулась края.
блеснуло солнце, весело играя,
и лестница кромешная исчезла,
как будто бы по мановенью жезла!
Когда чуть-чуть ты не лишилась веры,
кошмар пропал, попрятались химеры,
и плачешь ты, поняв в оцепененьи,
что есть цветы, трава и птичье пенье —
и солнце есть!

233

Этюд

Ю. Крузенштерн

С океана
 надвигался туман, заволакивал небо, белесый,
 лишь по дальнему краю блестел горизонт карниз.
 Серебрились у взморья песчаные узкие косы,
 и навстречу прибою насупленный горбился мыс.

Пеликаны,
 поднимая крыло, точно острые толсели шхуны,
 пролетали в кильватер, четыре, беззвучно, легко,
 и почти задевая курчавые гребни бурунов,
 как кочующий парус, скрывались за мыс, далеко.

А у камня,
 на песке, где волна вырезает узоры по краю,
 где богатства глубин оставляет небрежно вода,
 розовея во мгле и бессильно лучи простирая,
 потерявшая блеск, умирала морская звезда.

234

О луне

М. Маринич

Если ты уйдешь на луну,
 что же, я тебя не упрекну:
 дальние прекрасны берега,
 и земля не так уж дорога.

Голубые камни на луне —
 ты таких не знаешь и во сне,
 и серебряный, холодный свет —
 на земле такого света нет;

233 *Golubain trava*, p. 40. The poem was first published in the journal *Vozrozhdenie* (Paris), no. 118, 1961, p. 62, without title or dedication. The third line in the second stanza read: "пролетали в кильватер, четыре, бесшумно, легко," and the fifth line of the same stanza "как кочующий парус, исчезли за мыс, далеко." It appeared in the anthology of Russian emigré poetry *Sadruzhestvo*, Washington, 1966, p. 115, also without title or dedication, where the fifth line of the second stanza read: "как кочующий парус, умчались за мыс далеко." Крузенштерн: Justina Vladimirovna Kruzenshtern-Peterets (1903-1983), emigré journalist and poet, who lived in Harbin, Shanghai, and the USA, a friend of Mary Vezev.

234 *Golubain trava*, p. 41. It was first published in the journal *Vozrozhdenie*, Paris, no. 118, 1961, p. 62, without title or dedication. The second line of the second stanza read: "ты таких не видел и во сне," and the last line of the poem "что тебя бы привела ко мне?" М. Маринич: M.P. Marinich, who lived in Canada, a friend of Mary Vezev.

и. быть может, даже там живут
 девушки, невиданные тут,
 у которых души, как хрусталь.
 чьи глаза не трогает печаль...

Но едва ли там цветет сирень
 в тихий, ласковый весенний день,
 и едва ли пахнут так поля,
 как твоя — привычная — земля.

и в лесу, уж если есть такой
 где-нибудь над высохшей рекой,
 ты найдешь ли тропку на луне,
 чтобы привела тебя ко мне?

235

Шквал

В сумерки ветер с моря вставал.
 Шквал набежал,
 трепал и рвал
 деревья, как перья.
 Ощерясь, звери
 забились в норы,
 в окна людских спустились шторы,
 смолкли случайные разговоры,
 двери
 закрылись на все запоры...
 Чья-то рука,
 бела, бледна
 свечку зажгла
 в темноте угла,
 чтоб сберегла от всякого зла,
 чтоб не вошла
 в душу тоска,
 чтобы ночь была
 не так страшна.

236

Старуха

Колокола звонили долгим звоном,
 тяжелым гулом заполняли небо,

235 *Golubaja trava*, p. 42.

236 *Golubaja trava*, p. 43.

по улицам текли и доплывали
до всех глухих, пустынных переулков:
тревожили и звали и будили,
и сонные кругом вставали люди,
и чья-то совесть, трудно пробуждаясь,
о чем-то вспоминая, тосковала.
И люди шли, встречались, перетерты
на каменных ступенях, перетертых
столетиями идущего народа.
на этот гул зовущий собираясь
от мраморных дворцов и от подвалов.

А на одном забытом перекрестке,
придавленная этим медным звоном,
в большом платке, в убогом, черном платье,
согнулась безымянная старуха
и долго, молча, горько, безутешно
под этим небом плакала о чем-то.

237

Борису Пастернаку

Никогда не жила в Подмосковье,
в Переделкине не была,
но вино за Ваше здоровье —
и в память Вашу — пила.

Немало ночей бездонных —
безлунных, бессонных часов
над книжкой золотозвонных
сидела — Ваших — стихов.

И горя мне было много,
что, крутясь по лицу земли,
моя и Ваша дорога
к перекрестку не привели.

Но ревниво храню на полке
единственное письмо:
оно перевязано шелковой
малиновою тесьмой.

238

Как черна душа моя сегодня!
 Ни весна, ни солнце не нужны.
 Отвернулись ангелы Господни
 от моей зияющей вины.

Даже подойти к тебе не в силах.
 Не зови меня теперь, не жди.
 На моей дороге — как могила,
 пропасть расступилась впереди.

Видно, радость я ценила мало,
 неприветно встретила весну.
 Те слова, что я тебе сказала,
 не стереть, не смыть и не вернуть.

239

Попутчики

Идут по большой дороге.
 Платья рваны, потерты шубы,
 глаза у них хмуры, лица строги,
 опущены губы.

Проходят полем, оврагом, лесом,
 горный поток переходят вброд.
 Серого неба завеса
 прячет солнца восход.

Боятся ли волка, спугнут ли зайчат,
 где черные ели торчат —
 все равно молчат.

И ты, идя за ними, не можешь, поверь,
 заглянуть в их лица,
 как в закрытого тома страницы,
 как в закрытой комнате дверь,
 давно забытой,
 гвоздями забитой,
 в опечатанном доме оплаканных кем-то потерь.

Как испуганный зверь
 шмыгнет в берлогу,
 так беглые взгляды от тебя отвернут,
 и спрашивать их не надо,
 зачем и куда идут.

238 *Golubaia trava*, p. 45. The manuscript is dated 15 March 1962. The poem was first published in the journal *Sovremennik*, Toronto, no. 19, 1969, p. 47, where the first line read: "Как моя душа черна сегодня."

239 *Golubaia trava*, p. 46–47.

как попали на эту дорогу,
из какого изгнаны рая,
какого сторонятся ада.
под каким предлогом
через все преграды
надежду еще берегут,
от давней печали сгорая.

Не тронь. Не задень. Не вспугни.
Тебя не зовут они.

Их пугают горелые пни,
им далекие снятся огни.

С тобою они — одни.

и если ночь —

все равно им нельзя помочь.

Не волнуй, не тревожь, оставь.

Не нарушь их последнюю явь.

Пусть река: через реку вплавь,

в чащи леса предзимнюю ржавь.

А если в конце пути
поднимутся вдруг ресницы,
если небо на миг озарится,
и солнце в глазах отразится —

Загляни им в душу нежней,

даже если тебе грустней, —

успокой, обнадежь, защити. —

не скажи им, что незачем было идти.

что того, что искали, нигде не найти.

240

Об ангелах

А. Васильковской

Об ангелах, идущих вереницей
за золотой воздушной колесницей,
о звуках тонких и звенящих труб,

касающихся нежно и любовно
изогнутых бесстрастных губ, — бескровных
не знающих земного горя, губ...

О детях в серой городской больнице,
где бедности и боли не укрыться,
где лейтмотив то жалостлив, то груб,

240 *Golubain trava*, p. 48. А. Васильковская: Elena Vasil'evna Glushkova (died in the early 1970s), an émigré poet, writing under the pseudonym Aleksandra Vasil'kovskaia, who lived in California and published two collections of poetry *Uzelok*, San Francisco, 1957, and *Zapushchemyi sad*, Palo Alto, 1971.

здесь, на земле, где нет дороги ровной,
где крылья ангелов в пустой часовне
еще не тронули чуть теплый труп.

241

Падал снег

На заборе сидели и каркали черные вороны,
падал хлопьями снег,
и одни только птицы чернели.
Запорошенный белым, согнувшийся, шел человек
по какой-то дороге, в какую-то дальнюю сторону
до какой-то невидимой цели.

Падал снег на панели пушистым белеющим ворохом,
заполнял колени,
заметая следы человечьи.

Торопились прохожие в теплые норы свои.
Тот один не спешил и в толпе среди скрипа и шороха
никуда не глядел, не ища ни уюта, ни встречи.

А потом повернул от вечерней белеющей улицы
за последней чертой,
где последние птицы вспорхнули,
и пропал неизвестно куда и слился с темнотой,
отойдя от домов, что, друг к другу придвинувшись, тулятся
— в пустоту, в темноту ли...

Дорога была бела,
белее белело поле,
молчали колокола,
никто не услышал боли
ушедшего от тепла.

Только в глухом углу,
где кто-то еще не забыл,
какой-то голос завыл,
где-то отчаянно плакали—

по другу ли? По теплу?
Но кто это был—
ребенок?

больной ли?

собака ли?

241 *Golubaiia trava*, p. 49–50. It was first published in the anthology of Russian émigré poetry *Sodruzhestvo*, Washington, 1966, p. 119, without the title. The fifth line in the third stanza read: “отойдя от домов, что, друг к другу придвинувшись, хмурятся.”

242

Улица забытых шагов

The street of forgotten footsteps.

John Dos Passos

В городских переулках глухих
разговор человеческий стих,
и ночного, последнего смеха
в подворотни попряталось эхо,
и за крышей погасла звезда,
что уже не взойдет никогда...

Только долго еще в темноте шелестели
одинокие чьи-то шаги по панели,
будто ждали чего-то, кого-то искали
и должно быть под самое утро устали,
замолчав за углом, где серела заря,
проискавши всю ночь безнадежно и зря.

А утром забылись
усталые эти шаги,
в трупобы забилась,
где не было видно ни зги...
Точно чьи-то надежды не сбылись,
не выплатились долги.

243

Луна над Клермонтом

Пусть ты умер давно, я знаю,
только стоит прийти весне,
я опять тебя вспоминаю
и с тобой говорю — во сне.

На тебя смотрю, не мигая,
как на солнечный свет в окно;
даже то, что была другая,
я простила тебе давно.

Ранний вечер июньский помню:
пахло жимолостью в саду,
и луна всходила огромней,
чем когда-либо в том году.

242 *Golubina trava*^A, p. 51. No such line was found in John Dos Passos's collection of poetry *A Pushcart at the Curb* (1922). Perhaps it comes from one of his novels, or is incorrectly cited from his poem "La Rue du Temps Passe," where the poet speaks of "shuttered windows of forgotten houses."

243 *Golubina trava*, p. 52.

Над сиреневыми горами
поплыла в серебристой мгле,
и второй такой панораме
не бывать на моей земле.

Ты позвал меня попрощаться,
я ответила — „занята“ ...
Для чего же все еще снятся
та луна и жимолость та?

244

Как страшно одиноки мы на свете!
Среди толпы таких же, как и мы,
бредем, как заблудившиеся дети,
над пропастью отчаянья и тьмы.

Нам суждено глухое бездорожье
и иногда бессильная печаль
глядеть в окошка узкое острожье
на реки, убегающие в даль.

Бывает, на пути встречаешь друга —
но только миг на сердце брезжит свет,
— и снова ночь, и снова вост вьюга,
и ты один, и друга больше нет.

Несутся с гор и пенятся потоки,
шумят леса, румянятся плоды.
И мы бредем, извечно одиноки,
и в пустырях теряются следы.

244 *Golubain trava*, p. 53. A misprint in the collection (“глядеть в окошко узкое острожье”) is corrected in the present edition.

PART TWO
POEMS IN RUSSIAN NOT IN COLLECTIONS

245

I

Громады серые высоко к небесам
 Вершины подняли, покрытые снегами;
 Искрится синий снег в спянии бледном звезд
 Под месяца холодными лучами.

II

Деревья, от ветра вершины качая
 И листьями землю вокруг осыпая,
 В лесу опустевшем шумят.
 Осеннего солнца лучи, уж прощально
 Сквозь легкий туман прорываясь, — печально
 На лес и на поле глядят.

III

Вечер спустился;
 Кругом тишина...
 Первая в небе
 Блеснула звезда.

IV

У берега на гладкой воде трепетал
 Разломанный бурей челн:
 С ним ветер недавно жестоко играл,
 Он сделался жертвою волн.
 Луч солнца играет на светлых струях,
 Осока в воде шелестит,
 Волна зашумит, набегая на мель,
 И дальше спокойно бежит.

V

Средь мрачных серых скал
 В долине небольшой
 Сверкало озеро прозрачною водой;
 И тишью делало и дикостью своей
 Те дикие места оно еще страшней.
 Там в полночь при луне
 Из лона спящих вод
 Русалок выплывал веселый хоровод.
 И пели тихо все про озеро свое.
 Жемчужный свой дворец, коралловое дно.
 Их песнь смолкала лишь пред утренней зарей:
 Нырять быстро вниз, скрывались под водой.
 По мрачным берегам с утра и целый день

245 With a notation in the manuscript: "Мое, не записанное в альбом."

Носился, словно бес, красавец белый конь.
 Как жемчуг, он сверкал
 На фоне темных скал
 И, вихрем проносясь, через них легко скакал.
 Он дико, громко ржал и длинной гривой тряс,
 И молнии метал из страшных черных глаз;
 Главою гордою он воздух рассекал,
 Копытом золотым он землю ударял.

VI

Высоко снежная вершина
 В небесный купол поднялась;
 Под нею с ревом волн и с пеной
 Рска к ущелию неслась.
 Внизу—долина зеленела,
 Днем с выси ясно-голубой
 Уж солнце вешнее глядело,
 Но на вершине снеговой
 Все снег... как великан, стояла
 Под шапкой снежною она,
 И гордо глядя вниз, молчала:
 Вель для нее—ничто весна!

VII

Я на камне сижу
 На морском берегу...
 Предо мною—шумящее море.

VIII

Синие волны к берегу мчатся,
 В камнях прибрежных шумят и пенятся.

[1910-е гг.]

246

Черные лебеди

Касаясь главою нависших ветвей,
 Под тенью прохладной куста
 Там плавала мирно чета лебедей
 У мраморной арки моста.

То алая лапка случайно мелькнет,
 То черные шейки блестят,
 Спокойно по сонному зеркалу вод
 Два лебедя черных скользят.

246 Павловск: a city of palaces and parks built at the end of the 18th century near St. Petersburg, a countryside residence of Russian Tsars.

То в воду головку один окунет,
И струи кругом шелестят;
Иль сильными быстро крылами взмахнет,
И брызги, как жемчуг, летят.

Как светел, прекрасен родной уголок,
Где счастливо мчатся их дни,
Как тих, когда вечер уже недалек,
И дремлют, качаясь, они.

Никто не нарушит покоя их дней,
И счастья никто не возьмет
У этой счастливой четы лебедей,
Что в озере в парке живет.

Павловск. [1910-е гг.]

247

Не для того я быть поэтом
Хочу, чтоб лавры пожинать,
Не для того, чтоб перед светом
Пустую славою блистать;
Но потому, что вдохновенья
Со мною издавна живет,
Я люблю свои творенья,
Хоть не одобрит их народ.
Не для него мои созданья,
Ведь я пишу самой себе.
Одно чудесное сознанье,
Что я — поэт, вот счастье где!

11 февраля 1920 г.

248

В альбом Клаве Морозовой

Что желаю тебе? Ведь неведомо мне,
Что предписано Клаве судьбой...
Пусть же совесть твоя будет вечно чиста,
Как подснежник весенней порой;
Будь же счастлива ты; пусть дурные мечты
Не коснутся головки твоей,
И пусть ангел Христа защищает тебя
И хранит от недобрых людей.

23 марта 1920 г.

249

Я любила в чудесных мечтаньях
Забываться вечерней порой,

247 With a notation in the manuscript: "Во время болезни."

248 Клава Морозова: a classmate at the Harbin Commercial Schools.

Чтоб не думать о вечных страданиях.
 Отдохнуть утомленной душой.
 Чуждой песни волшебные звуки
 Долетали неясно ко мне,
 И смирялись душевные муки,
 Я сидела, как будто во сне.
 Мне на крыльях виденья слетали
 Из неведомой дальней страны,
 И уставшие очи ласкали
 Мне таинственной сказкою сны...

29 марта 1920 г.

250

Я живу, потому что живется,
 Потому что нельзя умереть,
 И когда умирать мне придется,
 Я о жизни не буду жалеть.
 Но не стану ее проклинать я,
 Она много мне счастья дала, —
 Ведь страдают же все мои братья,
 Я счастливее многих была.
 В непогоду спокойно несется
 Без руля над пучиной челнок:
 Я беру, что мне в жизни дается,
 Не кляню и не славлю свой рок.
 И когда, пред последним мгновеньем,
 Я почувствую, что ухожу,
 Я на жизнь не взгляну с сожаленьем,
 Но за все ей спасибо скажу.

10 мая 1920 г.

251

Let me live unseen, unknown
 Unlamented let me die:
 Steal from the world, and not a stone
 tell where I lie.

Pope

Я жить хочу вдали от мира.
 Я умереть одна хочу,
 Чтобы никто не знал могилу,
 где я лежу.
 Я не хочу, чтоб крест могильный
 Мой скромный холмик осенил;
 Я не хочу, чтоб камень пыльный
 меня давил.

251 The epigraph is taken from Alexander Pope's poem "Ode to Solitude."

Мне не нужны цветы, ограда,
 Пусть не идут ко мне друзья, —
 Зачем они? Я буду рада
 побыть одна.
 Пусть только лучший друг сердечный
 Ко мне в последний раз придет
 И над моим приютом вечным
 пускай вздохнет.
 Пусть смочат искренние слезы
 Холма зеленого наклон:
 Они наполнят чудной грезой
 мой мирный сон.

Харбин, 7 июля 1920 г.

252

Скауту

Во славу будущей России,
 Во славу верных ей сынов,
 Брат! Исполнивай слова святые
 Девиза скаутов: „Будь готов!“
 Вперед! Трудна твоя дорога,
 Но ты в беде не унывай:
 Носи на сердце образ Бога
 И ложь ногами попирай.
 Пусть над тобой не угасает
 Светило истины святой:
 В твоей душе пускай пылает
 Любовь к России дорогой.
 Пусть будет замком, защищенным
 От лжи позорной, честь твоя...
 Иди на помощь угнетенным
 Под стягом правды и добра.
 Когда ж неправда пред тобою,
 Иль право сильного цветет,
 Тогда — да будет Бог с тобою,
 И грозный меч твой да блеснет!

17 июля 1920 г.

253

Себе

Не вспоминай о том, что было,
 Что поросло быльем:
 Теперь, когда душа остыла,
 Не вспоминай о том!
 На сердце будет лишь тоскливей
 От тех картин живых,
 Тех дней, когда ты был счастливей...
 Не вспоминай о них!

- Зачем ты вновь себя тревожишь?
 Зачем играть с душой?
 Не говори, что ты не можешь:
 Забудь! Владей собой. 20 сентября 1920 г.
- 254 Мне счастья не надо, — зачем мне оно?
 Его не надюсь достать;
 Я правды хочу, только правды одной.
 И это я вправе искать. 9 ноября 1920 г.
- 255 В альбом
- Друг мой, когда пронесутся года,
 Вспомни меня!
 Если ж не можешь добром помянуть,
 Лучше забудь. 17 ноября 1920 г.
- 256 Маргаритки
- Маргаритки растут у дороги;
 Они так хороши и чисты!
 Осторожней! Смотрите под ноги, —
 Не губите напрасно цветы.
 Далеко убегает дорога,
 По бокам расстилается луг,
 А по лугу рассыпанных много
 Маргариток белеет вокруг.
 Я сорву у дороги цветочек
 И домой унесу засушить,
 Чтобы этот июньский денечек
 Никогда, никогда не забыть. 22 ноября 1920 г.
- 257 Четыре мгновения
- Последний взгляд и робкий и молящий.
 Прощальный взгляд я жизни подарю...
 Уж с башни звон тоскливо-леденящий
 Меня зовет, влечет к монастырю
 Идет к вратам, крестом слагая руки.
 Монахинь черный, бесконечный ряд,
 Пустеет храм, молитвы смолкли звуки,
 И завершен таинственный обряд.
 Промчалась жизнь... В последнее мгновенье
 Я снова в храме, мрачном, как тогда,

И на душе как будто сожаленье,
 Что не вернуть прошедшие года...
 Последний вздох, тяжелый и глубокий,
 Я подарю священной тишине
 И полечу в простор небес далекий
 И буду вновь свободна в вышине.
 Последний луч заката догорает,
 На изразце блестя оконных рам;
 Протяжный звон монахинь собирает
 К гробнице новой в вечно-темный храм.

Харбин, декабрь 1920 г.

258

О вере

Не верь словам, не верь преданьям:
 Они способны и солгать,
 Поверь одним своим страданиям,
 Когда умеешь ты страдать.
 Одно лишь горе не обманет,
 И, если сразу не убьет,
 Как в нем душа твоя воспрянет
 И вера в Бога оживет!
 Нет, вера света не боится:
 Ищи ее своей душой!
 Она лишь тверже укрепитя
 И будет вечно жить с тобой.

1920 г.

259

Старый волк

Небосклон темнеет понемногу,
 Только снег попрежнему блестит.
 Старый волк выходит на дорогу
 И кругом задумчиво глядит.
 Хвост поджал и, морду подымая,
 Вдруг завыл голодный хищник зим,
 И от лесу эхо, отвечая,
 Пронеслось протяжное над ним.
 Высоко над ним луна горела,
 Тишина царила над землей;
 Леса тень причудливо синела
 На снегу широкой полосой.
 По поляне тихо волк ступает,
 По снегам глубоким путь далек,
 И в глазах его порой мелькает
 В полутьме недобрый огонек.

Зачем стремиться с помощью нажима
 К тому, что так для гения легко?
 Писать? Но где во мне талант поэта?
 О, где, скажи мне, Боже, я найду!
 Что я еще могу создать для света?
 Зачем я здесь? Зачем, куда иду?
 Я красоту ищу и уж теряю
 Надежду прошлую ее найти,
 Я устаю, — так рано, — я скучаю,
 Не знаю, как, куда, зачем идти.
 Я пессимизмом рано заразилась,
 Печаль в меня проникла глубоко.
 Зачем всегда напрасно я стремилась
 К тому, что для поэта так легко?!

Tungchow, 18 октября 1921 г.

263

Refrain

1

Тише, волны, не шумите,
 Тише, — город спит:
 Вы страдальца не будите
 Вплеском о гранит.

2

Не шуми, Нева, над молотом,
 Рев волны уйми!
 Он забылся сном тяжелым,
 Тише, не шуми.

3

Было время, ты шумела,
 Билась о гранит;
 Но тогда столица пела,
 А теперь — молчит...

4

Шум волны, Нева, холодной
 Заглуши ты льдом...
 Город спит, больной, голодный,
 Спит последним сном.

25 ноября 1921 г.

264

P.X. 1921

(В альбом М.К.)

Помнишь ты старую сказочку, Мила,
 Сказку о дедке-морозе седом?
 Нет, ты, конечно, его не забыла,
 Кто же забудет о нем?
 Дедушка в шубе, с седой бородою,
 С полным подарков мешком за спиной,
 В санках с оленями, ночью святою
 Мчится над спящей землей.
 Искрами звезды снега засыпают,
 Месяц горит золотой;
 Дедка подарки в трубу насыпает
 Щедрой своєю рукой.
 Мне захотелось напомнить лишь, Мила,
 Верили ль мы этим сказкам, спросить;
 Право, не помню; но я их любила.
 Да и едва ль перестану любить.

21 декабря 1921 г.

265

На прощанье в альбом М.М.

Тебе три раза я писала
 В альбом подбор каких-то строк,
 Три раза злобно вырывала
 Цветной исписанный листок.
 Ты извинишь меня за это?
 Ну что же сделать я могла —
 Ни у единого поэта
 Чего хотела, не нашла.
 Три года мы друзьями были;
 Три долгих лета и зимы
 Умнели вместе и шалили,
 И это ли забудем мы?
 Теперь мы выросли . . . „кончаем“;
 Легко сказать — семнадцать лет!
 Еще момент — и мы встречаем
 Недетской жизни первый свет.
 Как жизнь нас примет? Только Богу
 Известны все пути людей,

264 P.X.: Christmas. M.K.: Liudmila Nikolaevna Kocheneva, married name Bokova, a classmate at the Harbin Commercial Schools.

265 M.M.: Mania Mutovina, a classmate at the Harbin Commercial Schools.

Но мы вольны свою дорогу
 Наметить шире и прямой.
 Ты скажешь „мало“? Нет, довольно!
 Войди же в жизнь, мой друг, смелей
 И, если слишком будет больно,
 Лишь вспомни, что другим больней.
 Зачем писать тебе так мрачно
 И пессимизм вливать — в альбом?
 Прощай!

Желаю жить удачно
 И лишь добро встречать кругом.

[1921 г.]

266

It Is No Use Crying over Spilt Milk

Не рыдай о сосуде разбитом,
 Не жалея о пролитом вине!
 Не тоскуй о давно позабытом,
 О прошедшей когда-то весне.
 Ведь беде не поможет рыданье,
 Только платье слезами зальет;
 Мысль о прошлом причинит страданье,
 А весны золотой — не вернет.

[1921 г.]

267

Погасло солнце, и, холодея,
 Сошла на землю ночная мгла;
 Замолкла скрипка, и я жалею.
 Что я осталась совсем одна.
 Мигает ярко звезда высоко...
 Не дрогнет больше прекрасный звук...
 Мне стало страшно... Я одинока.
 И так пустынно и мгла вокруг.
 Свежо и сыро, и так отрадню
 Душистый воздух в себя втянуть;
 Но так тоскливо и так досадно,
 Что чудной песни нельзя вернуть.
 Она на сердце еще рыдает,
 И с губ холодных сорвался стон,
 И снится, будто, дрожа, стихает
 Струны волшебной далекий звон.

[1921 г.]

268

Пушкину

О, если б ты был жив, великий русский гений,
 Как ужаснулся б ты, как гневно задрожал.

Когда всю пустоту последних поколений
Ты б увидал!

Твое бы сердце страшной болью жжалось;
Ты б весь сгорел от боли и стыда
За ту Россию, что тебе казалась
Святой всегда.

[1921 г.]

269 К стихотворению Бальмонта „Ирландская девушка”

О, я вижу ее, — как она на болото выходит
Из сеней, за дощатым забором;
По ее волосам лунный луч леденящий разводит
Серебристым узором.
Она слышит — и вздрогнет всегда, как услышит
Из-за старой коряги сову...
Переступит — вздохнет; на озябшие пальцы подышит.
Спросит: „Все ль наяву?”
Ей не верится все, что оставил ее чернобровый,
Что ушел к своим замкам богатым.
Она села на кочку; ее не пугали дубровы
Лешим старым, лохматым.

[1921 г.]

270

Шекспиру

Увы, язык всех наций мира
Настолько беден, что „поэт” —
Определение для Шекспира
И... (о, невинная сатира!)
И для меня; другого нет.
Великий гений, вечно чтимый,
Поэтов смертных идеал!
Прости, что, страстью одержимый,
Влекомый музою любимой,
Я сам себя поэтом звал;
К высокой цели я стремился
И отуманен был борьбой;
Я победил и — возгордился:
Прости, что я тогда забылся.
Что я равнял себя — с тобой!

[1921 г.]

269 I have been unable to find this poem among Bal'mont's works.

271

Цезарю

О, цезарь, цезарь! Ты ль мечтал,
 Что этот труд заучат дети,
 Когда ты в глубине столетий
 „De bello Gallico” писал?
 „Не сотвори себе кумира,”
 Господь когда-то нам сказал;
 А ты, владыка полумира,
 Ты сам себе кумиром стал.
 Война и кровь — твоя забава;
 Ты сердце римлян покорил,
 И до сих пор жива та слава,
 Которой ты себя покрывл.
 В раю, в аду ли ты витаешь,
 — Тебе дела земли видны;
 Скажи, ужель ты не скучаешь
 Без покорений, без войны?
 Твои ль ужасней битвы были,
 Чем наш кошмар последних лет?
 О, гордый вождь! Ты сгнил в могиле,
 Не ты виновник сих побед.
 Твой дух великий — в царстве теней,
 Я не услышу твой ответ.
 Ведь недоступен мертвый гений
 Тому, о чем бренчит поэт.

[1921 г.]

272

Слава

Я прежде звал ее мгновенной,
 Я говорил „она пуста”;
 Но не пуста ли пред вселенной
 Всей нашей жизни суета?
 Весь этот мир — моя держава,
 Всех мыслей спутанный узор;
 И знак ее признанья — слава,
 А благодарность — не позор.
 Я людям брошу плод готовый,
 Создание духа своего;
 Пусть мне дадут венец лавровый,
 Когда достоин я его!

271 With a notation in the manuscript: “Written in class.” Julius Caesar’s *De bello Gallico* was studied in Latin class at the North China American School.

Я поклоненья не желаю,
 Я глупой лести не ищу
 И комплиментов избегаю;
 Но никогда не оттолкну
 Любовь толпы многомиллионной
 За красоту певучих слов.
 И счастье славы заслуженной,
 И зелень лавровых листов.

[1921 г.]

273

О, мой поэт, волшебный гений!
 Твои творенья — рая дар —
 Всей высоте моих стремлений.
 Моим мечтам нанес удар.
 О, как душа моя желала
 Познать поэзии завет,
 Как я восторженно мечтала
 О том, что я, как ты, — поэт.
 Я так жестоко обманулась!
 Я долго грезами жила;
 Зачем я раньше не проснулась?
 Явь не была б так тяжела...
 В тебе талант, нет, больше, — гений,
 И я — ничтожность пред тобой.
 Пред высотой твоих творений
 Склоняюсь духом и главой.
 Не мне парить под облаками,
 О красоте не мне мечтать,
 Своими робкими стихами
 Не мне творенье воспевать.
 Я замолчу и песнь глубоко
 В мятежном сердце задушу...
 Прости, поэт, насмешку рока.
 Что, как и ты, и я пишу!

[1921 г.]

274

Лунный вечер, сижу на качели.
 Предо мною наш ров и стена,
 И откуда-то виолончели
 Отзывается нежно струна.
 Играет, играет,
 Тихо звенит;
 Стихает...
 Молчит.

274 古语: Tongzhou, see note on poem 262.

С темнотой мои мысли смешались,
 Моя жизнь на момент замерла;
 А качели качались, качались,
 И сгущалась все мгла.
 Лишь звезды далеко
 Сверху глядят;
 Высоко...
 Блестят.

В темноте наша жизнь не бесцветна,
 Есть какая-то в ней глубина;
 О, как вся ее прелесть заметна,
 Когда ночь над землей и луна!
 Все ярче, чуднее
 В небо окно.
 Темнее...
 Темно.

Тунчжоу, январь 1922 г.

275

К „Лунному вечеру”

Это не стихотворение, это музыка души,
 Поэзия без слов. струна виолончели,
 Не строгий ритм, а мягкое качание качели
 Лунной ночью, в тиши.
 То лишь дуновение ветра над водою,
 То не мысль, — забвенные мысли, сон,
 То заботы погребальный звон,
 Поздний шопот месяца с травкою.

Январь 1922 г.

276

После Tang Che Ssu

Я хочу опять обратно, в горы,
 Меня сосны белые зовут,
 Где, в тумане, нежные узоры
 Их верхушки по небу плетут,
 Где встают, как в сказке, панорамы,
 Где долины зелени полны.
 Где, среди лесов, ютятся храмы,
 Вестники чудесной старины.
 Небо там и чище и синее,
 Все живет и дышит красотой,
 Песни птиц и ручейков звучнее.
 И народ там добрый и простой.

276 Tang Che Ssu (Tanzhesi in contemporary transcription) was one of largest temples in the vicinity of Beijing, built in the 3rd century A.D. and later restored several times.

На высоких склонах каменистых
 Деревушки бедные лежат;
 Там, под сенью яблоней душистых,
 Слышны песни грязных китайчат;
 Там гостей радушно принимают;
 Там проводят день за днем в труде;
 Там, где горы облака встречают,
 Жизнь людей свободна, как нигде.

[1922 г.]

277

Отрывок из „Будды”

О, время — время быстрая вода,
 Она бежит, и ей плотины нет.
 Вот, в темном храме каменный будда
 Десятки долгих лет
 Глядит на этот бедный, шумный свет
 И на смешных (несчастных ли?) людей:
 В его глазах безмолвный нам ответ;
 Верь богу: он умней.
 Восходов солнца, суетливых дней
 Он, из глубокой храма темноты,
 Уж видел больше, чем во всей своей
 Увидишь жизни ты.
 Ты понял ли слова его очей?
 И то, что он сказал тебе тогда.
 То ль было, что, спустя семь сотен дней,
 Поведал мне будда?
 Как много утекло с тех пор воды,
 И сколько перемен свершилось в нас!
 Все также неподвижен взгляд будды,
 Все также не угас.

[1923 г.]

278

По такой
 зеленой, мягкой, шелковой поляне
 между пологими краями сопок,
 наверно, ночью пролетает нечисть,
 яга в ступе проносится —
 когда серебряное тускнет небо
 и тонкий желтый месяц,
 как леденец обсосанный, маячит.

278 With a notation in the manuscript: “1.” Барим: Barim (Baling in contemporary transcription), a station on the west line of the Chinese Eastern Railway, located among Xing’ang Mountain Range, a settlement and a popular resort for Harbin Russians.

— А мы с тобой ходили к той поляне,
но мы видали только
большие желтые глаза,
которые, как уголья, горели
между пологими краями сопок.

Барим, лето 1924 г.

279

Сладко думать,
когда идешь чужим, высоким лесом,
где хмурые кругом толнятся сосны,
где только их верхушки видят солнце —

Сладко думать,
что где-то далеко за этим лесом
раскинулась опушка,
зеленая опушка, золотая
от солнечного света.

Барим, лето 1924 г.

280

Сон. „La Tosca“

Свечи не горят над головой
Скарпина, убитого певницей.
Гроб его порос давно травой.
Думала, он больше не приснится.

Он — живой — к окошку подошел,
Я его не вышла даже встретить.
Он сказал, что письма те прочел,
Только все не знал, кому ответить.

Я взянула злобно, а потом
В пудренный парик его проклятый
Свой, что я нашла с таким трудом,
Бросила цветок голубоватый.

25 января 1925 г.

281

П.Д.

Что стоишь ты там, у стены,
И о чем задумался так?
Точки глаз твоих мне видны,
Нервно сжатый виден кулак.
Да, я все на тебя смотрю,

279 With a notation in the manuscript: "3."

280 With a notation in the manuscript: "СМУ. Голубой цветок — цветок счастья."

281 For П.Д. see note on poem 24.

Ведь тебе мой взгляд не поймать,
 О своей любви говорю —
 Ведь тебе меня не понять,
 Мы пришли из разных дверей,
 Между нами пропасть легла.
 Если б ты уехал скорей!
 Если б я не любить могла!

27 января 1925 г.

282

Над головою смерть развесила
 Своих лохмотьев черный фон.
 Мне никогда не будет весело,
 Мой путь от солнца заслонен.
 Не наклонюсь к ручью бездонному,
 Чтоб облегчить усталость губ;
 Зачем стремиться к запрещенному?
 В воде застыл зеленый пруд.

11 июня [1925 г.]

283

И.Д.

Мне вьсь далекая, туманная
 Была приветливей вчера,
 Светилась радость несказанная,
 Предугаданьями пестра.

Пылал костер зарей отрадною,
 И были искры веселы.
 Зачем же ты рукою жадною
 На пламя бросил горсть золы?!

— Ведь снова утром — злым, белеющим —
 Бог отвернется от зсмли,
 И неприютность углем тлеющим
 Укажет слезы на пыли.

11 июня [1925 г.]

284

Кто-то злобно вдребезги разбил
 И запрятал в вековом подвале
 Идола на пестром пьедестале,
 Что так долго Богом мне служил.
 Со звезды низвергнуты мечты.

Я не плачу, не молюсь, не верю,
 Только жадным взором долго мерю
 Безответность синей высоты.

283 For П.Д. see note on poem 24.

И за ужас вечной пустоты
Проклинаю новую потерю.

11 июня [1925 г.]

285

Я подошла к сияющей палате,
В которой Бог, мне указали, жил:
Но там старик в изодранном халате
В мои сандалы камнем запустил.
Я прошептала тихо — „Извините“...
И поклонившись, отвернулась прочь.
Теперь уж мне о Боге не твердите —
Нет больше сил неверья превозмочь.

11 июня [1925 г.]

286

Молча я книгу ворожаю.
Думаю: глупый бред:
Разве кто видел воочию
Призрачный свет?
Он, верно, так, как и я же,
С горя поет.
А жизнь — ни ярче, ни глаже, —
Русло без вод...
Паяц швыряет перчатку,
Кривляется над тобой.
И, как бы ни было гадко,
Вынудит — пой.
И вот плетешь небылицы.
Глаза подымая в высь,
О том, как синие птицы
В закат золотой неслись.

22 июня 1925 г.

287

Сказка

Мне чудесные силы знакомы,
Мне подвластен сказочный мир.
На закате горбатые гномы
Мне приносят славу порфир.
Изумрудные чары теней
К моему стремятся плечу,
Где, на грани своих владений,
Я к ночным дубравам лечу.
Где пещерой сдвинуты скалы,
Для моих добыты забав
— Голубые светят опалы —
Лепестки полуночных трав.
Мой приход приветствуют совы,

Соловьи от кустов летят,
 Для волшебных танцев готовы,
 Золотые скрипки звенят.
 Только свиству — вскроются норы.
 Задрожит лесная душа:
 И русалки бросят озера,
 На мои призывы спеша.
 Будет красочна ночь веселий,
 И огнем насытится мрак,
 И каскадами дивных трелей
 Оживет лесистый овраг.
 В голубой тиши полнолуний,
 Когда ляжет на мох роса,
 Прилетят тринадцать колдуний
 И нащепчут мне чудеса.
 И слова их, в шарик мотая,
 Я сложу в мешок за спиной,
 Чтобы после, утром, мечтая,
 Не забыть беседы ночной.
 Прослежу потом, сквозь дремоту,
 Как окончится праздник мой,
 — Пронесется эхо к болоту,
 И овраг застынет, немой.
 А когда рванутся потоки,
 Предрассветной силой полны,
 И свирелью принц светлоокный
 Разобьет заклятые сны —
 Дам ему кусочек опала.
 На котором феи печать.
 Если спросит, где я достала, —
 Улыбнусь, но буду молчать.

28 июня 1925 г.

288

Baldy

Хочется туда — где выше, холоднее,
 Хочется туда, где за ночь выпал снег,
 Где на белых склонах дышится вольнее,
 Где как будто к Богу ближе человек.
 Только бы с долиной солнечной расстаться
 И до самой высй бесконечно лезть,

288 Claremont: see note on poem 28. Mt. Baldy is in the southern part of California, not far from Los Angeles.

И с глубоким снегом долго целоваться
 — Потому что дома — снег и горы есть . . .

Claremont, 10 октября [1925 г.]

289

И.

Разве можно именем назвать
 Призраки полуночного света?
 Разве можно словом перервать
 Песню, что осталась недопета?
 Я не знала, что так много сил
 В имени придуманном таилось,
 — Так, что первый звук его закрыл
 Дверь, в которой счастье появилось.

12 июня [1926 г.]

290

Точно есть, о чем горевать,
 Точно здесь не жизнь, а могила . . .
 — Бог сказал, нельзя убивать,
 Я совсем нечаянно убила—
 Немножко солнца убила.
 Бог, должно быть, верно сказал.
 Дни проходят, тенью скользя
 Через щели сдвинутых скал.
 И смеяться больше нельзя.—
 Совсем нельзя.

1 августа [1926 г.]

291

И.

Посмотрю — и закаюсь смотреть
 в золотой медальон,
 Чтобы только успеть
 Позабить чуть оставленный сон.
 Много синих деревьев
 Поднялось на закате.
 Ты не мой, не со мною.
 Я простила. Не ты виноват.
 Мы друг друга понять не успели,
 Услыхать не могли.
 Бесконечные длятся недели.

289 For П. see note on poem 24.

291 For И. see note on poem 24.

Боже, на самом ли деле
 Это воля Твоя на земли?

1 августа [1926 г.]

292

У моря.
 Где розовые, плотные пески.
 Какой-то ветер беглой мысли вторит.
 Что в этом мире вовсе нет тоски.
 С певучим наслаждением слышишь, лежа,
 Как пеликаны плещутся в воде,
 И глубину сознания не тревожит
 Печаль, ушедшая в ненужное нигде.

Hermosa Beach, 7 августа [1926 г.]

293

На берегу.
 Где ласковые зори
 И волны от далеких граней моря
 Приносят откровенья на бегу.
 Где белые и солнечные лодки.
 Как радостные мысли на воде. —
 Дыханья жизни искренни и кротки
 И не полны намеков о беде.

Hermosa, 9 августа [1926 г.], понедельник

294

II.

Здравствуй! Расскажи, ты будешь рад,
 Если я найду твои хоромы
 И войду, и твой поймаю взгляд
 Серо-голубой и незнакомый?
 Иль тебе уж будет все равно
 И не будет никакого дела —
 Безразлично выглянешь в окно
 И махнешь. „уйди, мол, надосла“?
 Да, и право, можно надосла.
 Если так, как я, границ не знаешь.
 Ведь бывало, что ни пить, ни есть,
 Все тебя сидишь и вспоминаешь.

10 августа [1926 г.]

292 For Hermosa Beach see note on poem 36.

293 For Hermosa see note on poem 36.

294 For II. see note on poem 24.

295

П.

Мы разошлись — и нет
 Той тонкой ниточки, что нас с тобой сомкнула,
 На дисках красных лун блеснул твой силуэт,
 И к утренним полям дорога повернула.
 Нет глаз твоих. Ты на другой черте,
 Где искра света за небо упала.
 Пусть. Мне не жаль — ведь я своей мечте,
 А вовсе не тебе стихи свои писала.

10 августа [1926 г.]

296

Гале

Ты унесла с собою столько шуму,
 С тобой такие песни унеслись!
 И желтый месяц мне навесил думу,
 Что нам с тобою больше не сойтись.
 Как стало холодней — как низки тучи —
 Как потускнел над океаном свет!
 Я знаю: никогда не будет лучше
 С тобою вместе проведенных лет.

15 августа [1926 г.]

297

Гале

Мы с тобой бывали — как одно,
 Нас одним узлом судьба скрепила,
 И теперь не будет все равно,
 И нельзя забыть того, что было.
 Я боюсь — не помнится, чего,
 Точно призрак мне велит бояться

[Август 1926 г.]

298

Ты не плачь —
 Куплю тебе калач,
 Ты не сетуй,
 Дам тебе конфету,
 Не тоскуй —
 Получишь поцелуй!

295 For П. see note on poem 24.

296 For Галея see note on poem 17.

297 For Галея see note on poem 17.

Не тужи —
 Что хочешь, укажи,
 Что имею,
 Все не пожалею . . .
 Но за то уж, сколько
 ни реви. —
 Не видать тебе
 моей любви!

3 декабря [1926 г.]

299

Золотые самокаты сани,
 Где конем зарница впряжена,
 Унеслись в темнеющем тумане
 В даль, что порошой заметена.
 В небе темном звезды выходили,
 Путаясь под млечной пеленой.
 Точно корабли куда-то плыли.
 Призрачной влекомые волной;
 Застонали голой степью птицы,
 Будто примириться не могли,
 Видя, как последний взгляд зарницы
 Отошел надолго от земли.
 И опять своей дорогой трудной,
 Возвращалась по снегу душа,
 И над ней, как степь зимой, безлюдной
 Звездная немела пороша.

4 декабря [1926 г.]

300

Я помню тебя, Руслан.
 Взойдет луна молодая,
 и льется песня былая,
 и будит старый дурман.

 Углы улыбки твоей
 меня давно укололи,
 мне памяты в каждой роли
 изгибы нервных бровей.

 Зеленый шитый кафтан
 затмить действительность хочет,
 и Риголетто хохочет
 над болью призрачных ран.

1925–26 гг.

300 With a notation in the manuscript: "Из Clarenton'a — в письме в Париж о Харбине. Это во СМУ." The poem was probably addressed to Elena Mosolova; see note on poem 21.

- 301 На дне души своей ваш образ берегу.
 Люблю вас, хоть в любви глубокая тоска;
 и не смотреть на вас совсем — я не могу,
 хоть грустно так смотреть издалека.
- В углу, на ящичке каком-то, в темноте,
 я села вечером. Все думала о вас.
 Улыбка ваша долго снилась мне,
 взгляд ваших серых глаз.
- Потом мне снился Бог, — высоко где-то там,
 в пространстве, где едва ль Он стал бы мне внимать,
 где духи высшие, где свет, где фимиам.
- Как мне хотелось взгляд Его очей поймать!
 — Он увидал меня. Успела я сказать,
 чтоб счастья, — на земле и после, — дал Он вам.
- Бог далеко. Вы — там всегда, где он.
 Не знаю, где.
 Бог так глубок, как водопад времен,
 Но только Вас я вижу в глубине.
- Бог слышит ли меня? Язык молитв могуч,
 и милосердью Божью нет конца,
 но между Ним и мною слишком много туч,
 — Ему не видно моего лица.
- Открыта для молитв Господня высота?
 Бог, я зову Тебя! Внемли словам моим!
 Источник всех молитв — любовь, моя мечта,
 а цель их — благодать тому, кто мной любим.

[1927]

302

Гальке

Отчего ты не здесь, когда верба цветет,
 распускаются почки на ивах?
 Что так держит тебя, мне тебя не дает,
 от твоих берегов от счастливых?

Помнишь, в пыльные дни — в желтом ветре степном,
 на Страстной мы ходили к собору, —
 под окошком стрельчатым с узорным стеклом
 сердце с жадностью вторило хору?

301 With a notation in the manuscript: "Когда-то очень давно: Харбин, СМУ, Vespers."

302 For Галька see note on poem 17.

Помнишь черных передников стройный рядок
и свечей чуть дрожавшее пламя
в наш Великий Четверг, как он странно далек,
как неласково отнят годами!

Помнишь, помнишь апрель, утра свет голубой,
дни счастливой Пасхальной недели,
садик с только успевшей родиться травой
и крылечко твое — и качели?

Плачь! Тоскуй! Я утешить тебя не берусь,
плачь у пальм у своих и лимонов,
вспоминая родную далекую Русь
и напевы умолкшие звонов.

16 апреля [1927 г.]

303

Ghost Dance

Духи гор по сопкам бродят
ночью темной,
хороводы свои заводят
ночью темной.
Спят в ложбине
дома людские,
замолчали поля пустые,
звезды блещут золотые
в небе черном.

Духи гор поползут по склонам
вниз, в долину,
песни дрогнут
печальным стоном,
вдруг застынут.

Было время, что в сопках жили
только духи подзвездной пыли,
хороводом в горах бродили,
днем и ночью.

С дальних стран
от чужих селений
враг нагрянул,
стал единым царем владений
горной сети.

Тихо-тихо и так печально
по хребтам и верхушкам дальним
духи к звездам уйдут кристальным
на рассвете.

Май, кажется 1927 г.

Из дальних стран какой-то добрый случай,
какой-то дух привел тебя сюда.
Есть в мире земли ласковей и лучше,
и есть заманчивее города!

В твоих глазах так много отражалось,
в них море плещет и цветы растут.
Тебе, конечно, жалким показалось
простое все, что ты увидел тут.

На берегах луной залитых Нила,
где ты скитался год тому назад,
о, не одна египтянка пленила
лицом и станом твой зеленый взгляд.

В салонах Вены, в улицах Парижа
ты, может быть, везде искал следы
таких, к которым сердце рвалось ближе,
и не были напрасны те труды.

(Я глаз твоих во веки не увижу,
что были холодной морской воды...)
Признайся, что не только колоколен
готических, палаццо и церквей
ты вид любил: что был мечтами болен
от тонких рук и выгнутых бровей
цыганок смелых или нежных фей.

Где Гималаи снегом в небо
поднялись круто, ты блуждал,
— не знаю, где ты только не был,
чего не видел и кого не знал.

И золотом без меры и без веса
ты все достал, чего ни захотел,
с базаров Анкары и Бенареса,
и весь твой дом, как сказочный, блеснул.

О, ты провел чудеснейшие годы
и лучшие пути исколесил
и любовался досыта природой,
волшебнее которой не просил;
и не прошли без твоего вниманья
десятки женщин, полных обаянья,

304 For K.N.M. see note on poem 198.

красавиц смуглых, рыжих, белокурых,
оставивших в твоём воспоминаньи
мимозы Капри, пальмы Сингапура
и блики звезд, глядевших на свиданья.

Так для чего же к краю скуки
где никого тебе не надо,
ты протянул случайно руки,
сверкнул аквамаринном взгляда
и бросил розу в день разлуки,
отравленную каплей яда?

И не промолвив ласкового слова,
ушел искать пристанища иного,
в сокровищнице памяти, на дне,
не унося и мысли обо мне!

28 июля [1927 г.]

305

Леле

Знаешь, кто мы были за завесой
многих лет, в иные времена?
Я была варяжская принцесса,
ты была — монгольская княжна.

Мой отец в серебряные латы
был закован с ног до головы;
твой носился на конях крылатых
по просторам голубой травы.

Я любила сосны и утесы,
тени кораблей и моря всплеск,
голубые ленты в светлых косах
и оружия северного блеск.

А тебе — в степи твоей далекой
был милей веселый бег коней,
песнопенья томные востока
и наряды ярче и пышней.

Но в пустыне раскаленной Гоби
и в краю, где вечно стыннут льды,
тихой ночью мы смотрели обе
на один и тот же луч звезды.

И, мечтая о своих героях,
мы тогда не знали, я и ты,

305 For Леля see note on poem 21.

что столетья унесут и скроют
 эти наши древние мечты
 и поставят рядом нас с тобою,
 сотворенных из одной земли,
 чтобы мы, сведенные судьбою,
 так друг дружку полюбить смогли. 3 августа [1927 г.]

306

II.

Нет, я тебя уже не вспоминаю,
 Не позову тебя и не приду.
 Хоть дикой, темной полночью, я знаю,
 Ты иногда стоишь в моем саду.
 Ты иногда стоишь в моем саду.
 Где синие ночных деревьев тени,
 Где сорная косматая трава,
 Ты как-то опустился на колени,
 И так без сил висела голова...
 Не надо — пусть кустарник у порога
 Твоей щеки не тронет острием.
 Мы были, но не надо, ради Бога,
 Нам больше никогда бывать вдвоем!
 В июне, год назад, за океаном —
 И год спустя, сегодня, здесь в саду —
 Я знаю, это призрак над бурьяном...
 Но если даже ты — я не приду.

Начало сентября или конец августа [1927 г.]

307

Есть такое сильное горе,
 Что и смерть его не мирит.
 Смертной ночью в темном просторе
 Черный ангел за ним слетит,
 Нежно-нежно рукой погладит
 И родным своим назовет.
 Если с жизнью кто не поладит,
 То вражду за гроб унесет.

12 сентября 1927 г.

308

Когда от серой пыли тротуара
 И от людей на миг я убегу,
 Мне слышится гавайская гитара
 В тени лиловых пальм на берегу.
 Холодная волна ложится с шумом,

306 For П. see note on poem 24.

И берег дрогнет от такой волны.
И льет огонь моим мечтам и думам
Твой нежный, звучный, твой напев струны.
Бездонный, черный холод оксана
Так странно согласован, так родной
Бессловной песне южного дурмана,
Как будто он и песня — ты со мной.
И не уйдут из памяти, не сгинут
Ни океан, ни пальмы тень, ни ты.
Ни остров тот, что мной давно покинут
Для дальней золотящейся черты. 29 сентября [1927 г.]

309 Вижу ночью — черная долина,
А за ней — лиловая гора,
У которой, будто середина,
Выложенный крест из серебра.
И не знаю, надо ли, не надо,
До креста до этого долезть,
В нем ли скрыта тихая отрада,
Или в том, что где-то звезды есть...
Черные орлы крылом тяжелым
Бровь мою заденут. Упаду.
Протяну устало руки долу
И нигде отраду не найду. 29 сентября [1927 г.]

310 Меня тянет, тянет снова в горы,
где по склонам облака ползут,
где кругом лесистые просторы
разговор со звездами ведут. [1927 г.]

311 Не гадай по моим рукам,
я и так все черточки знаю,
знаю всех, кто подходит сам
и кого на пути встречаю.

Лучше я тебе объясню
про судьбу твою про такую
и последнюю песню мою,
непонятную, растолкую. [1927 г.]

312

II.

Не смотрю напрасно на иконы
 И на ум молитва не идет:
 Ни тебя, ни синие каньоны
 Даже Бог мне больше не вернет.
 Под огнями злыми Холливуда
 Разве счастье дал тебе удел?
 Глупый, глупый, — ты не понял чуда,
 Приобщиться солнцу не хотел!
 Если ты и встретишься со мною
 (Нелюбимый и ненужный, нет),
 — Я пройду спокойно стороною
 И не обернусь тебе вслед.
 Ведь тебя сманил к себе двуликий
 Мишурой украшенный обман;
 Ты не знал, что волны так велики
 И что так безгранен океан.
 А теперь ты помнишь всей мечтою —
 Всей душой, которой снятся сны, —
 Девочку со светлой головою —
 Из чужой, далекой стороны.

26 февраля [1928 г.]

313

Helen Stanley

Я помню желтые узоры,
 Что осень южная плела,
 И на заре — немые горы,
 — И эта память мне мила.

 У наших ног была долина
 Туманной шалью повита.
 Дымок крутился нитью длинной,
 И с ним струилась в даль мечта.

 И холод рос, и холод тени
 Бодрили дух и тело нам,
 И были горы — как ступени
 К высоко скрытым чудесам.

 Ты говоришь, „мы были боги“ —
 Пусть это был нездешний сон.
 Но разве больше нет дороги
 Ведущей в тихий тот каньон?

6 марта [1928 г.]

312 For II. see note on poem 24.

313 For Helen Stanley see note on poem 99.

- 314 Золотые краски умирали
 На верхушках сказочного леса.
 В золотой, узором шитой шали
 Бледная задумалась принцесса.
 Приходили дамы посмеяться,
 — „Верно, принц баллады пел искусно”.
 Но никто не мог и догадаться,
 Отчего принцессе было грустно.
 Ей не принц веселый вовсе снился,
 — Молодой, в доспехах и с забралом, —
 А горбун, что ночью удавился
 Глубоко под балльным белым залом. 7 июня [1928 г.]

315

P.J.

Зачем так ясно-ясно-ясно
 сейчас ты снился мне опять?
 Зачем так ласково-участно
 пришел со мною постоять?
 Ведь мне казалось, я забыла,
 ведь я тебя уж не зову,
 когда ничья на свете сила
 тебя не даст мне наяву. Воскресенье. 1 июля 1928 г.

316

Ты видел инфузорий —
 светившихся от фосфора, ночами,
 за кораблем?
 Их было очень много,
 они куда-то за волной стремились,
 как будто им куда-то было нужно,
 за черным кораблем, в чужие земли.
 Так, может быть, на нас
 глядят — на маленьких, которых много, —
 откуда-нибудь сверху
 и не знают,
 куда нам нужно, для чего мы бьемся
 и для чего горим
 такими беспокойными огнями...

Харбин. 27 сентября [1928 г.]

315 For P.J. see note on poem 24.

незнакомым и холодным морем
одиноким рассекает путь.

20 февраля [1929 г.]

321

Ты на троне высоком сидишь,
И одежда Твоя — из порфира,
И в покоях великая тишь
Твоего недоступного мира.
Где верхушки холмов в вышину
Подымаются стройным узором,
Ты глядишь на людскую страну
Только небо приемлющим взором.
На Твоем утомленном челе
Тонкий обруч блестящий положен.
Мы не видим Тебя на земле,
Хоть и знаем, что Ты непреложен.
И мучительных дней колея
Лишь тогда забывается нами,
Если мы Твоего бытия
Ощущаем священное знамя,
— О, тогда мы горим о Тебе,
И следы Твои ищем дорогой,
И в своей сиротливой судьбе
Мы Тебя принимаем за Бога.
Но на самом последнем конце,
За согретыми солнцем реками,
Ты один в сокровенном дворце,
Все о чем-то мечтаешь веками.
Видишь, мне оттого и печаль,
Что зеленой и ясной весною
Мне тяжелая Божья скрижаль
Начертала блаженство иное,
Что, пройдя голубую гряду,
Одолов неприступные годы,
Твоего недостойная взора,
Я Тебя все равно не найду.

10 марта [1929 г.]

322

Высоко над землей вечерней
летели в небе журавли.
Холодные ложились тени
на лик смолкающей земли.
В восторге журавли кричали,
что светел юг и мир велик,
но люди их не замечали
и не слышали этот крик.

И только небо серым светом
прияло дань бездомных птиц,
как будто чуя в этом крике
родную ширь своих границ.

31 марта [1929 г.]

323

Я в шали, шитой серебром,
уйду и отвернусь куда-то.
Ты помянешь меня добром,
— не я, ты знаешь, виновата.
В холодных залах замка ты
молитву оборвешь укором,
и будут силы темноты
бродить по длинным коридорам.
И в блеске дальнего дворца
я гордо надсмеюсь над горем,
я не пошлю к тебе гонца,
и мы веселья не повторим.
И вот, за то мы не пойдем,
что за лиловой гранью далее
на солнце сад цветет, и в нем
людские сгладятся печали.

21 апреля [1929 г.]

324

Голые ветки колотят по крышам.
В келье своей мы сидим, чуть живы,
слушаем ветра глухие порывы,
тихо на пальцы остывшие дышим.
— Господи бурь, сохрани, помилуй, —
Синие губы тревожно шепчут.
Ветер не внеслет, ветер все крепче,
снежную в поле сметает могилу.

25 апреля 1929 г.

325

Я помню ласковые рощи,
где пело солнце на траве,
но нет давно бывалой мощи
в моем привычном колдовстве.
Видений старых вереницы
толпятся в тихий мой приют,
и золотые колесницы
меня от них не унесут.
И я не знаю, сон ли милый,
что болью память мне мугит,
иль дней последних ход бескрылый
душа Всевластным не простит.

25 апреля 1929 г.

- 326 Иди, — ты хочешь, и я пойду,
мы станем в далеком глухом саду
на желтой дорожке,
где солнце дрожит на зеленом пруду,
постоим немножко.
Будет над липами день потухать,
и будут птицы свистать;
в последнем оконце
среди деревьев исчезнет солнце.
Мы будем камешки в пруд бросать
и будем петь.
О, в темноте холодной той,
в темноте пустой,
ярким оком взглянет на нас вода,
если мы придем туда.
И в высокой, сырой траве,
в небывалом ночном колдовстве,
до бровей завернувшись в ночь,
кто-то серый и страшный, кто-то слепой
навсегда прибрежной тропой
отойдет — прочь.

5 апреля 1929 г.

- 327 Холодный и сырой рассвет
какой-то новый день приносит.
Бог сохранит тебя от бед
и даст, чего душа попросит.
Я знаю; я молилась так.
В моих молитвах были стоны,
не дрогнул благовонный мрак,
и слушали меня иконы.
Луч, неявленный до сих пор,
прорежет день, пустой и сырый,
и запоет незримый хор,
и на тебя падут порфиры.
Великий, ты взойдешь на трон,
твоя ладонь коснется жезла,
и по земле прольется звон,
что ты пришел! что тьма исчезла!
А я — в глухом своем скиту
я в этот час свечу поставлю,

327 Сунгарь: Sungari, or Sunghuaijiang, is a large tributary of the Amur river; Harbin is located on the right bank of the Sungari.

облекшись в тишь и темноту,
твоей победы праздник справлю.

Сунгари. 4 часа утра. 18 мая [1929 г.]

328

В.В.

Я к тебе приду в сильную грозу,
Я тебе и ласку и покой везу.
Где дрожащих молний отблеск голубой.
будем долго-долго мы сидеть с тобой.
Будем молча слушать над рекою гром,
точно в целом мире мы одни живем,
и никто под этот твой уютный кров
не придет из серых городских домов.

Слышишь, в даль ночную грозы унеслись?
Видишь гладь речную? Видишь неба высь?
Чуешь запах луга от сырых кустов?

Мы пойдем друг друга, как всегда, без слов. 5 июня 1929 г.

329

Мой древний прародитель был Нептун,
и ранних игр участники — дельфины,
и даже желтых прибрежных дюн
я не видала из своей пучины.

Прошли века, и я осуждена
бродить одна вдали от океана,
и жемчугов покинутого дна
рукой уже отвыкшей не достану.

Что ж, есть веселье ведь и на земле,
и чудеса не хуже есть, чем в море,
в котором ночью катятся во мгле
горящие миллионы инфузорий.

Здесь даже солнце светит иногда,
и нежит аромат земных растений,
но в море — бирюзовая вода,
и запах соли, и буруны в пене ...

И только в море снимем и седом,
где белых кораблей проходит стая —

328 For В.В. see note on poem 54.

мой настоящий и любимый дом,
и вся земля вокруг него — чужая.

20 июня [1929 г.]

330

Русь, вдали мы Тебя вспоминаем,
Твое имя пресветлое чтим
и, чужим обогретые краем,
только живы дыханьем Твоим.

Кровь сердец наших больно сочится,
но помочь Тебе — сил не найти...
О, когда Твой народ возвратится
на свои вековые пути?

Мы ушли — и, быть может, неправы,
но прими — и с восторгом придем
целовать Твои мягкие травы.
рубежа Твоего чернозем!

5 ноября 1929 г.

331

Русь, в полях Твоих кроется сила,
души мерзлые лесней согрей!
Но зачем Ты тоску породила
на кручину своих дочерей?

Нет народов, как Твой ведь, печальных,
но дороже и нет голосов,
чем степей Твоих, рек безначальных
и Твоих нерушимых лесов.

Голубые мятели летали,
Русь, глаза застилала Тебе;
загорались зловецкие дали,
покоряясь Твоей ворожке.

Русь, прости, что ушли и забыли
красоту Твоей черной земли —
это вражьи тревожные были
нас в чужие края унесли.

Знаем все: „Дорогую потерю
в самых недрах души сбереги“.
Научи нас надеяться, верить!
Уповать на Тебя помоги!

5 ноября 1929 г.

332

Бледных звезд мелькнула позолота,
умер день земных тревожных сил.
Тихой ночи черные ворота
безглагольный ангел отворил.

Вниз взглянул и видит Божьи земли,
 грустный-грустный стал на страже сам,
 человеческим стонам молча внемлет,
 доносящимся к его стопам.
 Оттого, что на земных могилах
 не смолкают вопли ни на миг,
 в небесах скорбит, помочь не в силах,
 распротершийся архистратиг.

23 ноября 1929 г.

- 333 В небе лазурном высилась башня.
 Белая башня в небе лазурном.
 Башню разбило в хаосе бурном
 — Ту, от которой жилось бесстрашней.
 — Господи Боже, Ты ведь всесильный,
 Ты освети на минуту потемки,
 Дай подобрать на дороге обломки —
 Белые камни у кучи могильной! [1929 г.]
- 334 Когда-нибудь — я брошу этот город,
 уйду куда-то, где меня не ждут,
 и постучусь, хоть, может быть, не скоро
 мне новые ворота отпрут. [1929 г.]
- 335 Вот также отойдет и мой корабль
 в моря неведомые, в ночь глухую,
 и на скале не будет маяка,
 и ни одной звезды не будет в небе
 светить, но тихо повернется руль
 и гул земной затихнет за кормой.
 Все будут также на твоей земле, в твоём саду
 цвести настурции и георгины
 и сладко пахнуть на заре трава.
 И ты ни разу не согласишься вдали,
 туда, где нет ни точки, ни пятна
 на горизонте голубого моря;
 и ни один маяк, и ни одна звезда
 не бросят светлый луч в туман и пену
 и не укажут, где прошел корабль. [1929 г.]

335 With a notation in the manuscript: "Это очень давнишнее, и молодости, наверное, еще в Харбине."

молчит, стеклянное и неживое.
Иди, не думай; ты услышишь
совсем медвяный запах от полыни,
увидишь бабочку в траве и птицу,
летающую под этим самым небом
стеклянным...

7 сентября 1935 г.

339

А я видала дольней ночью
— и не забыть последний свет—
звезду, разорванную в клочья,
звезду, которой больше нет. Шанхай, 22 июня 1936 г.

340

Как страшно знать, что в старом доме,
в котором я жила— давно—
откроет кто-то незнакомый
мне, постучавшейся в окно,—
что скажет: „Вы ошиблись, видно—
их нет уже с таких-то пор”,
и щелкнет грубо и солидно
скрипучий, как тогда, запор.

И вечер, полон черной болью,
придет и встанет на часах,
и вспыхнут звезды в темном поле,
как в мягких чьих-то волосах.

И я уйду. Куда, не знаю.
Замолкнет даже сердца стук:
его так просто убивает
давно ожидаемый испуг.

Шанхай, 6 июля 1936 г.

341

Не о себе

Помилуй, Боже! Очень трудно нам.
Мы— старики и старые старухи,
больные, нищие, слепы и глухи,
и нет предела нашим именам.

Нас очень много. Мы толпой идем,
но одинок в огромном мире каждый,
томимый горем, голодом и жаждой,
и так давно забытым словом— „дом”.

Помилуй, Боже! Ты один за нас.
Но даже Ты не знаешь, Боже правый,
весь этот страх забора и канавы

в холодный, зимний предвечерний час,
когда последний свет дневной погас...

Шанхай, 5 августа 1936 г.

342

Ты — моря блеск; я — ботик бранный.
Плыву, плыву и вдруг — тону
в твою смеющуюся пену,
в поющую твою волну.

Но мне не жаль, что солнца мало
в холодной и зеленой мгле —
таких жемчужин и кораллов
я не встречала на земле.

6 ноября 1936 г.

343

Ранний снег спокойно и лениво,
словно вишня, опадает в пруд,
— тот, зеленый, где нависли ивы
и кувшинки мирные цветут.

Не бывает ярче и крупнее,
чем звезда, которая взошла
в полутемном небе, цепенея
на краю задумчивом села.

И отрадно, сев на мостик старый,
видеть в нежном и ленивом сне,
как цветет большая неньюфара
в опрокинувшейся высоте.

Шанхай, 10 ноября 1936 г.

344

Черной бурей, далеко, тонут
непришедшие корабли.
Пусть приснится, что звезды тронут
тонким светом края земли!

Черной ночью, в предсмертной муке,
в час, когда не видно ни зги,
подыми свои легкие руки,
в сердце легкую искру зажги!

Пусть потом опустятся вежды,
потеряются все тропы,

342 Variant in the last line in the manuscript: "я не коснулась на земле."

и у мыса Доброй Надежды
разобьется корабль в щепы.

Шанхай, 15 декабря 1936 г.

345

Девочка плачет
в белом саду —
верно, Господь
послал беду.

День серебристый
стоит такой —
беленький в клумбе
расцвел левкой —

Белое облачко,
белая даль...
— Боже, за что Ты
придумал печаль?

Шанхай, 15 декабря 1936 г.

346

Мальчик с улицы, худой и жалкий,
нес серебряную звезду на палке,
стукнул в дверь, просунул звезду
и спросил:

„Можно, я войду?“

Мальчик бледный, в глазах — мечта,
тоненьким голосом славил Христа.
— один, в чужом, незнакомом доме,
пел о Ребеночке на соломе.

У милого мальчика милый голосок:
сунули пряников ему в мешок,
но никто не видел в голубой пыли
худеньких крылышек, что за спиной росли,
и никто не видел, у его плеча,
от звезды серебряной тонкого луча.

Шанхай, 14 января 1937 г.

347

Здесь слишком долго было тяжело,
здесь слишком долго будут помнить зло,
здесь никому не захотят простить,
кто смеет весело и просто жить.

Что ж, если у тебя цветет сирень!
К нам от нее упала только тень,
на нашем поле сожжена трава,
и неприветливы у нас слова.

Вот покойный и приятный жребий—
как сказать, „неласкова судьба“?
В фиолетовом вечернем небе
тонких листьев черная резьба.

Шанхай. 1937 г.

351

Туда, где берега канала
покрыты ивой и осокой,
чуть слышно тишина упала,
повисла над травой высокой.

Как желтый гонг, всплыла устало
луна большая от востока.

Шанхай, 1933-1939 г.?

352

Огромное, презрительное небо,
холодная и белая дорога,
а у дороги выросли торчками
голодные, оборванные елки,
протягиваЮт руки в это небо
и шевелятся, и идут куда-то.

Такое белое, пустое небо—
и на белой
земле— вот эта стая черных елок,
тощих и черных и торчащих в небо.

26 сентября 1938 г.?

353

Пристала к сердцу моему
тоска репейником колючим.
Луна, как чей-то давний сон,
зажглась над синими лугами,
ночь подошла со дна времен
своими легкими шагами.

Шанхай. [1938 г.]

354

В луне, как в зеркале, видны
все грешные земные сны—
отражены, искажены
в весеннем зеркале луны.

Вглядись в туманные края,
где туча вьется, как змея.

352 Variant in the last line in the manuscript: "голых и черных и торчащих в небо."

354 Variant in the last two lines in the manuscript: "давнишний, тот, что ты забыл./но тот, который был?"

где света лунного струя,
— не тень ли то твоя?

И там, где мрак пугает взор,
не сон ли твой ползет, как вор,
— тот сон, что ты давно забыл.
но тот, который был?..

Сан-Франциско, 4 февраля 1939 г.

- 355 Где скат косогора так зелен и ровен,
 Где ветки березы нежны и тонки,
 Поставить простую избушку из бревен
 У заводи тихой и сонной реки.

Не ждя ничего, ни о чем не тоскуя...

Около 1945.

- 356 — Очень низко радуга стояла,
 сыпал дождь последний через сито,
 шелковое неба покрывало
 было светлым бисером ишито.

3 сентября 1945 г.

357

Город

В.В.

Золотые звезды с сучьев клена
на асфальте ковриком легли,
и туман, серебряный и сонный,
скрыл шероховатости земли.

Помнишь город? Или ты в нем не был?

— Вечером усталым и немым
горестно заплаканное небо,
столько лет висящее над ним,

площадь возле старого вокзала,
и фонарь, зажженный над мостом—
помнишь ли, как я тебя встречала
и куда мы шли с тобой потом?

Если вечером таким прозрачным,
трогательно тихим, кружевным,
сон, который издавно утрачен,
несожиданно встает— живым,

357 For *В.В.* see note on poem 54.

если ж ветер, если солнце светит,
голубеет в озере вода,
этот город, где мы были дети,
я не вспоминаю никогда.

10 ноября 1949 г.

358

За городским голодным сквером,
одета в серое тряпье,
она стояла утром серым, —
забывшая жилье свое.

Ложился снег вуалью белой
на прошлогодние листки,
на тряпки рваные и тело,
и на ладонь ее руки.

И мнилось людям, что веками
она стояла точно так,
хватая грязными руками
чужой протянутый пятак

и никогда не вспоминая,
что в дальнем, ласковом краю
растаял снег от солища мая,
и птицы синие поют.

15 марта 1951 г.

359

Офелия

Нет предела царственной печали,
Мертвые не встанут из могил.
Безутешный принц идет по зале,
будто плети, руки опустил.

Не клади поклонов у обеден,
девушка, — любви твоей не цвествь,
посмотри, твой принц, как призрак, бледен,
страшную обдумывает месть.

Маленькая нимфа в белом платье,
не горюй, что ты умрешь ничья!
Разве не милы тебе объятья
ласково журчащего ручья?

Опустись в серебряное ложе,
платье подвенечное разгладь;
ведь тому, оставленному, тоже
будет очень горько умирать.

5 апреля 1951 г.

360

... было небо
светлое, и вдруг потухло солнце,
ни затмения не было, ни тучи,
просто вдруг погасло и пропало.

Все большое небо потемнело,
все живое поукрылось в норы,
все цветы поникли и завяли,
замолчали на деревьях птицы,
и деревья опустили ветви;
даже рыбы отошли в глубины,
и поверхность моря почернела.
Что же делать? Что же делать дальше?
Как же можно жить теперь без солнца?

8 октября 1951 г.

361

Судьба от жизни унесла
людей без счету и числа,
и даже звон давно затих
о славных подвигах людских;

в щепы разбиты, города
давно пропали без следа,
и гордо к небу росший бор
гниет в земле с давнишних пор.

Одни лишь звезды в тишине
не гаснут в вечной вышине
за тем, чтоб мы с тобой могли
во что-то верить на земле.

10 октября 1951 г.

362

Наступление зимы

В позднем небе бледность опала.
Отражается на снегу.
Золотая вуаль упала
с тихой рожи на берегу.

Скоро белой, лохматой гривой
уберутся ветви ракии,
и ручей, недавно игривый,
на полслове вдруг замолчит.

Декабрь 1951 г.

361 Published in the journal *Kharbinskie kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. dor.*, San Francisco, no. 4, 1957, p. 52. The last line of the first stanza read: "от славных подвигов людских"; the second line of the second stanza: "давно погибли без следа"; and the last line of the third stanza: "во что-то верить на земле."

Весна

363

Потела мягкая земля,
 трава дышала, прорастая,
 гляделись в небо тополя,
 задетые осколком мая.

И тучи мелких серых птиц,
 чуть возвратясь из теплой дали,
 из бирюзовой выси, ниц
 на землю ждущую упали.

22 января 1952 г.

364

Приближение грозы

Светло, уютно, тихо и удобно;
 листаешь книжку, в кресле развалясь.

Вдруг — крупный дождь застучал в крышу дробно,
 и в воздухе его повисла вязь.

Сереет небо над углами дома,
 чернеют туч волнистые низы...
 Ты слышишь вдалеке раскаты грома?
 Ты чувствуешь приближение грозы?

8 марта 1952 г.

365

Романс

Я голос твой забыла
 так давно —
 И цвета глаз твоих
 давно не вспоминала,
 Закрыто наглухо
 в тот старый сад окно.
 Не все ль равно, что в нем
 черемуха в июне расцветала!

Нам путь назад навеки
 запрещен.
 С тех пор мы выросли,
 видали жизни много.
 Ведь то был сон — простой
 и детский сон —
 Да был ли он? И не в такой
 мы милости у Бога.

Март 1952 г.

366

Внезапно вышла в жизни перемена,
не стало вдруг ни солнца, ни тепла.
Закрыв глаза. Игнали мариш Шопена,
его везли, за ним семья брела.

Вот позади и города шумиха,
и церкви золотое острие.

Он не спешил; он ехал очень тихо
на новоселье тихое свое.

1 мая 1952 г.

367

В толпе

Простые люди, серую толпой
и друг на друга все чуть-чуть похожи, —
идут по свету общию тропой
— и радость есть у всех, и горе тоже.

И только иногда блеснут глаза,
и странная от них лучится сила —
как будто где-то дрогнула гроза
и из-за тучи солнце засветило.

2 мая 1952 г.

368

Он был, наверно, самый ловкий —
один, среди миллионов тел,
он спасся от бомбардировки
и долго под землей сидел.

Как звери ночью роют норы,
спасаясь от дождя и зла,
прорыл глухие коридоры
дневного не ища тепла.

И так как был иных проворней,
то он ловил и ел мышей
и грыз в земле деревьев корни
и так и жил — один. Ничей.

И успокоилась планета.
Никто не бегал, не кричал,
и души всех погибших где-то
нашли последний свой причал.

Тогда он вылез осторожно.
Был воздух светел, пуст и нем.
Он посмотрел кругом, ничтожный,
— и тихо вдруг спросил: „Зачем?“

9 мая 1952 г.

369

Закинув в небо голубое
высокой мачты острие,
стоит, укрытый от прибоя,
корабль, отплававший свое.

Его пути пересекались,
ведя от самых дальних мест,
из-под Авроры Бореалис
в края, где светит Южный Крест.

Легенды северного снега
он, белокрылый, доносил
до самой Тьерра-дель-Фуего
и возвращался, полный сил.

Стоит. Один. Давно ржавеет.
Тяжелый якорь врыт в песок.
В пустых каютах ветер веет.
Последний сон его глубок.

9 мая 1952 г.

370

Ноктюрн

Было тихо, так тихо печальное синее небо,
только белые птицы парили, тоскуя и плача,
потухала заря, совершалась последняя треба,
и грустила земля обо дне, что навеки утрачен.

Обнимали туманы дышавшую грудь океана
и на дюны ползли, где пески серебром отливали;
был белеющий месяц, как шрам заживающей раны,
и огромные звезды на люстре небесной кивали.

В океан безвозвратно, бесшумно впадают потоки,
в бесконечности звезд умолкают аккорды ноктюрна,
забываются песни, теряются давние сроки,
горсти стилого пепла в последнюю сыплются урну.

27 мая 1952 г.

371

Высоко на какой-то горе,
на весенней веселой заре,
ты найдешь очарованный цвет,
ты услышишь желанный ответ,

- только верь. не устань. не отстань,
— перейди через реку Иордань.
потому что нельзя отступать,
засосет ненасытная падь. —
только лезь. добивайся. иди.
видишь. светится луч впереди.
Не теряй же надежды, поверь,
что открось заветную дверь.
и войдешь, и воскликнешь „Не зря
обещала так много заря.
и звала. и манила вперед,
в этот край. где подснежник цветет!“
- Май 1952 г.
- 372 Засверкал остроконечный месяц.
Фонари зажглись вечерних улиц,
И лучи неощутимых лестниц
От земли на небо протянулись.
Вот, взойти — увидеть, что такое,
И назад не возвращаться снова.
А проснуться в золотом покое
Золотого утра неземного.
- Май 1952 г.
- 373 Живи себе. живи... Войны не надо:
опасность не грозит. — помилуй Боже.
И не нужна вокруг избы ограда —
убийц на свете нет. И нищих тоже.
Никто не нападет, не бросит в прорубь
и не убьет. Смотри: играют дети,
над ними вьется белокрылый голубь,
и ласковое солнце мирно светит.
- 6 июня 1952 г.
- 374 Люблю тебя. Ты будь со мной всегда.
Не надо даже думать о разлуке,
ты нужен мне, как воздух и вода,
как солнце и как хлеб и песни звуки.
А если вдруг разлюбишь — убегу
и под ничем незаренным небом

374 With a notation in the manuscript: "Это Женькс. кончю." Женькс: see note on poem 193.

я буду жить, хотя б пока могу
без воздуха — без песни — и без хлеба.

5 августа 1952 г.

375

Огромный мир... моря, леса и горы,
известные с неисчислимых лет,
и в то же время скрытые от взора
миллионы неизведанных планет.

Так много раз с востока солнце встало
и так же встанет много тысяч раз;
а мы с тобой тревожимся о малом —
как будто в мире нет важнее нас!

Цветет багульник. Небо сине очень.
Пускай одна из многих, — но весна.
Забудь тревогу, — то, что мир непрочен.
Я здесь. С тобой. И жизнь твоя ясна.

6 октября 1952 г.

376

В огромных
бетонных и асфальтовых гробницах
на дне колодцев каменных, глубоких
мы все почти забыли,
что значит осенью идти дорогой,
покрытой мокрыми слоями листьев,
— шагать по золоту опавших листьев,
где пахнет
грибами и землей осенней, мокрой...

Почти забыли,
как ветер осенью шумит
в большом саду, верхушки сосен крутит,
— шумит в густых, высоких, мокрых ветках
в большом саду...

1952 г.

375 Published in the newspaper *Russkaia zhizn'* (San Francisco), where the last three lines of the first stanza and the first three of the second stanza are as follows: "исхоженные много тысяч лет, / и в то же время — скрытые от взора / миллионы неразведанных планет. // Так много раз с востока солнце встало / и снова встанет мирнады раз; / а мы с тобой заботимся о малом."

376 With a notation in the manuscript: "Посвящается Александре Ивановне Долговой, учительнице русского языка и классной наставнице подготовительного класса гимназии Таганцевой в Ст.-Петербурге в году 1912. Она как-то задала классу написать стихотворение; я принесла свое „Буря зашумела, ветер поднялся..." Она спросила: „Ты сама написала?" — „Да", и попросила принести альбом. Прочтя, написала „Будущему поэту". Помню и благодарна всю жизнь."

377

Жена Лота

Богобоязненный и смелый Лот,
оставив дом, родных, друзей без спора,
забыл Содом, забыл Гоморру,
забыл о прошлом и ушел вперед.

А я? — Я женщина. Я не могла,
услышав грохот, треск и чуя пламень,
покинуть вдруг уют того угла,
где был овейн лаской каждый камень;

топча ногой узоры чуждых трав,
душа рвалась назад, где Божья кара
настигла гневом тех, кто был неправ,
— жестоким трусом и огнем пожара.

И страшно сердце дрогнуло во мне . . .
Я не послушалась, остановилась,
— я не подумала о той цене,
которой я за это поплатилась!

Что ж! Жизнь оборвалась неожиданно, вдруг,
но сладко было на минуту знанье,
что хоть один, быть может, враг иль друг,
на грани гибели, в полусознании,
почувствовал предсмертное прощанье,
увидя дрожь моих бессильных рук.

6 марта 1957 г.

378

Весна

К городскому голому скверу,
где собрались, возле скамей,
потерявшие в счастье веру
и не помнящие семей,

где, угрюмо сгорбясь, сидели
не имеющие домов,
те, что, верно, давно не ели,
не слышали ласковых слов,—

к обездоленной нищей братье,
незамеченная, одна,

377 For an English variant of the Russian poem "Жена Лота," see poem 533.

378 The first four stanzas were published in the anthology of Russian émigré poetry *Sodruzhestvo*, Washington, 1966, p. 114, where the second line of the first stanza read: "потерявшие в радость веру."

подошла в сиреновом платье,
босиком ступая, весна,

и на фоне камня и сажи
с улыбнувшейся высоты
золотые всплыли миражи,
голубые раскрылись цветы.

Потому что не только юным,
у которых печали нет,
ударяет смычок по струнам
и находит в сердце ответ —

даже самым старым и жалким
и с трясущейся головой
зацветает сирень на палке,
прорастает асфальт травой.

[1950-е гг.]

379

Далеко от миров стоит священный трон.
Нарушить ли покой святого из святых?
Господь, кто любит всех, ужель не видит он
всю боль молитв моих?

Он бесконечно добр. Он все давно простил.
Страдая за меня, я знаю, Он сейчас
своим святым крестом мне душу осенил...
И в ней увидел — вас.

[1950-е гг.]

380

Ах, этот дождь — зачем в июле льет?
Стучит (как будто в сердце!) мне в окно,
Каким-то жутким холодом несет,
когда кругом должно быть так светло!

Моей мечте безжалостный ответ...
О, перестаньте. Вы совсем не злой, —
зачем же в полумраке ваш портрет
смеется надо мной?

[1950-е гг.]

381

Память

Вдруг — пахнет ягодами...
и года, как лента
кинематографа, бегут назад, и я
одна в лесу.

Кругом большие сосны

вверх розовыми тянутся стволами
и тихо, ровно, глухо шелестят.

Иду или стою — неважно.

Мягко
лежит ковром пушистая черника;
мох полузакрывает пни, и вереск
свой розово-сиреневый ответ
бросает ласково в зеленом мраке.
Свежо и тихо и совсем неслышно
совсем ненужного людского шума,
всей суеты годов, идущих мимо —
о, хорошо, так сладко потеряться
в таком лесу, — еще стоящем где-то!
— где тишина, и мягкий мох, и сосны,
— таком далеком и неповторимом!

8 апреля 1960 г.

382

Горек хлеб разлуки и утраты,
и мотив прекрасен, что утих;
вот, зияют черные заплаты
на хитоне светлом дней моих.

Но зачем печально на пороге
четки прошлого перебирать?
Видишь, розовеют гор отроги,
трогает заря морскую гладь?

Видишь, чайка, пролетая мимо,
на песок метнула крыльев тень?
— Осторожно и неотвратимо
подошел какой-то новый день.

Для него оставь свои хоромы!
Даже спотыкаясь и скользя,
не пойти дорогой незнакомой
с ним, таким единственным, нельзя.

Он одарит за такую встречу:
это море! этих гор хребты!
— Даже грусти трепетные свечи
не частица разве красоты?

29 декабря 1960 г.

383

Туман

Сегодня город мой покрыт туманом.
Играют в прятки люди и дома,
и в парке по деревьям и полянам
голубоватая струится тьма.

Какой-то отблеск серебристый реет
над очертаньем крыши и стены
и лица встречающих делает добрее,
и улицы — похожими на сны,

ведущие в неявленные дали,
в ненайденный, давно искомый сад,
который мы когда-то загадали
так много городов тому назад.

И в сутолоке синей предвечерья
вдруг чудится, что близко, за углом,
торжественно откроется преддверье,
обещанное каждому в былом;

и можно так легко простить обиды;
и грязь, и камень, и цемент, и дым
скрываются дорогой Атлантиды
под этим сном туманно-голубым.

12 января 1961 г.

384

Стихи

Вода в ручье струится. А на дне
ничем не тронуты и мглой одеты,
от шума дня скрываясь в тишине,
упрятаны камня-самоцветы.

Так дни мои струятся. И тихи,
песком и илом мелочей прикрыты,
как галька, в глубине лежат стихи,
еще не писаны и не изжиты.

Но если быстро вынуть камень тот
из-под воды, что так блестя бежала,
— он потускнеет и почти умрет,
и красок всех его — как не бывало.

19 января 1961 г.

385

Nocturne

Спустилась ночь легко и глухо.
Надраил месяц острие.
Сосна, косматая старуха,
глядится в прошлое свое.

385 Variant in the first stanza in the manuscript: "Спустилась ночь легко и глухо, / Луны сверкнуло острие, / сосна, как черная старуха, / глядится в прошлое свое." The manuscript also has two lines which were left out: "Шли облака толпой веселой, / глотали солнце на пути."

Как черные, немые змеи
ползут равниной струи рек,
и в небо глаз поднять не смест
земле подвластный человек.

Так. Нет конца, как нет начала,
и месяц света не прольет,
когда к последнему причалу
докажится разбитый бот.

25 января 1961 г.

386

Отцу

Над улицей серой нависла туча.
На японскую ширму похожий,
шелк дождя закрывал дома вдалеке
и прохожих.

Пожилый мужчина в дождевике
и в шляпе, чуть нахлобученной,
ждал трамвая у остановки...

Так странно

похожий. —

совсем как тот, давнишний, близкий:
руки в карманах,
немного неловкий;
из-под шляпы, надвинутой низко,
седые виски видны.

Профиль мелькнул
сквозь серые нити
осеннего дня: как будто годы —
целая четверть века —
не сумели его изменить!

В память кольнуло —
и канул в воду.

Так просто.

Стоял человек невысокого роста,
и дождь, точно ширма, закрыл человека
и дома с другой стороны.

30 января 1961 г.

387

Шань шуй

За серым рукавом залива,
где ветер — вечный дирижер.

387 Шаньшуй: shanshui (Chinese), literally mountains and rivers, i.e., landscape, nature.

где он бурунов лейт-мотивы
несет к отрогам дальних гор.

где звезд туманно-белых трассы
родятся за плечом скалы, —
встают лиловых гор террасы
из сумеречной и холодной мглы.

В тени глубокой, черной щели,
в дичи разлоговин глухих,
приморский шторм ломает ели,
ползучие съедает мхи;

и там, в затерянных каньонах,
под сенью скромных очагов
живут, кто любит эти склоны,
аккорды волн и ветра рев.

Вот этих диких гор подножья
и хмурый этот океан
всего на свете им дороже
и им других не нужно стран.

И в день, когда для них настанет
назначенный им час
уйти за дальнюю из граней
сиреневых террас —

они поднимутся по круче,
туда, где льется свет,
и скажут — там, наверно, лучше...
но гор и моря нет.

10 февраля 1961 г.

388

С природы

For Max Angell, a patient at UC Hospital

У окна зацвела белая слива.

В учебной больнице, за стеной,
пищали крысы, собака выла тоскливо,
и где-то в недрах кричал попугай — больной.

Лабораторию, где микротомы,
крутятся, гудели, и густо висел формалин,
наполнил дух голубой весенней истомы
с окрестных садов и зеленых дальних равнин.

388 With a notation dated 19 May 1994 in the manuscript: "Его последняя весна. For Max Angell, a patient at UC Hospital." The UC Hospital was a Medical Center at the University of California where Mary Vezey worked for some time.

В конце раскинувшейся больницы,
в сером переднике, в маске по самый лоб,
хирург вырезал человеческого тела частицы,
отправлял к патологу, под микроскоп.

А тот, в котором теплилась сила
после наркоза и ножа,
в окно от края своей могилы
на белую сливу смотрел, дрожа.

20 апреля 1961 г.

389

Я слышу мелодию песни так ясно,
каденцию нот, голубые бемоли,
но только слова вспоминаю напрасно,
и думать о них не умею без боли.

Закат розовеет, бледнеет и тает;
как занавес, ночи спустились порфиры,
и память одни за другими листает
страницы раскрытого в сердце клавира...

Но слов не найти... Одинок неизменно,
несется мотив в темноту сиротливо,
и кажется, где-то в орбитах вселенной
замолкнут, остынув, слова без мотива.

23 августа 1961 г.

390

Nocturne

Встревоженная тишиной
глухой, глубокой, долгой ночи,
я часто слышу sotto voce
мотив, поющий мне одной.

Я знаю: он меня зовет,
и ухожу за ним, без спора,
за изумрудные озера,
в страну нетронутых высот,

куда еще никто не взлез
и где еще не дрогнет эхо
чуждого говора и смеха
сквозь девственный молчащий лес.

Там звезды клонятся в кусты,
и на опушке, у поляны,
дурманят запахом медвяным
полураскрытые цветы.

Я долго там одна брожу,
и звуков ночи слышу много,
но где лежит туда дорога,
я никому не укажу.

И знаю: — ранним утром пусть
я возвращусь в свой шумный город,
но в легкой памяти не скоро
растает радостная грусть.

[1961 г.]

391

Сон

В.В.

В твоём саду зелёный пруд,
над ним ракитовые ветки,
и птицы синие поют
у входа мраморной беседки.

Куртины дышат резедой,
левкоем и гелиотропом,
и ты, — веселый, молодой, —
по золотым шагаешь тропам.

Но это — сон: разбит фонарь,
не видно вех на поле мгlistом,
и не найти тебя, как встарь,
в саду зеленом и душистом.

3 мая 1962 г.

392

Белая апрельская луна,
и, остановившись в этом миге,
кружевом курчавилась волна,
точно на пейзаже Хирошигэ.

Там, где горизонта полоса,
лунный луч своей рапирой тонкой
осторожно тронул паруса
уходящей на ночь в море джонки.

Мы следили, стоя там, одни,
как в воде у самого причала
инфузорий вспыхнули огни;
слушали, как тишина молчала,

391 In one of the manuscripts this poem is entitled "Браты." For В.В. see note on poem 54.

392 Published in the anthology of Russian émigré poetry *Sodruzhestvo*, Washington, 1966, p. 116. Variant in the last line in the manuscript: "ночь, апрель, залив Шимоносэки."

и за то, что мы стояли там,
нам присуждено хранить навеки
в памяти, как нерушимый храм,
эту ночь в порту Шимоносэки.

9 мая 1962 г.

393

Lac Léman

B.B.

Есть сон: в нем все перемешалось —
озера, улицы, мосты,
давнишняя ребячья шалость,
и много встречных лиц, и ты.

Как будто я, совсем другая,
забыта всеми и одна,
под эхо гулкое шагаю
в безлунную трущобу сна.

Детьми мы бегали по полю —
но резко оборвался путь...
Законы жизни не неволю
и не прошу тебя вернуть.

Друг друга раньше мы встречали:
ты помнишь — ярко бил фонтан
в тот день, когда корабль отчалил
на светлом озере Леман!

Дома поплыли, взмылись горы,
аэропланное крыло
неотвратимо и без спора
тебя, как тень заволокло.

Ушли деревья, берег, крыши,
фонтан, мосты и фонари.
Одни часы на башне слышу
у перекрестка Корратри,

и стихшей чернотой ночью
лечу, иду ли — не понять,
лишь в памяти передо мною
озерная пустеет гладь.

Женева, 20 сентября 1962 г.

394

Последнее свидание

В.В.

Мы куда-то шли и говорили
в городе, в котором мы росли;
звезды те же самые светили,
что когда-то начали светить,
но не помнится, куда мы шли.
Было времени ужасно мало—
разве можно все обговорить?

Где толпа крутилась и мешала,
я на площади большой отстала,
не смогла тебя остановить.

Я тебя по улицам искала,
вдоль решетки длинного канала,
облако злоеющее вставало,
как огромный гриб, с конца земли.

Я звала тебя и догоняла,
в переулке темном и пустом,
только эхо гулко отвечало
и само с собой перекликалось,
а потом
даже эхо где-то потерялось
за мостом.

Женева, 1962 г.

395

В.В.

Так всем и говорю: „Не спорьте”,
Я знаю, в тот короткий час
на лондонском аэропорте
мы виделись в последний раз.

Текла, серея, Темза где-то,
вздвигались древние мосты.
Через Ламани твоя корветта
тебя спустила с высоты.

Друг друга долго мы искали
в многоязычной толкотне...
Крылатая махина стали
прицеливалась к вышине.

394 For В.В. see note on poem 54.

395 For В.В. see note on poem 54.

Конечно, я тебя встречала
не раз в чужих портах, — но тут
хотелось вспомнить все сначала,
всю жизнь, в те несколько минут.

Мы обнялись. И слов не надо,
и слез не вытереть с лица...
Вокруг взметнувшейся громады
пустеет небо без конца.

Женева, 1962 г.

396

Моим друзьям

В жизни надо быть очень твердой,
упрямой, такой, как вол,
иначе кто-нибудь мордой
треснет тебя об стол.

Надо также быть очень храброй,
не нужно бояться пугал,
иначе выметут шваброй
с мусором в дальний угол.

Но если ты не такая,
а просто — какая есть,
то тем, кто тебя приласкает,
совсем особая честь!

13 февраля 1963 г.

397

For Dr Boldrey

Скажите, доктор, вы не устали?
Вы режете десять часов подряд!
Как видно, нервы у некоторых из стали.
Не устают. Не едят иногда. Не спят.

Ваше призвание — нейрохирургия.
В пальцах ваших — чуткость и сила.
Пусть устают иногда другие. Другие.
Вас, очевидно, судьба наделила
силой, совсем ни на что непохожей,
какой-то совсем особой способностью.
Волшебная палочка, ваш хирургический ножик,
вы знаете мозг до мельчайших подробностей.

397 Dr Boldrey: Dr Edwin Barkley Boldrey, professor, at the time Chairman in Neurological Surgery at University of California, San Francisco, one of the first neurosurgeons involved in brain tumour research. Mary Vezev worked as his assistant secretary.

Режьте. Вырезывайте анжиомы,
 расправляйте запутанные артерии.
 Но те, что ближе с Вами знакомы,
 знают, из какой Вы выкроены материи.
 Знают, что каждая смерть и Вам несет расплату,
 хоть Вы непричастны к неудаче,
 что сердце Ваше, под синим халатом напрасно прячется,
 тоже кровавые слезы теряет и плачет. 21 февраля 1963 г.

398

В госпитале

Коридоры в палатах еще пусты.
 Цвета солнца — желтые стены.
 Последний час тишины, темноты,
 перед утренней дежурной сменой.

Кое-кто из больных всю ночь не спал,
 кое-кто из них всю ночь стонал,
 кто-то молился — помилуй Бог!
 О чем-то плакал, кого-то звал...

А один, молодой, курил, не курить не мог.
 Тихонько сестры сновали по коридору,
 два санитаря шушукались у окна,
 и интернист, отдернув белую штору,
 торопился взглянуть на ту, что кончалась, одна.

И в этот час, неожиданно, просто,
 тот, молодой, которому резали мозг,
 у которого только что высохла шрама короста,
 закрыл глаза и сделался весь — как воск. 21 февраля 1963 г.

399

Этакая чушь...

Вы не слышали ли мифа?

Только высохла олифа
 в тронной зале у халифа,
 два воинственные грифа
 на ножах подрались вдруг.

Сам халиф, — потомок скифа,
 чуть не умерший от тифа, —
 не допив аперитифа,
 страшный пережил испуг...

Он воскликнул: „Разве ж можно?!“
 Очень, очень осторожно

он велел своей надежной,
самой ловкой, чернокожной,
самой преданной из слуг,
принести его дорожный,
медью кованый сундук —
был халиф ужасно сложный:
не любил он драки звук;

и достав кинжал старинный
(свой подарок именинный)
очень острый, очень длинный,
кровью политый невинной
(тут не ножик перочинный!),
не боясь запачкать рук,

как сверкнул изгибом стали —
даже стены задрожали —
на полу, в дворцовой зале,
грифы мертвые лежали...
Слуги тотчас подбежали
и забрали грифов в тюк...

Торжествующий халиф,
жажду мести утолив,
допивал аперитиф:
„Пусть не лезет в драку гриф!“

8 ноября 1963 г.

400

Женьке

Отворила сердца ворота
и впустила тебя без спора —
жить такая была охота,
что казалось — конец нескоро.

Небо всплыло облаком белым,
блещет полдень над океаном,
нам с тобой ведь не надоела
красота земли осиянной.

Этот кубок, что полным налит,
я дала тебе без возврата.
Отчего же с мачты сигналият,
что пора уплывать куда-то?

4 августа 1964 г.

400 For Женька see note on poem 193.

401

Воюде

Ни поездом, ни вплавь, ни на верблюдах,
 ни на ракете пущенной стальной
 ты не вернешься никогда оттуда
 и больше не увидишься со мной.

А помнишь — мы в глуши финляндских сосен
 построили себе уютный сруб?
 Мы верили, что мир довольно сносен,
 что даже бури вой не так уж груб.

Мы думали, что розовые бревна
 для нас с тобой продержатся тогда,
 что путь назад к опушке будет ровным
 и тучей не закроется звезда!

Мы поняли теперь, что все — ошибка:
 все наши бревна недруг растаскал,
 где путь пролег — болото было зыбко.
 Устала я . . . и, знаю, ты устал.

4 августа 1964 г.

402

Пролетали птицы высоко,
 уверенно правя лет,
 в сторону юго-востока
 от самых верхних широт,

над руном октябрьских деревьев,
 над прудом, где темнеет сталь,
 и над дымом лесных кочевьев
 в им одним знакомую даль.

Проносились, как парус серый,
 над волной голубой взметнут,
 преисполнены твердой веры,
 что дорогу свою найдут.

Не завидуй. Не знай корысти.
 Не жалея, что здесь на земле —
 золотые падают листья
 в налетевшей осенней мгле.

Не мечтай. Не моли о чуде.
 Пусть не тронет сердце испуг.

401 For Волюдя see note on poem 54.

Как положено, так и будет:
только птицы летят на юг.

22 октября 1964 г.

403

В предзвездном розовом свете
под зов буддийского гонга
рыбаки расставляют сети
у берега Bai-d'Along'a.

Восход полосой тонкой
освещает острые скалы...
У мола джонка за джонкой
снимаются от причала.

И сигналом долгой разлуки
бросив парус коричневый в небо,
к океану идут фелуки
из пролива Баб-Эль-Мандеба;

и на севере дальнем тоже
отшвартовываются шхуны
с белой птицей огромной схожи
в Белом море искать фортуны.

Мы не знаем, будет ли море
с вами ласково или нет...
Или, сбиты в неравном споре,
вы уснете на темном дне —

но маячьте всегда, маячьте,
бередите сердца мечту,
золотые огни на мачте,
гордо поднятой в высоту...

22–23 октября 1964 г.

404

Чужому встречному

Глаза у тебя — стальные,
точно бляхи стальные две,
точно спрятаны мысли дурные
под замком в твоей голове.

На губах у тебя — улыбка,
но во взгляде совсем не смех.

Ах, судьба изменчива, зыбка.
взгляд холодный пугает всех.

Все же очень хочется верить,
что, быть может, ошиблась я,
что не прячешь ты образ зверя
и в душе твоей — не змея.

23 октября 1964 г.

405

Вот и август уже растрочен —
золотые розданы дни —
ничего не получишь сдачи,
как назад теперь ни мани.

За рекой, над рыжей осокой
птичья стая клином на юг
в белом небе взвилась высоко
от налета северных вьюг.

Не смотри в окно исподлобья
ожиданьем темным томим,
что дожди непробудной дробью
застучат по окнам твоим.

Самой черной, пустынной ночью
возле складок спущенных штор
не забудь: ты видел воочью
летних дней золотой узор!

28 октября 1964 г.

406

Именины

В воскресенье, к старой гостиниой,
где накрыто шалью старинной
желтозубое пианино,
отыгравшее долгий срок,

опершись на толстые трости,
собирались званые гости —
кто пешком, а кто — на metr6.

Было все нарядно и чинно,
был большой пирог именинный
(как положено, с осетриной),
были водки и были вина
и парадное серебро.

405 Variant in the last line in the manuscript: "летних дней золотой убор!"

Разговор затянулся длинный,
анекдоты, смех беспричинный,
demi-tasses, бенедиктины,
а потом, ублажив нутро,

вспоминали, порой не без злости
(под романсы Паоло Тости),
тех, кто жив и кто на погосте,
и судили зло и добро.

И не слушая „хватит, бросьте!“,
перепив на последнем тосте,
хоть и чувствуя, что de trop,
баритон о руслановом росте
спел про поле и мертвые кости
и закончил... песней Пьеро.

А потом, в тишине полночной,
кто вдвоем, а кто — одиночный,
расходились в час неурочный,
когда холодно и серо,
под белесой луной восточной
и пещечком и на metr6.

И как символ совсем невинный
суеты людской именной.
задохнулся окурок — в длинной
в тонкой рюмочке Cointreau.

11 марта 1965 г.

407

Ты не знаешь, куда ты идешь,
для чего свою песню поешь,
и не знаешь, куда ты придешь
и какую утеху найдешь.

Наливается золотом рожь,
изумрудная в зелени дрожь,
одинаково полдень хорош
для бродяг, для детей, для вельмож.

Но когда ты до грани дойдешь,
ты увидишь и сразу поймешь,
что надежды твои были ложь,
что потерянных дней не вернешь,

— что ж,

ты обратно опять повернешь
и понуро назад побредешь,
не узнав, для чего и живешь

За полями, где сжатая рожь,
где овраг на могилу похож,
с болью на сердце, острой, как нож,
ты почувствуешь, что устаешь,

и печально итог подведешь,
и, быть может, подумаешь: „Все ж,
Божий мир, вероятно, пригож,
есть и правда, не все только ложь...”

И свернувшись в комок, точно еж,
в свою темную нору нырнешь,
и усталые веки сомкнешь,
и умрешь...

16/17 декабря 1965 г.

408

Поэту

Затерялась, забылась где-то
нежная юность поэта —
не осталось следов,
где прошла когда-то,
где поляна была примята
среди белых майских цветов.

Смолк последний аккорд сонета.
Выпал ландыш давно
из петлицы.
Ночь в окно —
затуманились лица,
и под желтым, скудным фонарем
этим темным, глухим ноябрем
никто не споет о нем,
не придет о нем помолиться.

Все не верили знакам, слезам,
не видали, как стлался туман
по низам,
вот, мол, только воскликнуть
„Откройся, Сезам!”
— ждали чудо увидеть в пещере.

А оттуда глазом недобрым
их встречали гадюки и кобры
и клыкастые, смрадные звери —
а потом, убегая по кочкам, пескам,

прижимая беспомощно руки к вискам —
 не заметили — тот на пути отстал,
 не слышали последнего крика,
 и когда оглянулись дико
 при финале звериного скерцо,
 увидали, как кровью дымилась
 гвоздика
 вместо ландыша возле сердца.

18 февраля 1966 г.

409

Ноктюрн

Далеко паруса уходили.
 Голубые туманились воды.
 Голоса вечерних идиллий
 отзвучали *da capo al coda*.

Языки огневые заката
 прибрежные камни лизали
 День отошел куда-то,
 покидая кусты азалий.

И пусто. Только лениво,
 будто нехотя расставаясь,
 холодные губы отлива
 трогали мокрые сваи.

И черного мола торса
 силуэт от мели до мели
 в темноту глухую простерся
 до уже невидимой цели.

2 марта 1967 г.

410

Облака бульвар обложили ватой,
 высоких кленов тревожа чуб.
 Месяц мартовский бесноватый
 поднял рога над тенью труб.

Чопорной яви дневной на смену
 призраки ночи вставали разом,
 путались с лунным мерцаньем пенным,
 висели над улицей, как миазм.

2 марта 1967 г.

411

Мотив

... и ах, не видят, идут, слепые,
 как вол, что тащит ярмо на вые,
 тяжелую голову опустил ...

2 марта 1967 г.

412

Иная заря

Проходили высокой тенью,
 как Масаи с границы Кении,
 странным говором говоря,
 и звучали их барабаны,
 точно зов в далекие страны,
 где горит иная заря,
 где закон времен неподвижен
 над соломенной крышей хижин,
 где мираж блеснул и пропал,
 где над выжженной солнцем степью
 пронесется летучей цепью
 молодое стадо импал.

19 апреля 1967 г.

413

Пропавшее племя

Здесь народы в древности жили;
 глубоко под слоями пыли
 их жилищ исчезли следы.

На песке, на пустынном поле,
 начертали песни о боли —
 первый ветер унес слова.

На снегу написали снова —
 не осталось и там ни слова,
 в талом снеге взошла трава...

Мир вокруг и чужд и чудесен,
 и никто не запомнил песен,
 тех, что ветер веков унес.

Лишь миллениум и поныне
 нерушимо в сердце пустыни
 бессловесный стоит утес.

1 мая 1968 г.

414

Заметка с фронта

Ребенок племени Ибо
 (вернее, ребенка тень)

413 Discarded titles: "Пустыня" and "Lost Tribe."

414 Originally entitled "Случай в джунглях." Variant of the third line of last stanza in the manuscript: "мерещилось, что отынис." Ибо: Ibo or Igbo tribe in Biafra, an eastern region of Nigeria. In May 1967, Biafra, led by Oxford-educated Lieutenant-Colonel Odumegwu

жевал тухлую рыбу,
не евши четвертый день.

В лианах рвались снаряды —
в кровавом центре атак
спускался, точно из ада,
тропический черный мрак,
и чтобы забыть обиду
туземный раненый вождь
цитировал Энеиду
ночью, в крошечный дождь,
как будто от древней латыни,
что в сердце его цвела,
поверит вдруг, что отныне
в мире не будет зла.

12 ноября 1969 г.

415

Ни покоя, ни отдыха нет.
Над горой зажигается свет,
разгорается яркое пламя,
на ветру развеивается знамя,
в поле битвы уходят полки.
Пули смерти часты и легки.

[1960-е гг.]

416

Ноктюрн

В каньоне высокая пальма:
поникший венчик зачах,
висит, как черная тальма
на женских худых плечах,
и будто огромная астра,
в петлице ее видна
точеная из алебастра
белеющая луна.
Потом и луна погасла,
и мраком каньон объят,
как будто кончилось масло
на дне небесных лампад;

Ojukwu, declared its independence from Nigeria. The Civil War of 1967–1970 ended in Biafra's surrender; a million people, mostly children, died of starvation during an economic blockade.

416 With a notation in the manuscript: "Когда-то давно... в 60-х гг., что ли? или раньше..." and a further notation dated 19 May 1994: "Серенада?"

и только в углу долины
 темнеющей горной стене
 далекие мандолины
 поют о чьей-то весне.

[1960-е гг.]

417

Обо мне?

Тень осенняя тихо ляжет
 на загородный приют.
 „Досвиданья” никто не скажет,
 и песню тебе не споют.

Фонари проезжей дороги,
 что от города к полю нить,
 на ползущие мимо дроги
 равнодушно будут светить.

Не будет дружеской встречи,
 только ветер и листопад,
 и созвездий мутные свечи
 в сумерках невпопад.

А люди будут все те же,
 и будет толпа весела.
 На случайный вопрос: „А где же...?”
 „Да вот, недавно была...”

[1960-е гг.]

418

Я ушла по чужим дорогам,
 ты теперь за мной не иди.
 Будет встречных радостей много,
 как и горестей, впереди.

Но не будет ни слез, ни истерик,
 ни упреков, ни горьких слов,
 если выйду на дикий берег
 и скудный будет улов.

Только песни будут со мною,
 только память о светлых днях.
 Буду спать под ущербной луною,
 отдыхать на корявых пнях,

буду слушать шумы прибоя
 и не стану считать потерь.
 Не смогла остаться с тобою —
 не ходи за мною теперь.

[1960-е гг.]

419

Ты меня корил, а я смеялась,
раз уж было все равно теперь:
ведь любовь, не глядя, удалялась
в широко распахнутую дверь.

У кустов сиреневых запнулась
и в калитку дальнюю прошла.
Так ни разу и не обернулась,
не кивнула и не позвала...

Шелестя прощально, осыпались
листья в отцветающем саду.
Мы жалеть не будем, что расстались
в этом незадачливом году:

ты мою ладонь губами тронешь,
я слегка коснусь твоей руки.
Ты ее, ушедшей, не догонишь,
и увижу я — не без тоски —

как далеко на большой дороге,
в отблеске закатного луча,
мне махнет, слетев к тебе под ноги,
пестренький платок с ее плеча.

[1960-е гг.]

420

Улетала душа, покидая ненужное тело,
оставляя земных городов неприютность и грязь;
на заре веселилась, летя, и звенела и пела
и к обещанным солнцам далекого рая рвалась.

Ни о чем не жалела она и тоски не хранила
о забытых внизу человеческих трудных путях,
на листе ее жизни внезапно истерлись чернила.
точно все, что написано было, — писалось шутя.

Осыпались деревья, горела багряная осень,
леденевшего моря темнел прибрежный карниз;
среди ключев тумана блеснула последняя просинь,
журавлей треугольник, как нить ожерелья, повис.

Не понять, почему этих птиц пролетающих клеток,
прикоснувшись случайно к какой-то молчавшей струне,
вдруг напомнил душе о давнишнем и очень далеком,
— о какой-то улыбке? О слове каком-то? О сне?

И она встрепенулась и дальше лететь не хотела,
отказалась от неба, не зная сама, почему,
и упала, как камень, где взморье внизу холодело,
вечный свет променяв на земную последнюю тьму.

И высоко над ней потускневший задернулся полог,
и, как тонкие свечи, дрожали вокруг камыши...
И прощального счастья лучом осветился осколок
так восторженно вовремя вспомнившей что-то души.

[1960-е гг.]

421

Мечусь совсем нелепо, не пойму,
куда ведут, запутавшись, дороги,
смотрю вокруг и вижу только тьму,
и вязнут впопыхах в болоте ноги.

Свернув с болота, попадаю вдруг
в дремучий лес, где груды бурелома,
— царапает лицо колючий сук,
и я все дальше от пути и дома.

И, падая, споткнувшись, на траву
вниз головой, как в смертный час на плахе,
кого-то вдруг на выручку зову
в последнем черном ужасе и страхе.

Ведь есть же чья-то сильная рука,
которая, минуя дебри ночи,
протянется ко мне издалека,
когда уже моей не будет мочи —

почувствует — протянется — найдет,
как только я позвать ее готова
из чащи леса, из глубин болот
на верный путь меня направить снова!

18 марта 1970 г.

422

Туман, туман... и нет ему просвета
в моем суровом, пасмурном краю,
твоя судьба, потерянная где-то,
тревожит мысль вечернюю мою.

22 апреля 1970 г.

423

Гибель

Бежали

в дождь, в слякоть,
продолжали
кричать и плакать,
умирали глазами ввысь.

Снаряды,

как ананасы,

будто бабочки, кем-то сметаемы,
запестрели, заполнили воздух на миг.
И тихо. Ни лист не шуршит,
В октябрьской тиши
на дорожке старик
стоит.

24 июня 1970 г.

425

Круги на воде

Бросишь круглый камешек в пруд,
и круги по воде пойдут,
до краев доплывут пруда
и потом пропадут навсегда.
Постоишь на сыром песке,
поглядишь на воду в тоске,
погрустишь, что блеснувший след
просиял, расплылся, и нет.
И пойдешь бесцельно шагать
через рощу, просеку и гать.
Пустота, полумрак и тишь.
Грустно песенку посвистишь.

9 июня 1971 г.

426

Клошары

Где встает Триумфальная арка,
в толпе бродили, одни.
На дорожках печального парка
проводили пустые дни.
За мостом, у ограды чугунной,
склонясь над бликом реки,
ночью темной, голодной, безлунной
от глухой скрывались тоски.
И уставившись в звездные дали
с колеи, по которой брели,
на все поезда опоздали,
пустили все корабли.
То солнце их жгло без предела,
то ветер над ними гудел.

425 Variants in the third line of the second stanza in the manuscript: "погрустишь, что серебряный свет," and in the first line of the third stanza: "И уйдешь бесцельно шагать."

И миру не было дела
до их несвершенных дел.

[1971 г.]

427

За бездомных, нелюбимых, сырых
я зажгу высокую свечу.
Для себя ведь на дорогах мира
ничего уж больше не хочу.

В раннем детстве, на лугу душистом,
мне цыганка, весело маня
и играя золотым монистом,
нагадала счастья для меня.

Так и вышло. Миновало горе.
Есть любовь, и хлеб насущный есть,
есть друзья, и музыка, и море —
никогда всего не перечесть.

Но одно всегда меня смущало
в этой светлой, ласковой судьбе:
почему на свете слишком мало
кто вот также скажет о себе?

31 марта 1972 г.

428

Ангел

Голубая луна поднимается круче и выше,
мутно-белые звезды свершают положенный путь.
На высокий чердак залетают летучие мыши
и бесшумно садятся усталым и сонным на грудь.

В этот час умолкают далекие звуки гитары,
затухает последний фонарь в опустевшем саду,
из-под темных стропил опускаются в душу кошмары,
из-за черных деревьев сова предрекает беду.

В этот час просыпается, вздрогнув, дремавшее сердце,
и молитва пронзает чердачную темень и тишь —
ожидая, что где-то откроется светлая дверца,
что сова замолчит, что исчезнет летучая мышь.

И уносится страх, будто ветром влетевшим гонимый,
так становится вдруг нестерпимо и дивно светло:
возникая внезапно, как пламенный щит нерушимый,
над лежащим простершись, блеснет золотое крыло.

2 февраля 1973 г.

429

В веселом саду

В веселом саду серебрятся фонтаны,
высоко растут золотые тюльпаны,
рассажены чинно и стильно на клумбах,
на пестрых куртинах и мраморных тумбах.

Сгибая для важности синие спины,
хвосты распутив, выступают павлины,
и гости нарядные ходят, по парам,
по светлым аллеям и по тротуарам.

От дальней площадки, с открытой эстрады
оркестра веселые льются рулады,
и сад наполняется звуками гимна,
и вечер спускается томно и дымно.

А если коснется кого-нибудь горе,
ни в слове его не поймут, ни во взоре,
и если кого-то настигнет беда,
о ней не услышит никто... никогда.

16 февраля 1973 г.

430

Апрель

Бывает тихий день такой в апреле,
когда висит прозрачной сеткой дождь,
и только что едва зазеленели
на косогоре силуэты роц.

Идешь один проселочной дорогой.
По сторонам — канавы и кусты.
И не боишься вымокнуть немного,
когда кругом так много красоты.

Не торопись! Утра такие редки.
Дымок селенья виден вдалеке,
а над канавой протянулись ветки
пушистой белой вербы в ивняке.

Забудь свои дела, заботы, скуку
и город с человеческой гурьбой —
здесь на полях — ни голоса, ни звука,
и тихий, тихий дождик над тобой.

22 марта 1973 г.

429 Variant in the second line of the last stanza in the manuscript: "его не уловят ни в слове, ни взоре."

430 A stanza between the third and the fourth ones was crossed out in the manuscript: "Нарежь ее! Потом поставишь в вазу./вися весну охапкой светлой в дом./и так легко на сердце станет сразу/исповторимым, нежным этим днем..."

431

Солдат

Солдат возвратился с фронта,
здоровый и молодой,
с далекого горизонта,
где кровь смешалась с водой,

где плещут пеной кровавой
ручьи тропических роц,
где в поле выжжены травы
и пахнет порохом дождь.

Там боги в кумирне древней
бессильны были и злы,
там хаты бедной деревни
упали в кучи золы.

Один только он из роты
в тот страшный день уцелел,
ушел живым от болота,
принявшего груду тел.

Вернулся снова в объятия
родной семьи и страны.

Зачем же будят проклятья
его молодые сны?

29 марта 1973 г.

432

Тихий омут

У нас на лужайке цветут васильки,
кругом на холмах молодые дубки,
довольные в поле пасутся стада,
и сладкая в наших колодцах вода.

Привольно и мирно у нас на селе;
спокойней житья не найти на земле.
В речонке у нас за селом детвора
полощится в летнее время с утра;

ей каждый изгиб и порожек знаком,
обросший зеленым, густым ивняком,
и омут под ивами светел и тих...

Но бойся ты омутов тихих таких!

13 августа 1973 г.

433

Стройка

Растут дома на склонах наших гор.
Их зелени не видно будет скоро,
и там, где пели птицы до сих пор,
шумят машины и гудят моторы.

Была тропинка . . . Но ее уж нет.
она сменилась мертвой панорамой:
цементом скрыт ее последний след,
который раньше вел к верхушке самой.

В горах ютилось мелкое зверье.
Лишенное насиженного дома,
нашло ль оно пристанище свое
в какой-нибудь ложбинке незнакомой?

И тишина царила здесь, пока
ее отсюда не спугнули люди.

Вот только в небе те же облака
напоминают о пропавшем чуде.

22 августа 1973 г.

434

Письмо к дочери

Я теряю тебя, — понемногу, но верно теряю.
Светлым солнцем пройдя, с моего ты свернула пути;
ты ушла к своему золотому, далекому раю,
и в оставшийся срок мой тебя мне едва ли найти.

У тебя под окном караваном проходят верблюды,
купол древнего храма сияет тебе вдалеке,
и толпа незнакомого, мимо идущего люда
говорит на чужом, непонятном тебе языке.

Ты глядишь на волну своего голубого Босфора,
где с высот минарета зовет на молитву мулла.
Ты довольна теперь и сюда возвратишься нескоро.
Ты упорно мечтала отсюда уйти . . . и ушла.

22 августа 1973 г.

435

Цветы (Прямая дорога, Куоккала)

Был сад. Мы проходили мимо,
когда купаться к морю шли

434 Дочь: see note on poem 217.

435 For Куоккала see note on poem 228.

той улицей, неповторимой,
босыми, по ее пыли.

По левой стороне — канава,
стена деревьев и ручей,
и дачи всю дорогу — справа,
и у одной, не знаю, чьей,

цветник — картинка! Но на свете
не может быть таких картин,
что пахли б также, как от этих
незабываемых куртин!

Табак — гвоздика — георгины —
гелiotропы — резеда —
левкой — розы . . . список длинный
не перечислишь никогда.

Мы быстро шли; спеша купаться,
на пляж морской держали румб,
но не могли не задержаться
у ароматных этих клумб.

Теперь, когда бывает надо
вдруг отдохнуть от суеты,
я ухожу к ограде сада,
где все еще цветут цветы.

и, стоя у калитки милой,
мне радостно бывает знать,
что им дана такая сила —
всю жизнь мою не отцветать.

2 ноября 1973 г.

436

Отверженность

Бездомна ты? Войди в мой дом,
Пусть и тебе приютом станет!
Темно и страшно под мостом
Осенним вечером в тумане.

Здесь крыша, стены и тепло,
И хлеба хватит — будем сыты!
Пусть ветер ломится в стекло —
Ведь окна наглухо закрыты.

Но ты не хочешь? Почему?
Ты ночью, в холод, в непогоду,
Предпочитаешь — не пойму —
Свою опасную свободу?

Как жаль... Я чувствую теперь,
Что буду жить всегда в тревоге,
Раз ты, мою отвергнув дверь,
Осталась там в своей берлоге.

И будет горько мне вдвойне
Что, выбрав с волей мрак и муку,
Ты и не вспомнишь обо мне
Тебе протягивавшей руку...

2 ноября 1973 г.

437

Я ранена была, но встала.
Еще в крови, еще в бреду,
еще отваги очень мало, —
с трудом, но все-таки иду.

Когда проснулась в сердце вера,
что слабость можно превозмочь,
сумела выйти из пещеры,
в которой пролежала ночь.

Хромая, выйду на проселок
среди распаханых полей,
уйду от тени черных елок
дорогой стройных тополей,

и вдруг увижу в блеске алом,
где солнце только что взошло,
на горизонте за каналом
свое знакомое село...

О, у меня найдется силы
дойти до этого села —
упала, да, — но видишь, милый,
я поднялась и добрела!

2 ноября 1973 г.

438

Парад

Смотрели дети жадными глазами,
как чудо проходило у ворот:

438 Низам: Nizam, the Giderabad kingdom, the largest vassal state of British India.

что магараджа, правящий в Низаме,
задумал позабавить свой народ.

Как будто вдруг волшебники и маги,
внушив ему такую из затей,
пустили золотые колымаги
процессией для нищих и детей.

Блестели ярко на охране формы,
сверкали аксельбанты и мечи,
толпа кричала выше всякой нормы,
бравурный марш играли трубачи.

Парад прошел. Народ валил оравой.
И все исчезло за углом. И нет.
А дети у решетки за канавой
стояли долго и смотрели вслед.

И позже, в темном и сыром подвале,
под шорох крыс, закутавшись в тряпье,
еще так долго все переживали
чудесное видение свое.

22 марта 1974г.

439

В парижском кафе (Баллада о двух друзьях)

Давид Рубинчик
и Яша Иоффе
берут графинчик
и черный кофе,
и вспоминают, как было дома,
над кружкой кофе и жю-де-помма.

В далекой юности, до Парижа,
один был черный, другой был рыжий,
любили маму, блины и кашу,
и жизнь казалась куда уж краше!

Один жил в Пинске,
другой жил в Минске,
встречались оба
однажды в Двинске.

Но оказалось
все в жизни ломко:
и вот осталась
пустой котомка...

Они попались и отсидели
по десять лет и по две недели

в одном из жутких местечек в мире,
в залитых кровью снегах Сибири.

И много позже, уже в Париже,
сойтись случилось гораздо ближе.
Один весь лысый, другой весь белый:
бывает в жизни такое дело!

Давид Рубинчик
берет графинчик,
а Яша Иоффе
пьет черный кофе.

И вспоминая, как было дома,
над кружкой кофе и жю-де-помма,
склоняет каждый свою ермолку,
и слезы капают втихомолку.

22/23 марта 1974 г.

440

Старуха

Старая старуха
с палкой шла
по дороге пыльной
вдоль села.

Старая старуха
утомилась,
отдохнуть на лавочку
садилась.

Старую старуху
тут спросили:
„Далеко ли, бабушка,
ходили?“

Старая старуха
отвечала:
„Далеко...
до самого начала!“

У меня дороги
больше нет—
я до дому
потеряла след...“

4 февраля 1975 г.

441

Ноктюрн

Гроздья рябины краснели над серым забором,
каркало хрипло в осеннем саду воронье,

нищие прятались с улицы в темные норы,
кутаясь тщетно в подбитое ветром тряпье.

Город вечерний устал от работы и замер.
Выла собака у чьих-то закрытых ворот.
путались в сумерках капли дождя со слезами
сырых, голодных, больных, стариков и сирот.

Только в часовне еще догорали лампы,
кто-то молился у полузакрытых дверей.
В мире так мало бывает тепла и отрады—
Боже, спаси и помилуй людей и зверей!

16 мая 1976 г.

442

Память о Пекине

Открывали маленькие лавочки
под старинной городской стеной.
Продавали нитки и булабочки,
торговали чаем и ханой.

На закате, побренчав гитарами,
рано спать ложились старики;
молодежь прогуливалась парами,
и в садах пестрели цветники.

Так трудились, обрастали внуками,
наживали денежки порой.
отдыхали в праздник под бамбуками
возле желтой речки за горой.

А потом зарделось в небе зарево,
донеслась до города беда—
отобрали новые хозяева
нажить многолетнего труда.

Вот и все. Позакрывались лавочки
под разбитой городской стеной,
где цветы цвели— повяли травочки,
и гитар не слышно... ни одной.

10 октября 1976 г.

443

Бродили у башни древней
под мартовским, злым дождем,
сидели в старой харчевне
за кружкой пива, вдвоем

442 Variant in the last line of the fourth stanza in the manuscript: "все плоды тяжелого труда."
Хана: "Chinese vodka" in local Sino-Russian jargon.

чужие песни звучали,
 цветы краснели в окне;
 все было так, как в начале
 в чужой, холодной стране.

18 апреля 1977 г.

444

Бессонница

Ночные мысли...
 Пришли... ушли... вернулись снова.
 Как клочья легкого тумана,
 поднявшегося утром рано,
 что в ветках ивняка речного
 застряли, спутались, повисли.
 Уйти куда-то...
 Ближайшая к земле планета,
 блестящая среди созвездий
 от всех обид и всех возмездий.

18 июля 1977 г.

445

Входила луна, было небо жемчужно,
 закрывалась какая-то тихая дверь.
 Не пробуй молиться о том, что не нужно,
 — ведь Богу виднее, что нужно, поверь.

Были в чем-то грехи, были где-то ошибки,
 непростенное кем-то давнишнее зло.
 Лед на озере тонкий — путь болотистый зыбкий —
 в каждой жизни не может быть вечно светло!

13 октября 1977 г.

446

Мне сообщили, — кто-то приходил
 (а я не знала, я закрыла двери
 и тихо с книжкой у себя сидела)
 — и спрашивал меня
 (я не слышала, погрузившись в книгу,
 — не слышала звонка, не отворила,
 на зов и на звонок не отвечала!)

А после мне сказали, что меня
 искали и как будто ждали встречи.

И я теперь не помню даже имя,
 кто это был: я так и не узнала,
 и был ли человек разочарован...

Но только я жалею до сих пор.

Ночью 28 октября 1977 г.

- 447 В деревенской церковке темно,
холодно, запущено, бедно.
Ни одна не теплится свеча,
и колокола давно молчат.
- Сквозь оконца пестрого узор
только месяц светит до сих пор
- В уголках заброшенного храма
не один уже десяток лет
не витает запах фимиама,
и молящихся, конечно, нет.
- Только, если приоткроешь двери,
ты услышишь у налая, верно,
кто-то тихо плачет на духу,
и давнишние молитвы реют
где-то там, под куполом, вверху. 1 декабря 1977 г.
- 448 Женщина в больнице умирала.
Попрощаться не пришел никто.
Эхо похоронного хорала
под осенним небом проливалось. 1 декабря 1977 г.
- 449 Полощатся деревья на ветру,
и только тихо здесь на дне, в овраге.
Растрепанные облака, как флаги,
пестреют и белеют ввечеру. Июль? август? 1978 г.
- 450 I Heard the Owl Call My Name
- Сияет звездной ночью высота,
сияет на гранитном склоне голом,
по очертаньям горного хребта
туман метет прозрачайшим подолом.
И слышу я: меня зовет сова —
по древнему индейскому поверью —
теперь мне больше ни к чему слова —
я подошла к последнему преддверью! 24 ноября 1978 г.

447 Налой: a colloquial, obsolete form of "аналой."

450 With a notation in the manuscript: "NB. This is the title of a book published in 1977, either in Canada or USA. надо было бы это как-то „отметить.“ n'est pas?" The title is taken from the novel of a contemporary Canadian writer Margaret Craven *I Heard the Owl Call My Name*, Toronto, 1967. According to an ancient Indian belief, an owl calls the name of a person about to die.

451

Кружевные фонтаны били
у серебряного дворца,
голубые стрекозы плыли
мимо мраморного крыльца;

тихо тренькали мандолины
за колоннами галерей,
аромат цветущей долины
наполнял изгибы аллей.

Но сновали серые тени,
завернувшись в плащи,
у парадной белой ступени
направляли свои пращи.

Закончились дни веселий,
и не стало невинных тех.
И никто в полумраке кельи
не замолит смертельный грех.

В ночь на 12 декабря 1978 г.

452

Вскоре

Поставят крест, пропоют „Аминь”
и заторопятся прочь.
А вечер будет беззвездно-синь,
и вскоре наступит ночь.

И больше птицы не будут петь
в березе, что у ворот.
И все мне будет казаться впредь
как будто наоборот.

Я буду где-то лететь вверху,
забыв земные пути,
и Господа Бога, на духу,
буду молить:

„Прости!”

В ночь на 14 января 1979 г.

453

На смерть друга

Гале (Ивановой) Гороховой

Никогда не пройдет обида...
Днем и ночью, ночью и днем,
каждый день по тебе паннихида
в незабывшем сердце моем.

453 For Галя (Иванова) Горохова see note on poem 17.

Ты ушла отсюда... куда же?
 Вся земля подернулась тьмой.
 Ты ведь часть моей жизни... даже
 ты частица меня самой!

Разве лучше райские розы,
 что вокруг тебя — навсегда —
 белостолой твоей березы
 в старом садике, у пруда?

Ветер ветви треплет, как перья,
 в предосенней вечерней мгле.

Что же делать буду теперь я
 на холодной моей земле?

21 июля 1979 г.

454

Память

Долго брели мимо чуждых становниц,
 кров находили в чужом шалаше,
 много в пути растеряли сокровищ,
 только одно сохранили в душе.

Вот, посадили горчичное семя
 в нас приютившей далекой стране,
 даже за это короткое время
 первый росток появился к весне.

Если ж теперь вспоминаем при встрече
 прошлые горькие наши пути,
 Боже, прости нам тоску человечью,
 память жестокою нашу прости!

В ночь на 3 февраля 1980 г.

455

Ветер, ветер, печаль развей...

В городе Козельске было сорок церквей,
 а теперь все, что есть, —
 шесть.

В одной еще можно молиться, стоять,
 забыты, забыты другие пять.
 Давно в дверях не стоит толпа,
 давно к дверям заросла тропа.

455 Published in the almanac *Perekrestki* (Philadelphia), no. 5, 1981, p. 37. Козельск: the city of Kozel'sk, Kaluga Region; many of its ancient churches built in the 17th–19th centuries were destroyed after the Russian revolution. Оптина Пустыня: Optina-Vvedenskaia-Makarievna Hermitage with Optina-Troitskii Monastery nearby, founded in the 15th century.

А в Оптиной Пустыни кирпичи
разбросанные лежат.
нигде не горит ни одной свечи,
и колокола молчат —
молчат, потому что разнесены
по дальним концам большой страны,
и древних икон потерялся след —
там, где были, их больше нет.

Только один в лесу стоит
брошенный, старый, намоленный скит.
И расцветают, как прежде, весной
цветы за разбитой церковной стеной.

4 августа 1980 г.

456

У озера

Светилось озеро тихим светом
послезакатного торжества.
С низким поклоном и приветом
к самой воде сошла трава.

Еще по воде ходили блики,
еще розовела поверхность вод,
еще последние птичьи клики
сзывали к вечерне своей приход.

Но кто-то песню запел людскую
на дальнем краю лесной глуши,
как будто хотел рассказать, тоскуя,
великую скорбь земной души,

и птичьи клетоты замолчали,
и стало тихо по всей земле,
и только эхо людской печали,
дрожа, катилось в озерной мгле.

7 августа 1980 г.

457

Шлю поклон дорогим крестам,
что остались в далеких странах.
Будет скорая встреча нам —
на нездешних меридианах.

Через звезды и облака,
сквозь тумана легкую проседь
донесет нас жизни река
в бухту общую якорь бросить.

Там свернем свои паруса.
 Утро ветреч уже недалеко!
 В небе тонкая полоса
 розовеет уже с востока.

7 августа 1980 г.

458

Прощанье

Полустанок. Лесная просека,
 железнодорожный путь.
 Платформа. Два человека.
 Осенних сумерек муть.

Возле стойки чьи-то пожитки.
 Едва освещен вокзал.
 Буфет. Самовар. Напитки.
 Третьего класса зал.

Уже не помогут слезы,
 уже ни к чему упрек.
 Тяжелый ляг паровоза.
 И последний слышен звонок.

И снова пуста просека.
 исчез последний вагон.
 Одинокая тень человека
 покидает пустой перрон.

8 или 9 августа 1980 г.

459

На берегу

Высохли ветки
 чахлых осин.

Выросли детки
 тяжких годин.

Взором окинув,
 простились к утру.

Крона осины
 дрожит на ветру.

В палевом свете
 сонной земли
 в даль на рассвете
 лодки ушли.

458 With a notation in the manuscript: "Первый набросок—to work on."

462

В парке

Женьке

Блестят облака все так же жемчужно,
и их отражает пруд,
и птицы взлетают, как прежде, дружно,
и так же звонко поют.

Все так же спокойна лесная дорога,
где мы ходили . . . давно.

Только сердце бьется глуше немного,
и к вечеру раньше темно.

16 мая 1981 г.

463

Октябрь

Лес золотится вечерней зарей в октябре.
Маковки церкви за лесом блестят на горе.
Легкий, как шарф, наползает с болотца туман.

Вдруг вереницей
с поля взвиваются птицы
в дальний полет, на зимовку,
до солнечных стран.
Отблеск холодный. И бледное солнце садится.

Осень. Темнеет и меркнет небесный экран.

7 октября 1981 г.

464

Бессонница

Страшные звезды, огромные белые звезды
сыпятся, сыпятся — белые искры в глазах.
Ночь, и ни звука, и птицы попрятались в гнезда . . .
Белый туман от болота лежит на низах.

Там, за забором, по краю глубокого лога
Мимо напрасно широко открытых ворот,
ясно белея, змеится до леса дорога,
та, по которой никто никогда не придет.

Лес силуэтом чернеет вдали за болотом.
Ах, не дожидаться ни сна, ни рассвета, ни дня!
В темный пустырь, на безлюдье открыты ворота . . .

Где же ты, где ты? Зачем ты покинул меня? 12 октября 1981 г.

465

Уже не будет в жизни чуда,
и дни мои теперь тихи.
Я больше никогда не буду
писать веселые стихи.

В певучей тьме тосканской ночи
теперь, печальна и проста,
одна сойду от Santa Croce
глядеть на Arno у моста.

8 декабря 1982 г.

466

Вербa

Третий год у моих ворот
белая верба весной цветет.
Что б я ни делала, все нет-нет
взглянешь на этот пушистый цвет.

Бывают дни, и не так редки, —
что сердце мается от тоски,
и вдруг увидишь ее в окно,
и будто сразу не так темно.
А есть ведь люди — таков наш свет —
что любят вербу — а вербы нет...

8 марта 1984 г.

467

Все вехи пали
на талом льду —
верно, едва ли
я путь найду.

Далекий берег
туман закрыл.
Назад — не верю,
что хватит сил.

Казалось, было
на целый век —
переходилось
так много рек!

Но эта-таки
пошире всех —
в вечернем мраке
не видно вех...

Зажги мне, Боже,
одну звезду!
Тогда, быть может,
я путь найду...

23 марта 1984 г.

468

Убегала дорога вдаль.
Западала в душу печаль.
По краям дороги синели
уходящие в небо сляки.
А над ними парил орел,
там, где солнечный ореол
благодать струил неустанно
на земные дольные страны.
И душе нехватало слов
рассказать о печали снов,
что прошли чередой картинной
по дороге жизненной длинной,
о парившем в небе орле,
о залитой солнцем земле,
о вдали синеющих сляках,
о давно прошедших неделях...

20 апреля 1984 г.

469

Пусть никто не увидит слезы,
никому их не покажу...
Только ветку свежей мимозы
у креста тебе положу.
Я пришла сюда поклониться,
здесь, на месте этом святом,
где простые серые птицы
поют над твоим крестом.

28 июня 1984 г.

470

Облака бродили, как белые овечки,
по широкому полю травы голубой.
Маленькие девочки на своем крылечке
мирно разговаривали между собой.

Стройная березка над ними развесила
легкую, курчавую крону свою.
Девочки болтали мирно и весело,
на солнышке сидя, как будто в раю.

468 Variant in the last line in the manuscript: "об исчезнувших вдаль неделях..."

О чем говорили, никому не известно,
но вдруг, неожиданно, как тучка нашла,
и вдруг, как будто им стало тесно,
одна вскочила и прочь ушла.

А другие нахмурились и замолчали.
И разошлись, не попрощались.

4 ноября 1984 г.

471

В Западных горах (Western Hills)

Гроздь красных предосенних ягод,
сосен серебристые стволы,
золотые крыши дальних пагод,
пряный запах хвои и смолы.

Вьется тропка под гору крутая,
а внизу, в ложбине, монастырь.
Жарко солнце моего Китая,
ярко небо, — синева и ширь.

Тан-чже-сы... Приветливые ламы
путнику выносят свежий чай.

Ностальгия — расставанья драмы —
разве сердцу скажешь — „Не скучай“?

30 января 1985 г.

472

В приемной

В белой комнате сидели люди,
от беды пришедшие туда,
думали о том, о сем, — о чуде
— том, что не случится никогда.

А в соседней, за закрытой дверью,
тихо говорили доктора
в дружеской среде, без лицемерья:
„Тех подлечим, а вот той — пора.“

И попозже вышла молодая,
прикусила бледную губу
и прошла, глаза не подымая,
горькую встречать свою судьбу.

9 августа 1985 г.

471 Западные горы: the Western Hills, mountains in the vicinity of Beijing. Тан-чжэ-сы: see note on poem 276.

473 Сегодня солнца не было совсем,
и сад, почти безветренный, был нем,
и птицы все попрятались в гнезде,
и было тихо на земле везде.

И только полусонная сова,
глазища приоткрыв едва-едва,
метнулась с ветки, услышав сквозь тишь
в пустой траве скребущуюся мышь. 5 сентября 1985 г.

474 Мне что-то грустно. Посидим вот здесь.
Дневное солнце за горы зашло,
и неба полог в ясных звездах весь,
но на душе не ясно, не светло.

Ночная не пугает темнота.
Пусть люди говорят: „Не дремлет враг“.
Я осеняла знаменем креста
того, кто дорог мне и кто не дорог.

В ночь на 22 сентября 1985 г.

475

Контрабандисты

У них мешки за плечами.
Их маяят чудные сны.
Они проходят ночами
границу чужой страны.

Они крадутся, как воры.
Река — через реку вплавь.
Им снятся золотая горы —
их ждет свирепая явь.

А там, в далекой деревне,
где дерзкий рождался сон,
уже с колокольни древней
плывет погребальный сон.

[1985 г.]

473 With a notation in the manuscript: "Отрывки и начала."

474 Variant in last stanza in the manuscript: "Небесные не дремлют также силы. / Пусть люди говорят: „Не дремлет враг“. / Я осеняла знаменем креста / И тех, что милы нам и что не милы."

475 With a notation in the manuscript: "Это о мексиканцах."

476

Ночное

Ночь бесконечная тащится.
Ах, далеко до восхода...
Звездное небо таращится,
бликами падает в воду.

Гаснут костры у становища,
пахнет польнью и мятой.
Из лесу вышли чудовища
тенью ночью, косматой.

Вот он, предел одиночества—
эхо последнего стога!
Давнему сбыться пророчеству
здесь, на реках Вавилона.

[1985 г.]

477

Поминки

На равнине черной печали,
что крылом задела война,
полевые цветы молчали,
и на них глядела луна.

Где вчера коржились танки,
там сегодня из-под земли
красно-огненные саранки,
будто капли крови взошли.

А под ними—белые кости,
где разгар атаки утих.
Прилетайте, вороны, в гости—
громким граем плачьте о них!

[1985 г.]

478

Вставали облака с востока,
темнели и на город шли—
звезда сияла одиноко
над краем дремлющей земли.

Причалив, отдыхали боты
пришедших с моря рыбаков.
уставших от дневной работы,
дневных усилий и оков.

7 февраля 1986 г.

476 Published in the almanac *Vstrechi* (Philadelphia), 1985, p. 79.477 Published in the almanac *Vstrechi* (Philadelphia), 1985, p. 79. Саранки was a local Russian name for the wild tiger lilies that grow in the hills of North-East China.

479 Brahms Symphony No. 1 in C-minor, opus 68

T. Zdorenko

na paměti' o končerte 4.2.1987

Заперта, оставлена обитель.
Тихо у кладбищенских ворот.
Отошел последний посетитель,
по домам разъехался народ.

И никто не видел, отъезжая.
— там, в углу, за розовым кустом, —
что еще какая-то чужая,
на коленях стоя под крестом.

плакала одна фигура в белом,
где цвела у камня резеда,
и на камне начертала мелом:

„Милый, помню и люблю всегда“ . 4 февраля 1987 г.

480

Биография

В Финляндии шумели сосны.
Неслись куда-то поезда,
летели мимо зимы, весны
и не вернутся никогда,
как те, давнишние года.

Потом — снега Сибири дальней,
где реже встретишь города,
где небо шире и хрустальней.
И снова мчатся поезда,
и нам неведомо куда.

Минуя поле гаоляна
из давних лет, издалека
другой приносит поезд рьяно
в края, где Желтая река
так неприветно широка.

Что после? Горы. Сант Невада.
В долине редкий огонек.
Стучат колеса, значит, надо
в далекий путь, на долгий срок . . .

479 Two other manuscripts of this poem are dated 11 September 1985 and 19 November 1986. One has the notation: "Для Тани Здоренко." Т. Здоренко: Tat'iana Zdorenko, née Chernosvitova, wife of Pavel Zdorenko, a graduate of the Harbin Commercial Schools.

480 Гаолян: gaoliang (Chinese), sorghum. Желтая река: the Huanghe River.

Но вдруг... к какому-то вокзалу
замедлил поезд. Вот перрон.
И багажа как будто мало!
Да впрочем нужен уж не он...

25 февраля 1987 г.

481

Налет

Три самолета помчались в бой
(Будь осторожен! Господь с тобой!)

Вражеский город заснул давно.
В городе всюду темным-темно.

„Что же погубило в темноте?“
„Тридцать пять человек детей...“

Рядом с верфями был приют —
Верфи всегда при налетах бьют.

Два самолета вернулись домой.
Только один не вернулся — мой.

[1987 г.]

482

Был океан суровый цвета стали
и низко чайки над водой летали,
когда входили в бухту корабли.

Лохматая вилась бурунов пена,
гудела над фарватером сирена
и серого тумана ключья шли.

На кораблях веселые матросы
последние сворачивали тросы —
довольны, что закончился аврал.

Был океан вечерний цвета стали
и гавани огни уже блистали...
А что сулила ночь — никто не знал.

[1987 г.]

483

На заре

Шли тропой лесных извилин
при луне.
Грозно гукал черный филин
на сосне.

481 Published in the almanac *Vstrechi* (Philadelphia), 1988, p. 101.482 Published in the almanac *Vstrechi* (Philadelphia), 1988, p. 102.483 Published in the almanac *Vstrechi* (Philadelphia), 1988, p. 103.

Только нас ничто не смело
 испугать —
 на опушку вышли смело
 через гать.
 А потом восход встречали
 у реки;
 пели песни на причале
 рыбаки.
 Розовел и золотился
 тихий плес...
 Нам тогда еще не снился
 омут слез.

[1987 г.]

484

В глухой и темной глубине
 шевелятся немые рыбы,
 где водорослей лес на дне
 и розовых кораллов глыбы.
 Среди бессменной темноты
 в глуби своей беззвучной чаши
 округло раззевают рты
 и круглые глаза таращат.
 Но не завидуй рыбам, нет!
 Пускай они не знают горя —
 нам ближе сердцу солнца свет
 и голубые блески моря.

[1980-е гг.]

485

Строили дома на горной круче,
 храмы, укрепления, водоем —
 жили проще и, быть может, лучше,
 чем теперь мы в городе живем.
 Высекали памятников много,
 украшали фресками дворцы.
 поклонялись солнечному богу
 их великолепные жрецы.
 Но, блеснув в каком-то давнем миге,
 вдруг исчезли все с лица земли,
 не оставив нам открытой книги,
 где бы прочесть о них могли.
 И в конце немых тысячелетий
 мы глядим, неграмотные дети,
 их жилища заселили птицы, звери джунглей.

Выступили слезы на ресницах
бога солнца на стене дворца.

[1980-е гг.]

- 486 Пусть никогда не поплыву
в своей лодчонке
я ни во сне, ни наяву
по Амазонке,
зато всегда,
пока еще живу,
я в памяти храню Неву
на джонке. 3 февраля 1990 г.
- 487 Ты тут была —
и больше нет...
Перекрестила
тебя во след.
Будь же дорога
твоя легка!
Вспомни меня
издалека.
Ангел Господень
тебя храни.
Если желание придет —
черкни. 20 апреля 1991 г.
- 488 Я знаю скит в лесу дремучем:
он там не первый век стоит.
Когда суетность жизни мучит,
я уйду в тот дальний скит.

Где скат просеки чист и ровен,
высоким обнесен плетнем,
он крепко сбит из древних бревен,
и тихо и нестрашно в нем.

Шумят деревья. Пахнет медом.
немного воском и смолой.
Нечасто солнце мимоходом
пронзает заросли стрелой. 13 июня 1991 г.

486 Variant in the last lines in the manuscript: "Зато всегда / пока еще живу. / я помню и люблю Неву."

488 Variant in the third line of the last stanza in the manuscript: "Нередко солнце мимоходом."

489

Плач по харбинскому разрушенному
Св. Николаевскому собору

Помолитесь о нашем храме —
что закрыт, разрушен, разбит,
неоветанный в фимиаме —
в кучах мусора был зарыт!

Не звонит его колокольня,
не блестят его купола...
Сердцу холодно, сердцу больно
от людского горького зла...

Над мощами храма потемки,
но забыть его не хочу!
За его святые обломки
зажигая свою свечу.

22 марта 1994 г.

490

Темные ели стоят стеной
около дома, надо мной.

[Начало 1990-х гг.]

491

Тихий ангел за моим плечом
отпирает дверь своим ключом,
и куда мне надо, я вхожу,
и кого мне надо, нахожу.
Шелестят вечерню тополя.
Засыпает мирная земля.
На душе — смиренье и покой,
ласковый и радостный такой.

[Начало 1990-х гг.]

489 Св. Николаевский собор: St. Nicholas Cathedral in Harbin, built in the centre of the administrative part of the city in 1899–1901, during the construction of the Chinese Eastern Railway. It was completely destroyed in August 1966 during the Cultural Revolution in China.

PART THREE
POEMS IN ENGLISH NOT IN COLLECTIONS

492

I dreamt of northern summers
 And days of long ago.
 I dreamt of gloomy Finland
 And woods we used to know.
 The visions of my childhood,
 Sweet visions would arise
 And pass away, like shadows,
 Before my mind's eyes.
 Along the rocky seashore
 Alone I used to roam
 And listen to the breakers
 And watch the rushing foam
 I loved the mossy meadows,
 The pines and granite heights,
 I loved the pale shadows
 Of cool September nights.

26 Aug. 1920

493

A Prayer

Oh, Angels of Heaven! Help me,
 I tire in the constant strife,
 I feel I am growing weaker
 With ev'ry fresh battle of life.
 Oh, hear my prayer, holy spirits!
 I do not want luck or gold,
 I ask for a gift divine
 That cannot be bought or sold.
 Give me the soul of a poet,
 That's filled with music and love,
 And let my heart stay unspoiled
 And pure as the sky above...

25 Dec. 1920

494

My First Speech

I cannot think of something bright
 Or something that would fit;
 You know, I never had much wit,
 I lost it all tonight.
 Of course, it's very impolite
 Since I've been asked to speak,
 But if one's intellect is weak
 He never does what's right.
 My speech was very short, you see,
 And there was nothing to it.
 I'm sorry; won't you pardon me?
 I really hope I'll do it.

[1921]

495

Chinese Lampshade

I have a pretty little shade
 From Lantern street, Beitsing;
 It's not so beautifully made,
 But, oh, I love the thing!
 My friends—they find its colors bright,
 It hurts their eyes it seems;
 But when it shines on me at night
 It speaks of wondrous dreams...
 They take me back to places I have known,
 To ancient temples I have worshipped in;
 They make me smell the incense that was blown
 Before the gods and goddesses within...
 Upon the lantern's yellow, velvet ray
 I travel back, as fast as thought can dare,
 Back to a walled-in city far away,
 Where lamps like mine are all night long aglare.
 The richaws pitter-patter down the street,
 A dusty street outside the City wall,
 And all you do is—watch the sights you meet,
 And hear the noises spreading over all.
 Perhaps it's garish, and the colors severe,
 But I forget the beauty you all know
 For just a glimpse of lanterns over there—
 In old Beitsing, the place where I would go.

[1921]

496

I bought a frame to fit
 a dream I dreamt one night—
 that I could often sit
 and revel in the sight.

I put it in—but then
 it vanished from the frame,
 and never more again
 I dreamt it just the same.

I got a jar of glass
 to keep a lovely flower;
 I placed it there—alas,
 it wilted in an hour.

I saw a human soul
 and gave that soul a song

496 With a notation crossed out in the manuscript: "April 2."

But now I know its dole:
it will not live there long. [1921]

497

To October 1922

Why do you leave me, when I loved you so?
Where did you come from? Whither you go?
And, far outside the lives and worlds of men,
Tell me, my friend, may we not meet again? [1922]

498

Frances Johnson

She said, when she had read his book,
That he was fickle; Rupert Brooke,
So full of soul, so rich with thought,
So near the beauty he had sought...
Was "fickle" all that she could see?
And for his depth she did not care?
—Then what he wrote was not for her...
And, maybe, not for me. [1922]

499

My Star

In the sunset's orange glowing
How I loved to watch my star—
How I loved to watch it growing.
Coming nearer from afar!
It was brilliant, it was winking,
Shining straight upon my soul,
While the sun's red glove was sinking
Swiftly to'rd's its daily goal.
Oh, my sapphire now deserts me!
It has left the Summer skies,
Now a vacant darkness hurts me
When I seek it with my eyes.
Ever northward falling, drowned
Past the gray horizon line—
Star of hope, that I had crowned
For a destiny of mine! [1923]

498 Frances Johnson was a classmate at the North China American School in Tongzhou. Rupert Brooke (1887–1915), an English poet, died during the First World War; *The Collected Works of Rupert Brooke* was published posthumously in 1915.

500

To a Stink-bug

One day I saw a stink-bug small
 A-sitting near me on the wall.
 I said: "Pray tell me, Stink-bug dear,
 What makes you suddenly appear
 And light when no one wants you to,
 As if the place belongs to you?
 Will you not answer me?" I cried.
 And, hark! The dirty bum replied,
 As he looked up: "What did you think?
 —I love to fly around and stink,
 Because I know it makes you sore
 To see me lighting on the floor,
 Or watch me floating o'er your bed,
 Or smell my presence near your head."
 With this the grinning bug had flown
 And left me, wondering, alone.

1923

501

Homeward Bound

Oh, school's as great as great could be,
 And all my friends around,
 But it's Harbin and home for me,
 And I am northward bound.
 So hurry up, you lazy train,
 And Farewell, old Tungchow!
 Another day—and home again.
 Oh, engine, why so slow?
 Above North China's wheat and corn
 The mists rise thick and white.
 Oh, hurry on towards day, sweet morn,
 For I'll be home tonight.
 A happy winter this has been,
 I love to live at school;
 But now it's home, and it's Harbin,
 —Enough of life by rule!
 I want my home, and I am glad
 That ere another day
 I'll see my Mother and my Dad,
 And Kitty at his play;

500 Published in *NCA* 1922, the student annual of the North China American School in Tongzhou. The stink-bug is a grayish-brown beetle in China, which emits a very unpleasant smell when squashed.

I'll have my chum again to kiss,
 And I won't work at all,
 And never, never will I miss
 The school outside the wall.
 There won't be any rising bell,
 With which the school awakes;
 Instead of that there'll be a smell
 Of homemade griddlecakes.
 And I can stay in bed all day
 Without that dose of oil,
 And I can let my tired head
 Rest from a Junior's toil.
 And, Caesar, I'll forget you soon,
 Though you have been my friend.
 When will you cease, oh, engine's tune?
 When will this journey end?

1923

502 Alone, when once so many were around,
 Who loved me so, and left me now alone!
 And now, though once my sleep had been so sound,
 I dream all night of faces I have known.
 I talk to them of all I saw and learned,
 I tell them all I have been thinking of;
 I take such pride in praises I have earned,
 I take such joy to see again their love!
 But when the snow is melting on the range
 Beneath the heated rays of coming day
 Each morning brings too soon the loathsome change
 And makes my lonely vision fade away.

Claremont, 12 Oct. [1924]

503

Masterpieces

Snow clouds came to rest on Baldy mountain,
 When the sun had hidden in his den,
 —After lights were low and voices quiet
 In the valley cottages of men.

With a treasure they were heavy laden,
 With the crystal blessings of the frost—
 Such of which Old Baldy had been dreaming.
 Which it loved and months ago had lost.

Only pictures of a Perfect Artist...
 Wakened by the morning's early gleam,
 Baldy stood majestically crowned,
 —And the clouds were floating down their stream.

What though passing clouds sent down their shadows?
 Baldy's smile was deeper than before
 For the soothing, purifying freshness
 Which the falling snow had held in store.

Claremont, 17 Nov. [1924]

504 The world is but a dancing hall,
 Where all the people dance; and all
 Can foxtrot, but a mighty few
 Can waltz,—and one of them is you.

17 Feb. [1925]

505

II. No. 2

"Expectantly?" Suppose, you little fool,
 A hunchback (but there are none in the school)...
 Suppose a wench of some four feet and two
 Would, since you ask, decide to visit you...
 Or some gaunt giantess above six feet,
 Such as the people laugh at when they meet...
 Suppose she is bow-legged, and her hair,
 Like that of ancient Furies, stands in air?
 And let her face be harsh as mortal sin,
 Belying any sparkle from within.
 She winks an eye, distorts a ghastly cheek,
 And then you hear, instead of voice,—a squeak!
 Will you at that be able to disguise
 The true interpretation of your eyes?
 And generously willing to forget
 The shock that you from such a sight would get?
 But after all, you may be far amiss
 And I may be Mister, not a Miss.
 I really always hate to disappoint,
 But "dazzling, flashing" are beside the point.
 "Expectantly" ... —You know not what you say!
 Yet you may hear from me another day.

15 May [1926]

506

II. (Отрывок)

... This funny game—this life—is full of things
 We guess not of. A mocking bird that sings
 At dawn, in June, above your windowsill,
 Charming your waking fancies with its trill—
 Will fly away, and you will never see
 Why it had landed on the neighbor tree.
 Better to keep things hidden than unmasked,
 Lest answers startle, if the truth be asked;
 Kinder to let the goldfish float below,
 Than, having caught it, watch its life-light go;
 Safer to leave the morning star unfound,
 Than, having held it, shatter on the ground...
 —Leave, and be gone along the open trail,
 Don't watch the sun until its glories pale.
 So I will wander on, and so will you,
 Our feet still wet with early morning dew,
 A endless day still glimmering ahead—
 That speaks of warmth and often burns instead.
 ... We both are humans. That's where really lies
 My sympathy for you; and though our eyes
 Have never met, we many times have seen
 The other's eyes, not knowing what they mean.
 Another life, passed by along the way,
 Forgotten in a week, yet near today.
 Let us be merry; though the blissful hours
 May be but few in this here life of ours.
 Let us be happy; though the fairy wand
 Touches but seldom each unfailling hand...

31 May [1926]

507

Parting

The cold waves, and the light underneath the waves,
 —Is anything grayer—is anyone's welcome colder?
 Yet dimmer and dimmer grows
 The shadow of love's graves,
 And barely my conscience saves
 The parting touch of your shoulder.
 In the ocean I seek repose.
 Not even grief can mar
 The beauty—when waters close

506 For II. see note on poem 24.

To silence love's echo.
And you are forgotten and far.

24 Sept. 1926

508

They took me to the door and showed
A narrow and a winding road,
Leading to wondrous things, that may
Be mine, if I but go that way.
I went, for I had naught to lose,
And saw no other road to choose.
And much the Powers freely gave
That I was fool enough to crave.
Beauty and Love and Youth I had,
And many friends who made me glad
That Higher Powers long ago
Had shown me just that way to go.
Yet often, oh, how often now
I want—if they but told me how—
To find that first wide-open door
And beg for just a little more.

June 1927

509

It's eye for eye, and tooth for tooth,
And even the Eternal Truth
For every cruel word I've said
Breathes vengeance on my head.

16 Apr. 1929

510

I cast a rock into the well
And stood to listen how it fell,
How it went shooting through the deep,
Where frogs and water-serpents creep.
And as it reached the bottom black
I heard it give a sullen whack
And saw the bubbles at the top
And circles where I let it drop.
And now—I see the sky and sun
And I regret what I have done
And wonder if the silent stone
Remembers, where it lies alone
Among the creatures of the slime,
Its happier and brighter time—
And if it longs to see above
The sun, which I deprived it of.

17 Apr. 1929

511

Like colored glass is fair
 when the porch is gray,
 so all my days were
 till you went away.
 Like rainbows in the sky
 following after rain,
 so is the thought that I
 may meet you yet again.
 But, oh, the endless years
 that I don't see your face
 are cold and lonely years
 in a lonely place.

6 Dec. 1929

512

Oh, tender dawn above the sombre pond,
 where great, green drooping weeping willows crowd
 to touch the sleeping water; and beyond—
 the golden turrets of a rising cloud.

Oh, gentle wind, sweet scented breath that stirs
 this silent waking water,—and the lace
 of willows, and green saplings, and brown burrs
 framing its face!

What can the heart within a human breast—
 what can it do with that taut golden string
 calling for all the agony and unrest
 which make men sing?

Weep in such hours of ecstasy, oh heart!
 Be silent, oh dark heart,—you cannot cool
 your burning thirst from that deep, glittering pool,
 or reach that sky light where the willows part!

Nothing there is that you can do. Lie low,
 hide on the soft black earth, in the wet grass,
 breathe not when this mild wind begins to blow,
 hear not, nor watch how the green ripples go,
 that, seeing you—helpless and suffering so—
 those stirring hours take pity on you and pass!

Shanghai, [Sept. 1934]

513

Dawn

So dawn creeps to dark waters, and so hope
 to still, sick, sombre hearts, that vainly grope

throughout the night, not knowing that a day
is near, to end their sorrow and dismay.

How bright the ripples in the sudden glare
of morning, and the waking trees how fair!
Even my wingless heart can so forget
that it alone has not been lighter yet...

Shanghai, [Sept. 1934]

- 514 If I had but a little common sense,
I would forsake you, I would travel hence
and maybe see, in lovely places, far,
that you were not the sky's most brilliant star.

Perhaps on lofty mountains I would seek
the flaming flower of the snow-clad peak,
or on some island in the sunny sea
forget the words that you have said to me.

There are so many wonders I could find,
that life would yet be bountiful and kind,
and going so I should not drop a tear,
—if I had sense...

But I have none, my dear.

Shanghai, 23 Oct. 1934

- 515 It's not because you leave me that I weep,
nor am I broken just because we part,—
but that the coin of friendship proved so cheap,
and that your word meant nothing in your heart.

Leave me now, go; I will not need you more.
Travel your way, while I shall walk my own;
Let not your conscience worry on my score:
I may be even stronger so,—alone.

But should I ever meet you later on—
tired and sick and begging me for bread
with all your luck and earthly glories gone—
better for you if one of us were dead,
for I may turn and give a stone instead.

Shanghai, [1934]

- 516 To a Man Named Smith

Once in this world of mountain, wood and plain
my road crossed yours. We will not meet again.
But as a dawn breaks open sunlit skies—
so once we looked into each other's eyes.

In that brief hour the words we spoke were few,
and when you went, and I lost sight of you,
still all the birds were trilling, and the day
shone just as golden as I walked my way.

Poor foolish heart—why should it cry and cry
because you crossed the very hour as I?

Shanghai, [1934]

517

Quiet the waters were,—do you recall?—
quietly did the waters rise and roll
in low and gentle swells, when one fine day
you dropped your anchor in my slumbering bay.

Softly the breezes from the western sky
swept over silent sands where you and I
gazed at the sea—and not a shadow fell,
nor came a cloud to break the golden spell.

—How can I wonder now, with you no more,
that black the waters rise,—and roar, and roar?

23 Feb. 1936

518

High in the mountains, where the grass is cool,
we tied our horses by an emerald pool,
and as they drank, as they neighed in glee,
we two sat motionless, and speechless,—we.

Upon the shining flanks of your black steed
you watched the water flicker, bead by bead;
you never raised your eyes, yet well you knew—
that all the while I only thought of you.

Dear dream forgotten, dream that was so frail!
The evening sky was cloudless, calm and pale—
could I have guessed, as we resumed that trail,

that every star would wane, and every stream
run dry and silent, as in a by-gone dream?

23 Feb. 1936

519

Falling Star

Star, as you fell through the blue evening air
when I stood watching you, silent and thrilled,
I was supposed to have breathed a word of prayer
that some deep wish I had might be fulfilled.

But, star,—oh, white, round star,—I saw you fall,
breathlessly saw the light behind you trailed,

and I forgot the earth I trod, and all
earthly desires and wishes,—and I failed...

Bitter my sorrow now, and sore regret
not to have grasped the chance the day it came!
But such was your swift sudden spell, that yet
if others fell—I still would do the same!

Shanghai, [1936]

520

I'm often dreaming
that I unfurl
my tall wings, gleaming
like mother-of-pearl,

and cut my tether,
and take to flight,
with each small feather
glistening white;

but, oh, I waken,
and, to atone,
breathless and shaken
fall, like a stone,

and see—a token
of earthly things—
they're broken—
my shining wings!

[1936]

521

I am a stranger here. Leave me alone.
My eyes are tired of your streets of stone,
your tower houses; I am used to wood
and hill and meadows and to solitude.

All now is ended—all the wild birds flown,
and stars burnt out which had so brightly shone—
all the tall stately firs stand bare and dead
and silent lies each empty riverbed.

Only the still brown rocks, moss-covered, keep
their watch where silver wavelets curl and creep,

521 Variant in the fourth line of the first stanza in the manuscript: "and hill and meadows from my solitudes." The manuscript indicates that Mary Vezev planned to include another stanza between the first and the second stanzas; only one line was written in brackets: "In our tall forests we had stately firs."

and that same sky, sunless and cold and grey,
hangs,—as the morning when I sailed away.

Shanghai, 1936–1937

522

Norma Jean

I hope from where you sit or lie
that you can see a patch of sky
at night, with angels flitting by,
each lighter than a sigh.

I hope that thru your window pane
you see trees, dripping in the rain,
or stooping low as under strain
where heavy snow has lain.

That you can watch a billowy cloud
sailing, like some white galleon proud,
and birds around it, crying loud,
ever a joyous crowd;

I hope that you may never tire
of watching sunlit skies on fire.

27 Nov. 1951

523

Nocturne

White clouds
Remote
Like little explosions
Climb the sky and float
Above the black erosions
Of the castle moat.

Behind the grey parallelogram
Of his castle wall
The aged knight
Snores, for he doesn't really give a damn
At all
For the beauty of the night.

522 The Norma Jean to whom this poem is dedicated has not been identified; perhaps it was Marilyn Monroe, whose real name was Norma Jeane Morrison.

523 Variant in the last stanza in the manuscript: "But in her tower / high-walled, / the knight's young daughter / enthralled / forgetful of the hour / silently watches / the silver plotches / upon the water."

But in her tower
 The knight's young daughter
 Forgetful of the hour,
 Silently watches
 The silver splashes
 Upon the water.

29 Mar. 1955

524 Impressions at the Opera (a true story)

Three dowagers with silver tresses
 and silver foxes over pale-blue dresses
 floated into their box,
 fox after fox,
 and settled down,
 like pillows stuffed with eiderdown.

And Salvatore Baccaloni,
 as Bartolo up on the stage,
 though usually quite the rage,
 seemed not as fat,
 nor half as funny.

21 Feb. 1956

525 It is usually very still on that day,
 which comes at different times in different places;
 came in the end of October in the place where I lived.

Very still and cold, and then, toward evening,
 the air is suddenly warmer.
 Nature stands still, you can hear the earth breathe,
 the trees reach out and wait.
 Stars that had been very brilliant
 all at once turn opaque.

It is then that the first snowflake of the winter, always
 large and slow, is wafted, like a small parachute, down
 upon the expectant earth,
 in hushed silence.

27 Feb. 1956

526 With folded wings he sat and took a rest
 upon a branch not far from where his nest
 was hidden in the thicket from sharp eyes
 and sharper claw and fang,
 deep in a wood of aspen and of beech
 where sunrays rarely reach,

where stillness lies
and shadows hang.

Quietly he sat, small, gray and soft,
colorless lump of life, alone, aloft,
seen and admired by no one.

Then he spread
his wings,
most powerful among such minute things,
and, gray no more
but golden in the sun, he rose to soar,

and then he sang...

February 1956.

- 527 Nothing is left to write of any more,
all that there is to say was said before:
all is recorded—every human breath.

The poets have discussed God, love and death,
the seasons and the land and water here,
cities around us, and the atmosphere,
creatures from the amoeba to the auk,
including beings that can sing and talk.

All you need do is listen, gratefully,
to Swinburne, or Verlaine, or Po Chü-i.

7 Mar. 1956

- 528 Nocturne

Late twilight in October.
Stillness hangs
above primeval marshes like spun glass.

Escaping lightly from the reaching arms
of scrawny birch, the moon,
opaque and naked,
drops her seventh mist.

No rustle stirs
the elderberries. Sorrowful, a loon
raises his pointed head among the blades
of marsh grass; even he does not invade
the silence with habitual complaint.

527 Po Chü-i: Bo Juyi in contemporary transcription (772-846), a Chinese poet of the Tang dynasty.

This is when
suddenly, passing high above, departing cranes
cry out between the earth and moon
urgently, clearly, for a rapid moment;

the marshes bear their soft
provocative and wistful voices,
high in the air, yet ultimately close;
then they are gone.

And in their wake
the first large timid snowflakes
dim the moon.

15 Feb. 1957

- 529 There is something you want to say—
thoughts gurgling in your brain,
words choking your throat.

Say them, say them before you stop breathing,
see the darkness converging upon you
from the sky—from the shore—from the water—

The circles upon the water grow large and flat
and disappear altogether,
and the surface is silent.

Speak out—call loudly
and say all those turbulent words,
cry lustily
so that the shores will echo,

then whisper softly
those last compassionate words,
and all will be dark, dark.

1 Mar. 1957

- 530 There was hoarfrost on the lawn this morning
at dawn.
The seagulls were flying inland from the ocean,
to the warm earth and the grass.

They were gray in the early light
against the November sky.

1957

529 Variant in the third line of the fourth stanza in the manuscript: "cry loudly."

531

Night Dance

Little dead children, candles in their eyes,
 uprooting earth, and clanging through staid skies,
 remembering their ermine-mantled days,
 all guillotined too soon,
 dance on the lawn
 where night dreams spawn
 unmindful of the gaze
 of the thick-skulled mongol cheek-boned moon.

Dance, slithering sprites
 in this transparent trance
 through all your promised perfumed nights
 with well-earned mirth
 which sly time pilfered on your withering earth!

 Dance in the tear-soaked grass
 dangling each tinkling somewhere-living heart
 as void eyes dart
 to where the stolid unbelieving old
 grow by the snarling oak roots in a silent mold
 buried en masse.

 Disdain and disregard the sod-bound throng.
 There is a song
 composed about you and your life goes on
 dancing long nights upon a moonstained lawn.

30 Oct. 1958

532

Suddenly, I'm awake—
 now, when my heart is sagging
 and when my death, set for the take,
 creaks round the nearest hill in her sure wagon.

Quite unexpectedly, the sky blows warm
 as when cold day
 breathes sudden fire instead
 after a powerful and all-uprooting storm
 risen from its day bed.

And as I stand
 groping and reaching with my lips and hand,
 mouth open in an agony of wanting
 to fling long smouldering words that have been haunting
 my loosely used, oh, many-wasted lips,
 —I see the sun that dips

into the catchall of horizon and I flay
 the sunless air to hold the night at bay
 and rise and leave
 the rock I stand on as I reach the eave
 of the lowering, blackening sky above my head—
 and I am dead.

30 Oct. 1958

533

Lot's Wife

I am Lot's wife. I couldn't walk away
 up foreign sands, away from that poor land
 where every stone was warm from my own touch
 and every door and window held my shadow,
 where I had walked those narrow streets of Sodom.

There I had lived among familiar people
 and talked and had my various human dealings
 with neighbor women and with men who traded
 and knew me well and knew my husband Lot.

Though truly they had differed with our thoughts
 and knew not God as Lot and I had known Him
 and wouldn't listen to His words of warnings,
 —they weren't worse than I: I didn't listen.

I couldn't follow Lot on that safe trail
 hearing the wrath of vengeance on my town,
 hearing the fall of rocks and quake of hillside,
 hearing the roar of all-devouring flame,
 the crying agony of men and women:
 I couldn't run away: I stopped and turned—

What matter that the price I paid was life,
 was immortality?

Perhaps in that brief moment
 some friend or enemy before he died
 breathed easier because he glimpsed, half-blinded,
 through fire and smoke, beneath a fallen pillar,
 my shaking arms stretched in a last farewell?

1958

534

Come to classroom, padre, while the students
 are not yet gathered for their next assignment.
 Come with me, padre, I will show you something
 for which I beg you to donate a moment.

533 English variant of the Russian poem "Жена Лота"; see poem 377.

535

Imitation

A rose quartz vase shone on her dresser, and
 the sandalwood immortals stood, all seven,
 imported from a pine and dragon land
 once governed by the Son of Heaven.

Upon her cold blue wall
 was hung a single silken-tasseled scroll
 brush-painted on parchment,
 with craggy mountains and a waterfall
 —the prized possession of her studio apartment.

And, head benignly bowed, Kwan-Yin in jade
 graced her teak night stand and her mystic soul.

Yet somehow this décor forever made
 the impression of stage props for a miscast role.

As if these things were images in a glass
 that traveling by reflect their face and pass
 —a hollow echo's alien report
 from a forbidden city's empty court.

536

Once on the Moika lived a man—
 an oldster—who had stacks of books,
 and knew this one, that one. Yet
 that's not the reason why my friend
 would urge me—on the run—to come
 and meet him, but because he thought
 that meeting would bring joy to both.
 We'd grasp each other in a flash,
 we share one sorrow, speak one tongue,
 the shade of a forgotten bard!
 I planned to go so many times.
 but rain, some business, or "too late,"
 "not in the mood," "he's indisposed"—
 and next I heard it: "He has died."
 My visit cancelled now, for good,
 and who can tell me "it's put off"?

[1950s]

535 Kwan-Yin: Guanyin in contemporary transcription, the Chinese goddess of mercy, literally "the one who listens to sounds," i.e., to requests and supplications.

536 Moika Street is in St. Petersburg. Variants in the manuscript: in the second line "an oldster—
 -he had loads of books," in the third line "and knew so many people. Yet," and in the eighth
 line "We'd grasp each other just like that."

537

The Snake

Silent all its life, it produces beautiful
music after death.

The earth is dry, the summer has been hot.
Dead russet stubble bristles in the rocks
of my small garden, few and pale the blooms
on gently tended shrubs.

The air is still.

Without a rustle over sand and clay,
graceful and grey, slithers a winding snake
and disappears between the cracks of stone,
small silent creature, harmless, in its home.

Night smoothes away day's blemishes and scars,
and grasses reach to feel her cooling hand.
I pick a banjo from my wall, to strum.

Its tightly covered snakeskin body sings.

[1950s]

538

Goodbye for Now

For V.V.

You swerved from the road and you went away. I said goodbye to you,
but that was for now;
We will meet again, though we do not know yet where or how.

Perhaps in this room where I write. You will open the door
—oh you won't need to knock, you can hurry in as you have before
because I will always wait.

Or on some roseate bridge as I cross a golden strait
at sunset when over the bar
the white fog enters warily into the bay
you will ride in the other direction and I will see
a sudden glimpse of your face rushing toward me
expected and unexpected, as in a dream...

538 For V.V. see note on poem 54. Variants in the manuscript: in the first line of the first stanza "You turned from the road and went away. I said goodbye to you, but that was for now"; in the first line of the third stanza "Or on some bridge as I cross a golden strait"; in the fourth and fifth lines of the third stanza "I will suddenly see / a glimpse of your face rushing toward me." Temple of Horrors: a temple in Shanghai. Corratierie: see note on poem 393. Viipuri: also known as Vyborg, a city and port in the Gulf of Finland, the "eastern capital" of Finland, seized by the Soviet Union in 1940.

Or perhaps very far
 in the hill of Manchuria covered with cedars and grapes on the lower
slopes,
 where the tiger lilies (remember those tiger lilies?)
 grow thick on the valley floor
 you will wade toward me across the shallow mountain stream
 —as before?

We shall meet again. You will see.
 Someday our lives will find
 a pattern familiar to us, a pattern so designed
 as to bring us close somewhere in this vast world—oh, yes, vast still
 though almost all discovered and charted, brook, tree and hill.

You and I
 will catch up with one another walking perhaps outside
 Shanghai
 in a field near the Temple of Horrors where the purple idols stare
 with bulging eyes...

And it may be too
 as I turn the corner off Corraterie around the fountain where
 geraniums flame
 that you
 will be doing the same
 and you and I will meet
 where the old watchmaker keeps his crack-in-the-wall on that cobblestone
street.

For every wall has a door. I shan't despair.

In Viipuri at Christmas I don't yet know what year
 (or even century if we're still living here)
 as I watch the skaters circle the pond blue frozen
 when the stars begin to ring from the frost at some hour chosen
 you will appear
 somehow somewhere
 in what shape?—even that is not given me to know.

Over the globe bright miniature flags pinned, saying
 that we have stood, lived, walked together long ago
 at each pricked point. We will meet again
 because I know that you, not only I,
 visit them often nor ever will cease to fly
 to all these places or cross the sea by ship or earth by train
 and even jog by donkey on covered cart over the parched and unpaved
China plain...

And someday under one such miniature marker grown to be
 a banner swaying
 in the blue wind across the entire sky
 you will meet with me
 and then... after that... only then we will say
 goodbye.

71 June 1963

539

My dear, my dear,
 Now that I have to go, and know I'm going,
 There are so many things I have to say—
 So many things that, without knowing,
 I've left unfinished here
 Till this last day—

Sit near me, listen, and perhaps together
 We will recall, before I break the tether,
 questions unanswered, prayers unspoken,
 And if there is no time, perhaps my eyes
 Will leave for you a token
 Of sunlit skies
 That we have watched together, and of dreams
 That I have shared with you, and you with me!

This is a very vast and lonely sea
 That I am set to sail, and yet it seems
 That I am not afraid. The guiding hand
 Of a wise Pilot comes to beckon me
 Across the blue expanse to a far land
 Of peace and calm and beauty.

You, my dear,

Staying behind, you must not ever fear
 This life!

If I could only tell

As clearly, somehow, as a silver bell
 Might ring through the clear air of a bright day,
 That I will never really be away
 From you; not ever...

Will you try

To walk on, bravely, though a clouded sky
 May threaten, though above a barren field
 Thunder may roll, please promise not to yield
 To doubt—remember always, as you grope
 In darkest thickets—there is always hope.
 —I am a little weary. Will you bring
 A glass of water for me? Make it cold.

Thank you. That's better...

There's another thing

You must remember—that I've always told:
 There is no white or black or yellow race,
 But only Human. All are made the same,
 For it is not the color of the face
 Or the variety of given name
 That shape the heart and educate the mind;
 It is not what you see, but what you find.

—Oh, love, it seems I'm only getting started,
 And yet I feel that we will soon be parted,
 I tire so fast. Forgive me if I gasp,
 Here, let me have your little hand to clasp
 In mine for yet a little longer. Stay.
 I have to finish what I want to say.

Because you are more generously blessed
 Than most, you are not better than the rest,
 Only more fortunate. So if you can,
 Be kind and gentle to your fellow man,
 As we are taught to be.

And oh, my dear,

Enjoy the wealth that you are offered here—

Sunrise—and music—and the shape of trees—
 Soft growing grass—and world-encircling seas—
 Love for a man—the work you have to do—
 Friends travelling the very road as you—

I hope that you will live and toil and play
 With all your heart, and all the time obey
 Your faith in the great Presence over all,
 Whether you win, or whether for a time
 Your footsteps falter in the slime
 Of difficulties, even if you fall,
 Remember, dear, that with your faith and will
 In days of darkness you are victor still.

It's getting late, and you should be in bed,
 And surely there will be one more tomorrow—

When I am gone, don't think of me as dead,
 Remember me with happiness, not sorrow...

But we shall talk again...

Good night, good night!

540 Somewhere
 there is a gate that I must find and open,
 take out the bolt and lift the latch and push,
 and then the road ahead will stretch away
 smooth, clear and safe for me to walk at leisure;
 a small white gate, wrought in a low white fence,
 along the outskirts of this great dense wood.

There must be somewhere
 in the tall brush and thicket on my trail
 a mark, a sign, perhaps a broken twig,
 a tree peculiarly bent, a stone
 lying against another;

there must be somewhere
 an indication, maybe even arrow
 pointing that way, so that I may follow;

it cannot be that I have not remembered
 those previous markings,
 and have lost the trail.

[1960s]

541 High in the air, the high blue air above us,
 where birds and men fly peacefully together,
 for endless centuries, the long lost notes
 of many songs have floated by, unheard
 to living ears.

We have not yet
 become quite strong enough to catch those songs
 and hear and tame them for the world to know,
 but they are there, for they were never lost
 completely. And if sometimes, in the haze
 along the fringes of this life
 we think we meet
 a sudden melody that we have never known,
 barely distinguished words, perhaps a rhyme
 that we reach out to touch—

we vainly strain, but all that we can feel
 is some vague sense of beauty
 created somewhere once, and waiting for us,
 not quite completely lost,
 nor yet recaptured.

[1960s]

541 Variant in the last line of the second stanza in the manuscript: "that we reach out to grasp."

- 542 Can it be true, in hours of grief and anger
that all one's past will disappear afar
just like the soft sound of some forgotten music,
like in the dark of night a fallen star? [1980s]

543–561 My China

- 543 Arranging the brushes, and picking the right
one to write a poem.

I put my brushes carefully, one by one,
into their respective cones
in the brass brush stand,
meticulously smoothing each sensitive tuft with my fingers,
to make a pinpoint end.

I pull out the small white bone latch
of my ink box,
lifting its black and gold silk lid.

The ink tablet, half covered with carved inscription,
lies before me.

I pull out the two white bone pieces
latching the powder-blue silk covers
of a small thick volume.

The ivory-white rice paper page
is blank.

The moon has set over the western horizon
and night fragrance is drifting into my window.
I pick a brush of the needed thickness,
touch the surface of water in a porcelain cup
and caressing the ink tablet gently,
write down a poem.

- 544 A favorite scroll on the east wall of my room.

Two ladies stand on an open marble surface,
and the mist of the April morning
swirls at their silken feet;

the verdure of the white-barked pines,
almost black against the still white sky,
clouds over the bright blue tiles
of the small pavilion.

543 With notation on the manuscript of the cycle "My China:" "Some time years ago, probably in the 60s."

Far in the distance, all sense of perspective lost
 in the subtleties of the mist,
 hang the curling cliffs of the mountains,
 without top or bottom,
 wrapped in the twisting and winding scarves
 of the April mist.

545

In early spring, bright blossom liven
 the clay walls of Tung-Chow-fu.

Around the ancient town of Tung-Chow-fu
 a great grey wall of brick and earth was built
 some centuries ago. A deep, wide moat
 was dug and filled with water.

None but friends
 could enter through the barred and guarded gate.

Now peace hangs sweetly over Tung-Chow-fu.
 The wall has crumbled down in many spots,
 and only kingfishers disturb the sleep
 of aged willow trees that, drooping, touch
 the lazy curling wavelets of the moat.

All there is green and quiet.

In the spring
 it is a joy to cross the stepping stones
 and climb the wall, and see the almonds bloom
 scarlet against the background of the grey.

546

Listening to the evening stillness
 at Wu-Chih-Mi.

At Wu-Chih-Mi the little local train
 stops.

I step off and breathe the summer warmth.

At Wu-Chih-Mi there aren't many dwellings.
 It dozes lying in its quiet valley
 in summer twilight as the hills around it
 turn rose and violet and transparent blue
 before the night.

I walk across the green and soundless meadow
 and soon I see the lanterns of the sky
 reveal their silken brilliance one by one.

545 Tung-Chow-fu: Tongzhou; see note on poem 262.

546 Wu-Chih-Mi: a place name.

people selling their wares and walking about the streets,
 meeting above on the bridge to enjoy the sun and to engage in conversation,
 women washing their clothes at the edge of the stream below,
 and several naked children, happy to be near water,
 jumping in for a swim from the sampans anchored ashore.

549

Watching the river boats, having
 nothing else to do.

Ching-pu is an elderly man and all his chores are completed,
 the tilling of fields, the raising of crops and of sons.
 Ching-pu sits back on his heels on the sunny terraced knoll
 smoking his long-stemmed pipe filled with bitter tobacco,
 holding his slender pipe with withered yellow hand,
 watching the river below hurrying round the bend,
 watching the river sampans swiftly propelling themselves,
 prow to the muddy current,
 around the bend of the river,
 towards the city beyond.

550

Some are closed, and some are open;
 I like the latter.

Your gate is heavy, strong, and always barred.
 Its face is bright vermilion touched with brass.
 A stout *kai-meng-de* guards it day and night
 and just a chosen few may step inside.
 But I prefer a moongate in my wall—
 an open gate that has no use for locks.
 Come, let us walk right through and see the pines
 shedding dark needles on the moonlit steps!

551

He was almost as old as the river,
 and he made more noise than the river itself

The white sands on the sloping shore of the river
 lie silent, except for the lapping,
 continuous lapping
 of the yellow water
 against the edge of the slope,
 —the great mass of water

550 With a notation in the manuscript: "kai-meng-de' is Chinese for 'gatekeeper.'"

poured powerfully
down the deep trough of its old bed.

Even the water grasses,
crashing close to the current,
hold the waves of their surface
silently toward the sun.

Suddenly, a heavy splash disturbs the silence,
as the aged bulk of a huge river tortoise
turns swiftly
near the top of the yellow water,
to snatch a minnow.

552

The blue parasol may have been becoming,
I do not know; I hope it was.

It was a lazy summer noon, as I sat in the stern of a flat-bottomed boat,
holding a blue parasol over my head and back.

My boatman rowed unhurriedly through the rushes,
the tall rushes crowding a narrow stream
across the Sung-Hwa-kiang.

I sat enjoying the blue of the sky,
the gold of the sun, the green of the grass and the ripples,
and I did not know whether I was pretty or not,
in my light summer gown,
against my light blue parasol—
I did not know whether I was pretty or not,

I had not expected to meet you rowing towards me,
swiftly slicing the rushes with the sharp prow of your boat,
as you returned from your early morning fishing.

553

A person encountered in the Western Hills near
Beitsing

He was a shepherd and he spent his hours
upon a hillside taking care of sheep.
He slept in his small hut of mud and straw
and ate his rice and sometimes drank his tea.

552 Variant in the second line of the last stanza in the manuscript: "swiftly dividing the rushes with the sharp prow of your boat." Sun-Hwa-kiang: Songhuajiang in the contemporary transcription, the Sungari River; see note on poem 327.

553 For the Western Hills see note on poem 471. "Have you had your rice?" i.e., "Have you eaten?" is a traditional polite enquiry in China.

His hands were gnarled and grimy and his clothes
 he hardly ever changed from month to month
 for he was one of the unwashed who lived
 so many li from rivers or a spring.

In early morning, when some stranger chanced,
 dangling his dusty legs, on donkey back
 to pass his hut, the friendly shepherd called
 by way of greeting,—

“Have you had your rice?”

554

Early morning in Beitsing: a sound fondly re-
 called.

At daybreak, as the skies lighten,
 I roll up my window
 and listen to my city.
 The summer heat has not yet choked
 the perfumed breath of night;
 the dust in the street lies unawaken by pattering feet,
 but the jingle of peddlers' wares
 begins to reach my ears,
 and then, what I await:
 the whistling pigeon in the sky above Beitsing.

555

Only the waters of the Ch'in and Wei
 Roll green and changeless, as in years
 gone by.

Po Chü-i.

When I was small I had a great vain dream,
 a kind of game just with myself alone:
 because the fathers of my little playmates
 were wrapped far more than mine in worldly riches,
 I played that one fine day I would invite them
 to my poor shabby door
 and they would knock
 and through that creaking door in that grey alley,
 awestruck, would tiptoe into sparkling halls
 bedecked with wealth and of surpassing beauty.

This never happened, nor did I regret it
 for still they came, and still we played together.

555 For Po Chü -yi see note on poem 527. The epigraph is taken from Bo Juyi's poem "Night Stop at Rongyang."

Now years have passed and we have all been scattered.
 And all these many years I have been toiling
 and have it seems at last built quite a palace
 behind that gate, and have assembled in it
 great wealth and beauty far belittling those
 which once I dreamed of as a foolish child;

—So much to show, with humble pride and grateful,
 to share and to enjoy, if they would knock
 upon my gate, those small remembered playmates...

But I can hear the echo of their footsteps
 running, then silenced far down winding alleys,
 and in the myriad distant streets and cities
 they cannot find the gateway to my house.

556

Om mani pad me kum.

The temple halls are musty; daylight never
 disturbs the corridors or narrow stairs.

Blackened by dust and incense smoke and years
 the ancient tapestries along the walls
 from high carved vaulted ceiling to the floor
 breathe not a ripple in the stifled air.

When nightfall stills the last long wailing chant
 and joss smoke mingles with the stale burnt oil,
 then once again the tapestries awake
 with rats that live behind them, galloping,
 galloping all night long, like a division
 of cavalry on a parade, or rushing
 to mortal combat with an enemy.

557

A winter storm starts suddenly over
 lake Hanka.

We had walked many *li* over the flat autumn fields
 and had reached the marshes
 skirting the great lake.

Wild fowl were flying all over
 under a blackening sky
 and settling down urgently among the clumps of grass
 seeking a refuge.

556 Om mani pad me kum: a meditation mantra.

557 Lake Hanka is a lake in the maritime Far East, on the border of Russia and China.

The vast expanse of lake was before us,
 with nothing but tall grass growing profusely as far as
 the eye could see
 on all sides and behind us;
 grass swaying
 like a continuation of the lake surface.

Suddenly, without warning,
 a sheet of wet white flakes fell from the sky,
 and more followed, and more, hurrying,
 swirling and joining the wind and the grass
 in their frightening dance.
 A storm.

- 558 Swathed in its lace of slime,
 the pond sleeps
 at sunset.
- High above the adobe hut
 and the boat landing
 rises a sharp-horned yellow moon.
- What a comforting and pleasing lot—
 Who can say fate is unkind?
 The delicate filigree of willow leaves
 is black against the violet evening sky.

- 559 Early snow falls,
 like wafted cherry blossoms—
 peaceful and lazy—
 into the pond,
- the green one, where willows drop
 and late water lilies are blooming.
- There could not be a brighter or a larger star
 than the one climbing
 the partly darkening sky, and
 hesitating over the edge
 of the pensive village.

- 560 San Shu was a boatman. He lived on an island
 in the middle of the great Sung-Hwa river,
 in the north.

560 For Sung-Hwa see notes on poems 552 and 327.

He rowed his flat-bottomed boat
 very skillfully across the wide yellow grey expanse
 from the shore of the city to the grassy flatlands
 on the other side,
 where lay the villages and the farms.

The Sung-Hwa was a pleasant sunny stream
 and it earned the boatman's bread
 all summer.

- 561 From the direction of Mai Mai Cheng,
 rising over the Gobi desert,
 across the Great Wall,
 came a wind.

It picked up the sands of the desert
 and became thick and brown
 as the sands themselves,
 as it hurled its destructive phalanges
 into battle,
 row upon powerful row.

I got up in the morning with a brown blanket about me
 brown sand in my eyes and ears
 and gritting between my teeth
 and but a white spot on the bed
 where my head had rested.

But many centuries this Gobi wind has blown
 covering with its sands
 myriad human bones and ancient dwellings.

Some far-off day a child,
 playing in the swift sand,
 will take a beautiful polished white bone
 that will have been me,

and will take it to her father,
 to make her a flute,
 to sing a song.

561 Mai Mai Cheng: the Chinese city of Maimaicheng and the adjacent Russian city of Kiakhta were centres of Sino-Russian trade in the 18th and 19th centuries.

PART FOUR
UNPUBLISHED TRANSLATIONS

English into Russian

Maxwell Bodenheim (1893–1954)

562

A Poet to his Love

Серебряная церковь в чаше леса—
Моя любовь к тебе. Кругом деревья,
Украденные от тебя слова
И колокол, твоя последняя улыбка,
Дарованная мне, — повешен наверху.
Тот колокол звонит, когда тыходишь в лес.
Когда ты станешь около него,
Но звон его ненужный замолкает,
Когда ты начинаешь говорить.

28 ноября [1924 г.]

Abbie Huston Evans

563

A Niche from the Blast. Dell Concert.

Здесь, где в одном пятне освещена
поверхность темная земного шара,
когда спускается на землю ночь
и яркая звезда на запад тонет,
тускнеют краски и темнеет небо
огромное, в то время как земля
неторопливо крутится, и небеса
воротятся, как колесо, — впервые
как будто, вижу я сегодня ночью,
что небосвод, действительно, повсюду
вокруг нас, и что сами мы летим
в пространство, хоть о том и забываем.

Везде вокруг — стремление, шторм и крики
всего оркестра вместе; человек
свой голос собственный так страстно ищет;
день шелуху свою роняет; птица

562 Maxwell Bodenheim, *Minna and Myself* (1918).

563 Abbie Huston Evans, *Fact of Crystal* (1961); Vezey gave the poem the draft title "Нича (Убежище) от взрыва. — Концерт."

ночная, испугнутая, встрепетая,
в борьбе царапаясь сквозь бурю звуков.

И в нише освещенной среди тьмы,
как в найденном убежище минутном,
среди солнц несущихся, окружены
толпою сил неведомых и княжеств,
здесь тысячи обретших вдруг свободу,
почувствовавших близость с этим светом.

1960-е гг.

Edna St. Vincent Millay (1892–1950)

564

To the Not Impossible Him

Как знать, не съездивши самой
в Каир или Китай,
во всем ли так прекрасен мой
благословенный край?

Быть может, вот из этих трав
цветок и мне возрос,
но как же знать, не повидав
и карфагенских роз?

Моя любовь верна, тверда,
она не помрачится,
пока я здесь, — но что когда
уехать мне случится?

14 января 1930 г.

565

Tavern

Я домик-таверну открою
на горном далеком пути,
где все б сероглазые люди
могли себе отдых найти.

Там было бы много тарелок
и кружек, затем чтобы греть
озябших людей сероглазых,
идущих по этой горе.

И сладко бы путники спали,
им снился б дороги конец,

564 Edna St. Vincent Millay, *A Few Figs from Thistles* (1921).

565 Edna St. Vincent Millay, *Renascence and Other Poems* (1917).

а я бы вставала и в полночь,
подкладывая в печку дровец.

Смешно ведь? Но все, что мне в жизни
хорошего было дано,
мне дали два серые глаза —
когда-то давно.

14 января [1930 г.]

566 Love is not all: it is not meat nor drink

Любовь — не все: не хлеб и не вода,
не даст тебе ни сна, ни в бурю — крова,
ни снасть, волной несомую, когда
всплываешь, тонешь и всплываешь снова.
Любовь, как воздух, грудь не оживит,
кровь не очистит и не вправит кости,
— но много есть людей, что без любви
вот в этот самый час лишь смерти просят.
Возможно, что и я в тяжелый год,
страдая и моля об избавленьи,
когда нужда без проблеска гнетет,
твою любовь сменяю на спасенье
иль память о тебе — на хлеб и свет,
быть может — да. Я думаю, что нет.

28 июля 1961 г.

Carl Sandburg (1878–1967)

567

Fog

Туман приходит
на маленьких кошачьих ножках.

Сидит на корточках,
молчит и смотрит
на гавань и на город
и двигается дальше.

16 ноября [1920-е гг.]

566 Edna St. Vincent Millay, *A Fatal Interview* (1931). Variants in the manuscript: in the eleventh line "или в нужде и мраке, что гнетет," and "в нужде без проблеска, в бессильи от забот"; in the twelfth line "твою любовь продам за облегченье"; in the thirteenth line "иль память о тебе — за хлеб и свет."

567 Carl Sandburg, *Chicago Poems* (1916).

R.L. Stevenson (1850–1894)

568 I will make you brooches and toys for your delight

Я сделаю игрушки для радости твоей
 Из птичьих песен утром, из солнечных лучей.
 Дворец для нас с тобою я дивный вознесу
 Из синих дней на море, зеленых дней в лесу.
 Себе устрою угол и для тебя покой,
 Где яркий куст желтеет за вьющейся рекой;
 Ты будешь там одежды и руки мыть свои
 Дождем поутру свежим и каплей рос в ночи.
 И будет самой лучшей песней, какой не знал никто,
 Милее всех мелодий нам будет только то,
 Что мы одни видали и помним до сих пор
 Широкую дорогу и вспыхнувший костер. 16 ноября [1920-е гг.]

William Wordsworth (1770–1894)

569 Ode. Intimations of Immortality

[V]

Рожденье наше — это сон, забвенье,
 душа, что с нами поднялась, звезда
 всей жизни, встала в отдаленьи,
 издалека пришла сюда;
 но мы, не все забыв в мгновенье,
 не в совершенном обнаженьи,
 а славы облака влача, идем
 от Бога, где наш дом.
 Ведь в детстве небо окружает нас:
 стена тюрьмы уж мрак бросает свой
 на отрока, но тот все ж видит свет,
 откуда свет такой, он в счастье сознает.
 Идущий от востока вдаль юнец,
 еще природы жрец,
 идет в сопровожденьи
 прекрасного виденья,
 и только взрослый видит, как оно
 умрет, в обычный день обращено.

568 R.L. Stevenson, *Songs of Travel*.

569 William Wordsworth, "Ode. Intimations of Immortality from Recollections of Early Childhood" (1897), part V and part of part IX.

[end of IX]

Вот отчего в спокойную погоду,
хоть и далеко от краев земли,
бессмертные душа увидит Воды,
которые сюда нас принесли,
и возвратиться мы туда б могли —
и увидеть резвящихся детей
и услышать могучий гул морей!

22 апреля [1929 г.].

French into Russian

Paul Verlaine (1844–1896)

570

La ciel est, par-dessus la toit

Небо над крышей
так сине, спокойно.
Ветка над крышей
качается стройно.

Птица на ветке
песню поет.
Колокол в небе
нежно зовет.

Боже мой! Жизнь
так проста и светла...
Мирные звуки
летят из села...

Что же ты сделал,
что плачешь над ней?
Что же ты сделал
с жизнью своей?

1930-е гг.

570 Published in the journal *Khabrinskije kommercheskie uchilishcha Kit. Vost. zhel. dor.*, no. 9, 1969, p. 31, with a misprint in the poet's surname.

Russian into English

Лидия Алексеева 1909–1989

Russian émigré poet

571 С орехом белка бросилась к дуплу

Into her hollow tree, holding a nut,
scampers the squirrel. Swallows find their nest.
A tiny ant, crossing his well-worn rut,
hurries along the trunk to home and rest.

But I—I linger aimlessly along,
lie down and dream. The grass is warm and tall.
To say there's nowhere I can go is wrong,
but why I have to go—I don't recall.

[1970s]

Т. Андреева

Russian émigré poet

572 В черных джунглях

Here Jinna danced. Her face all glows
the prettiest, she, indeed.
A golden ring is in her nose,
and a nut-shaped bead.

A live young lion Nagua laid
by her, but she looked not, for
she wanted earrings of varied shade
and elephant tusks galore.

Then came a white, beat Nagua's back
and gave Jinna beads instead.
She went with *sidi*, along his track,
"Nagua, coward," she said.

[1930s]

571 With the notation "из сборника *Время разлук* (Нью-Йорк, 1971)."

572 No dates are available for Andreeva's life. This poem is from *Rubezh*, Harbin, no. 26, 1930; it received second prize in the poetry competition organized by the Harbin literary circle of young poets "Churaevka" in the early 1930s.

Анна Ахматова (1889–1966)

573

Чернеет дорога приморского сада

Black road of the garden upon the shore,
 bright lanterns along the rim.
 And I am so calm. Only never more
 should anyone speak of him.

You're sweet and so faithful, and you and I
 will kiss, like friends, as we go
 our way, and the months will lightly fly
 above us, like stars of snow.

20 Sept. [1920s]

574

Широк и желт вечерний свет

Bright yellow is the twilight glow,
 and tender is the April chill.
 You should have come ten years ago,
 but I am glad to see you still.

Come here, sit down, and nearer me,
 and look at me with merry stare.
 This copy-book that's blue, you see,—
 I wrote my childish poems there.

Forgive me that I lived in grief,
 rejoiced not in the sun, and, too,
 forgive, forgive my old belief
 that scores who came before—were you.

[1930s]

575

Разлука

In twilight shadows sloping
 my road is stretched ahead.
 Last night, still loving, hoping,
 "Remember me," he said.

And now—but breezes blowing,
 and cries of shepherds ring,
 and shaken cedars, growing
 beside the limpid spring.

21 Sept. [1930s]

576

Теперь никто не станет слушать песен

None want to hear my songs now as of yore,
 the days that were foretold have come to be.

My last, the world is wonderful no more,
stop ringing, do not rend my heart in me.

But recently, you flew above the land
free as a swallow every morning gay,
and now—a hungry beggar, you will stand,
no gate will open, though you knock all day.

[1930s]

577

Подушка уже горяча

The pillow on either side
is hot, and burning low
the second candle has died,
while the crow
caws ever louder outside.

I haven't slept all night,
it's late to try in vain.
How unbearably white
the drapes on the white window-pane!

Good morning!

[1960s]

578

Сказал, что у меня соперниц нет

He said I had no rivals, said that I
was not an earthly woman, but to him
the solace of a winter sun, the wild
song of our native country, like a hymn.

And when I die, I know he will not grieve
crying "Come back!" madly, as from a wrong,
but suddenly see—the body cannot live
without the sun, the soul—without a song.

And what of now?

[1960s]

579

Из памяти твоей я выну этот день

Out of your memory I'll snatch this day,
so you will question, lost, with helpless eyes,
"Where did I see the little wooden house,
the Persian lilac, swallows in the sky?"

578 Lines from this poem were taken as an epigraph to Mary Vezey's first collection of poetry *Stikhotvoreniia* (1929).

The sudden longing of unnamed desires
oh, very often you will call to mind,
searching in pensive cities for a street
uncharted on whatever map you find.

Sight of some letter you did not expect—
sound of a voice at some half-opened gate—
and you'll be thinking, "Here she is herself,
coming to help me in my faithless state."

[1960s]

580

Cadran solaire на Меньшиковом доме

A steamer passes churning up a wake.
Familiar house with its *cadran solaire*.
Spires gleaming, and reflections of these waves—
nothing on all the Earth to me more fair!

A narrow alley darkens like a crack.
Sparrows alight upon a wire to rest.
Even the salty taste of many strolls
memorized long ago—is also blessed.

[1960s]

581

Муза ушла по дороге

The muse walked away up the trail,
autumnal, narrow and steep.
Large dewdrops were sprinkled over
her dusky legs and feet.

I'd begged her to wait till winter,
to stay with through the fall.
But she answered, "This is a grave here,
How can you breathe at all?"

I wanted to give her a present—
the whitest dove I possessed—
but the bird flew off on its own
after my shapely guest.

I watched her go. I was silent.
She was my only love.
And like a gate to her country
The dawn was shining above.

[1960s]

582

Почернел, искривился бревенчатый мост

Bent and blackened the logs of the bridge's span
and burdocks grow as tall as man
and, dense, the thickets of nettles sing
that they never will know a sickle's sting.
There's a sigh at the lake when evening falls
and wrinkled moss creeps over the walls.

That's where I greeted
my twenty-first spring.
To my lips the pungent honey
was the sweetest thing.

Dry branches shredded
that white silk dress of mine.
A nightingale sang on and on
in the crooked pine.

He would hear me calling
and would leave his lair,
gentler than a sister,
though wild as a bear.

I would swim across the rivulet,
run uphill, but oh,
later I would never say
"Leave me now, go."

18 Jan. 1966

583

Не мудрено, что не вселым звоном

And you, my friends, you who are so few by now—
with every passing day you are more dear!
How very short the road has grown
and how it used to seem of all the longest way!

26 Nov. 1992

Александр Блок (1880–1921)

584

Перуджна

Half a day of toil, and half of ease,
azure smoke above the Umbrian hills.

583 Translation of the second stanza. Variant in the last line: "the very longest way!"

584 Variant in the eighth line in the manuscript: "with a tawny brown hand, and does not dare."

Short and sudden shower, cooling breeze,
 loudly out-of-doors a chorus trills.
 In the window—one whose dark eyes smile,
 under Perugino's fresco, there,
 tries to reach a basket for a while
 with a sunburnt hand, and does not dare.
 In it lies a note for eager glances:
 "Questa sera ... cloister of St. Francis..."

15 May [1928]

585

Пройдет зима — увидишь ты

When winter goes—then you will see
 my fields and fens that stretch away.
 "What beauty!" you will say to me,
 —"What lifeless slumber!" you will say.

But, child, remember, in the still
 I kept my thoughts, and in that plain
 I—restless, sorrowful, and ill—
 Have waited for your soul in vain.

And in that dusk I guessed my fate,
 stared into death's cold face, and long,
 endlessly long I had to wait,
 peering through mists that swam along.

But you passed by before my face,
 —among the bogs my thoughts I kept
 and in my soul a gloomy trace
 of that strange lifeless beauty slept.

16 May [1928]

586

Мы шли на Лидо в час рассвета

We walked toward Lido once at dawn,
 the rain was gentle, like a net.
 Without replying you were gone.
 And soon I slept beside the wet.
 I heard the waves, their steady falling,
 because my sleep was light, I heard
 the sounds, that shook with passion, calling,
 loving [??] the sorceress,—the bird.
 And then the gull—a bird, a maiden,—
 came down and floated on the sea,

586 Mary Vezev's "[?]" in the eighth line presumably indicates a search for a better word.

upon the waves of song, love-laden,
with which you always dwell in me.

12 June [1928]

587

Я просыпался и встал

I've wakened often in the night
and peered at stairways darkness-filled.
The frosty moon threw silver light
upon my house, where all was stilled.

I've had no messages of late;
the city only brings me round
its noise, and every day I wait
for guests, and start at every sound.

And waked by steps that seemed to pass
at midnight more than once I rose
and in the window—saw the gas
that shimmered in the streets in rows!

Today—again I must await
my guests, and clench my hands, and fear.
I've had no messages of late,
knocks is all I hear.

[1928]

588

Я был смущенный и веселый

I was confused and glad of heart,
your dark silk garments teased me sore.
The heavy curtain swung apart,
and voices hushed and spoke no more.

A gleaming ring—the footlights—trace
a wall of fire between us two,
the music burns your very face,
and brings a change in all of you.

And so again the candles light,
my soul alone is blind anew...
Your bared shoulders glisten bright,
the crowd of men is drunk with you...

Star, you have left this world of mire,
and far above the plain you stand...
You raise your hand—a silver lyre
is trembling in your outstretched hand.

[1928]

589

Какому Богу служишь ты?

Who is the God to whom you pray?
 Are you related in your flight
 to dreams that come before the night
 or anxiousness at break of day?

Or, joined to a star, are you—
 yourself a goddess—with the rest
 proud of an equal beauty too,—
 with eyes devoid of interest

Looking from strange heights up there
 down at the shadows touched with flame—
 oh, queen of purity, of prayer
 and earthly homage to your name?

[1928]

590

Незнакомка

Above the restaurants, at twilight,
 where drunken shouts and laughter ring,
 the hot and putrid air is governed
 by the impurities of spring.

Above the dull suburban houses,
 above the dust of narrow streets,
 a gilded signboard faintly glitters,
 and infant's distant cry repeats.

And every night, amidst the ditches,
 their bowlers jauntily pushed back,
 the city wits parade their ladies
 in fields beyond the railway track.

Above the lake the squeak of oarlocks
 mingles with women's muffled screams,
 while in sky, surprised at nothing,
 the stupid disk forever beams.

And nightly, in my glass reflected,
 my solitary friend I see,
 by this mysterious tangy potion
 subdued and quieted, like me;

while next to us, at other tables,
 waiters look sleepily about,
 and drinkers, with their reddened eyelids,
 "In vino veritas!" will shout.

And nightly, at the hour appointed
 (or do I dream that she exists?)
 a woman's form, in gleaming satins,
 moves in the window through the mists.

And slowly walking past the drinkers,
 without an escort, as before,
 wafting a breath of mist and perfume,
 she finds a seat beside the door.

The shining satin tight about her
 of strange and ancient legend sings,
 and so her hat, with mourning plumage,
 and slender hand with many rings.

And caught within this sudden nearness,
 I gaze beyond her somber veil,
 and there enchanted shores discover,
 a faraway enchanted trail.

With someone's secret I am trusted,
 a sun is given me to keep.
 Throughout the fissures of my soul
 the tangy wine begins to seep.

Those ostrich feathers, dimly drooping,
 rock in my brain forever more.
 Blue eyes, so deep they have no bottom,
 now blossom on a distant shore.

Within my heart there lies a treasure,
 and I possess the key, alone!
 You speak the truth, oh drunken monster:
 "In vino veritas"—I own.

[1929]

591

Эпитафия Фра Филиппо Липпи

Here I am resting, Filippo, artist forever immortal,
 the wonderful charm of my paint brush is on everyone's lips
 into the paints I was able to breathe with my fingers a soul,
 souls of the pious I could shake with the voice of the Lord.
 Even Nature herself, looking at what I created
 had to admit that I was artisan equal to her.

591 Blok supplemented the published poem with a note: "Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великого." Fra Filippo Lippi (ca. 1406–1469) was an Italian painter of the early Renaissance.

Here in this marble I was rested by Lawrence
Medici, ere I would be turned into lowliest dust. 23 May 1930

592

Грустно плача и смеясь

In ringing streams my poems go,
weep, laugh and sorrow, quickly bound
before you, on,
and every one
weaves living strings, as on they flow
and do not know their banks around.

But through the crystals running by
you are as ever far from me...
The crystals sing along and cry...
How can I make your traits, that I
may have you come to visit me
from where enchanted countries lie?

[1960s]

593

Из ничего—фонтаном синим

From nowhere, like a fountain blue
a light flashed on.
We turn our heads up, I and you,
and it is gone,
above the blackness yonder, throwing
a golden mop,
and here—one more, in spirals going,
a ball, a top,
green, yellow, red and blue again—
all night aglow...
And, having wakened it in vain,
they go.

[1960s]

Андрей Блок

Russian émigré poet

594

Far from the highways stretching round
a small forgotten town is found.

592 Variant in the fifth line of the second stanza in the manuscript: "could have you come to visit me."

594 No dates are available for Blok's life.

Its park is fresh, its church is old,
its sleep starts early, one is told.

A fountain and a tree are there
right in the middle of the square,
where often do a pig and kid
graze till the setting sun is hid.

And when at times a motor car
comes through the swelter from afar,
raising the dust, and hurries on,
and, like a soul that's doomed, is gone,—

all watch with sorrow for a spell
the stranger rushing straight to hell.
And later pray, when all is still,
for peace for him whose soul is ill.

[1930s]

- 595 I used to know and have forgotten lists
of ancient names and numbers half erased.
This world—who leads it in the dusky mists,
that some are lowered and the others raised?

And why have people suffered through the days,
and blindly sought, in vain, a better share?
Did hidden hands direct them on their ways?
Or was it chance that tossed them here and there?

And if it was that someone wished to send
the sound of mortal agonies to stand,
when will it be that He will put an end
to all, removing the relentless hand?

[1930s]

- 596 Poems are songs of a soul in its flight,—
listen to them, passerby, in the night.

Poems are sparks of a soul that's aflame,—
catch them, for heaven and they are the same.

Poems are tears of a soul that's a-smart,—
take them, extinguish the fire of your heart.

Poems are secrets a soul has in store,—
know them, rise up to them, sin nevermore.

[1930s]

Иван Бунин (1870--1953)

Russian émigré poet

597

Она молчит, она теперь спокойна

She doesn't talk, and she is calm once more,
but joy will not return to her again:
the day damp earth was thrown into his grave
—that day joy took leave of her for good.

She doesn't talk—and now her very soul
is empty, like a shrine above a grave,
where day and night burns an eternal flame
lighted above the silent sepulchre.

[1960s]

Мария Визи

598

В одном моем привычном сне

In one of my familiar dreams
there is a place that is so strange,
a stillness, where the sunlight beams
upon a peaceful mountain range.

Green stands a peak, and others crowd
as far away as eye can see,
while in the sky a silver cloud
patterns its fragile filigree.

And there upon the slope I stand,
but shall I triumph or deplore
that in this meditative land
I do not need you any more?

1957

599

Вот бредем пустым суходолом

We roam a waterless valley
—but are we asleep or awake?
The wind stirs the treetops above us
with its ragged hem in its wake.

Here once a stream was running,
but its source has long been dry.

598 From the collection *Стихотворения*; see poem 140.

599 From the collection *Голубая трава*; see poem 222.

Only the sting of the half-moon
and desert's fathomless sigh.

From grandfathers' fairytales
—there once was a source, we know.
But we can't recall, half-dreaming,
when? and where did it flow?

We are lost. We are searching for landmarks.
Our hearts in their last despair
are poorer than starving haggars
that stand in the city square.

5 Dec. 1967

Николай Гумилев (1886–1921)

600

У меня не живут цветы

Flowers never live in my house,
but a minute they soothe the eye,
in a couple of days they die;
flowers never live in my house.

Birds either don't live here long,
only ruff their feathers and frown,
and by morning—a ball of down...
Even birds do not live here long.

Only volumes in eight long rows,
silent volumes of many pages,
guard the languorous thought of ages,
like teeth, in eight long rows.

The man who sold them to me,
I recall, was hunch-backed and poor...
...By the graveyard he kept his store,
did the man who sold them to me.

[1930s]

601

Свиданье

Tonight you will be coming soon,
and I will understand
why all alone beneath the moon
it feels so strange to stand.

600 From the collection *Жемчуга* (1910; 1918).

601 From the collection *Жемчуга* (1910; 1918).

Pale, you will check your step, and throw
away your cape and hood,
does not the full moon likewise flow
above the somber wood?

And by the magic of her ways
and by yourself spell-bound,
I will be happy—with my days,
the dark and stillness round.

So in the woods a beast which smells
that spring is coming soon
the rustling of the hours tells
and goes to watch the moon.

And softly to the glen he creeps
to wake the dreams of night,
and with the moon's own movement keeps
his step, that's ever light.

Like he, I will be speechless too,
will look and lose my strength,
and guard the solemn seal of you,
o, Night, throughout your length!

There will be many shining moons
within myself and near,
and pallid shores of ancient dunes,
alluring, will appear.

And from the darkness which unfurls
the ocean green that roars
will bring me flowers, corals, pearls
—the gifts of distant shores.

And there will be a thousand sighs
of creatures dead and far,
and somber sleep of silent eyes,
and wine from every star.

Then you will go, and I will stay
to hear the moon's last tune,
and see the dawning of the sky
above the pallid dune.

602

Покорность

Only the tired are worthy of praying to God,
only by lovers the meadows of spring may be trod!

Soft is the sorrow on earth and the stars in the sky,
softly resounded a "yes"—in the darkness to die.

This is submissiveness! Come and bend over me now,
pale maid, wearing the black mourning-veil on your brow!

Sad is my land, in the wilds of the marshes it lies,
no land could ever be fairer for sorrowful eyes.

Look at the brownish buds and the damp-grown glen,
they are what makes me renounce the pleasures of men.

Am I in love? Or just weary as never before?
Oh, it is good that my eyes do not shine any more!

Calmly I look at the wind-blown grass of the plain,
calmly I hear in the marshes a bittern complain.

[1930s]

603

Читатель книг

Reader of books, I also tried to find
my heaven in the knowledge which obeys,
I always loved them,—strange ways that wind
where neither hope nor reminiscence stays.

Into new chapters eagerly to roam,
upon the stream of many lines to ride,
and watch the growing waves and splashing foam,
and listen to the roar of rising tide!

But after dusk... how horrible the shade
behind the shelf and icon in the night,
and, like a moon that shimmers on the glade,
the pendulum—immovable and bright!

[1930s]

604

Портрет мужчины

His eyes are hidden underground lakes,
forgotten kingly halls, with floors untrod,

602 From the collection *Жемчуга* (1910; 1918).

603 From the collection *Жемчуга* (1910; 1918).

604 From the collection *Жемчуга* (1910; 1918).

upon his brow the highest shame makes
its mark, and he will never speak of God.

His lips—they are a purple wound that's made
by poisoned daggers. Early silent grown
and overcast with melancholy shade,
they ever summon to a joy unknown.

His hands are full-moon marble, they are such
on which damnation will forever last,
for they have crucified and used to touch
young sorceresses in the ages past

His fate is in the centuries that lapse
to be the dream of people who would slay,
and of the poets; at his birth, perhaps,
a bloody comet melted, far away.

Within his soul—age-old offences live,
within his soul unnamed sorrows tarry,
his reminiscences he would not give
for all the flowers of Cyprid or of Mary.

His wrath is not a sacrilegious wrath,
and tender hue his silken cheeks maintain.
And he can smile, and he can also laugh,
but weep... he cannot ever weep again.

[1930s]

605

Орел

The eagle flew ahead and toward the height,
through starry gateways to the Powers' Throne,
and full of beauty was his kingly flight,
and in the sun his brown feathers shone.

Where had he lived? Perhaps it was a King
who kept him chained, a prisoner, till now,
and he had cried to greet the maiden-spring,
that loved a prince with melancholy brow.

Or maybe in a wizard's gloomy den
when he was looking out the narrow door
the height above enchanted him and then
turned to a sun what was a heart before.

605 Unfinished translation from the collection *Жемчуга* (1910; 1918).

What matters that? The perfect azure heights
 unfolded, ever luring him ahead,
 and ever on he flew, three days and nights,
 till in his bliss he smothered and was dead.

[...]

Rays of the planets pierced the heavens through,
 magnificent, divinely frozen rays,
 but, never knowing perish, on he flew
 and watched those planets with a lifeless gaze.

And more than once worlds tumbled, making room
 for more, and the archangel's trumpet came,
 and yet alone the eagle's gorgeous tomb
 did never fall a victim of the game.

16 July [1930]

606

Душа и тело

I

Above the city night is soaring, till
 each sound grows softer, duller every chord.
 And you, my soul, are keeping silence still,
 have mercy for the souls of marble, Lord.

And to this speech my soul did answer give
 (as though a harp was singing in the skies):
 "Why was I ever made to come and live
 within this human frame, which I despise?"

I hastened towards a glory new and rich,
 leaving my home; I must have been insane,
 for me this earth is now a ball, to which
 the prisoner is fastened with a chain.

And, oh, this love, how I have grown to hate
 this illness, of which none on earth are free,
 which ever darkens with its shade the fate
 of worlds so wondrous, although strange to me.

And if there is one thing that keeps me sealed
 to shining planets and to days of old,

606 Unfinished translation from the collection *Огнивный стол* (1921). Variant in the last line of the second stanza of part three in the manuscript: "that bays the moon when it is bright on high." Igdrasil: a gigantic ash-tree, which in ancient Spain symbolized the universe.

that thing is grief, my only trusted shield,
that thing is sorrow, full of scorn, and cold."

II

The clouds were covered with a greenish rust,
the golden sunset turned into gray,
and I addressed my body: "Now you must
reply to all the soul has had to say!"

And to my speech my body answered so—
a common body, but with blood aflame:
"The meaning of this life I do not know,
though I have heard that "love" can be its name.

[...]

A woman, too, I love...but when I kiss
her lowered eyes, it is a strange thing,
and I am drunk, and overcome with bliss,
as in a storm, or drinking from a spring.

And yet for all I want or take today,
for all my dreams, and all my joys and sorrow
as well befits a man, I will repay
with that sure peril which will come tomorrow."

III

And when the word of God was set aflame
as Big Dipper in the darkness blue,
the body and the soul before me came,
and asked of me: "Who, questioner, are you?"

I lowered at the impudent my eyes,
and slowly condescended to reply:
"Pray, answer, do you think a dog is wise
that howls when the moon is bright on high?"

Then can it be for you to question me,
to whom all time since worlds began to flower,
until the day that they will cease to be
is but the smallest fraction of an hour?

Me, who, like Igdrasil, the tree, does grow
through Universes seven times seven,
whose eyes regard as equal dust below
the meadows of the earth and those of Heaven?

I am who sleeps...

[1930s]

Георгий Иванов (1894-1958)

Russian émigré poet

607

Разрозненные строфы

It's yes and no. A star on high
burns bright a hundred thousand years.
The star burns bright. The years go by,
and so an era disappears.

There is no joy. The world is still
and sad, and through the icy sting
of the ethereal spaces, spring,
carrying roses in her hand,
flies to the sad and silent land.

24 June 1961

608

Меня влечет обратно в край Гафиза

The land of Hafiz calls me back, to rove
where my Gulnara's gaze shone green and bright,
and tentwise over her and me above
was spread the sapphire chasuble of night.

And memory, deprived of all these things,
looks everywhere for landmarks of that vale
where waits the lute, forsaken, and where sings
to ageless rose, an ageless nightingale.

[1960s]

609

Оттого и томит меня шорох травы

I am filled with a sadness by whispering grass—
it will wither, and roses will die and decay,
and your own precious body will also, alas,
be changed into flowers, and turned into clay.

All memory of us will vanish. And then
skilled fingers will fashion a beautiful thing,
a pitcher of clay, which will live once again
and be filled to its wide golden throat at spring.

And someone, perhaps, by the well where they meet
embracing each other, with sunset aglow,
will drop that dear clay, which will slip to her feet
and ring as it breaks into fragments below.

[1960s]

Лазарь Кельберин (1907–1975)
Russian émigré poet

610

Когда пятнистая луна

At times when the spotted moon
with torn and ragged clouds is strewn;
at times when in the city stream
the isle of dead its last does dream,
and every leaf on every tree
is full of spring impurity,
—then, hiding in the twilight thick,
a man will make his step more quick,
and hasten from that road and past
where crosses come to life and stare,
and on one's breath a shadow cast
from rocky height that rise up there...
—There by the cemetery wall,
you stood with me,—do you recall?
And fresher than a mountain stream
the April kiss to us did seem.

20 May [1930s]

Дмитрий Кленовский (1893–1976)
Russian émigré poet

611

Ангелу-хранителю

From my childhood, you were always near me—
in a woman's tender first embrace,
in the floor that bore my infant footsteps,
in the first warm sunlight on my face.

After that, you always walked beside me,
gave me Paris in the month of May,
Andalusian gardens, Roman sunrise,
—speaking Russian all along my way.

Then, I thought—not knowing you were with me—
that it was myself I used to hear;
there was too much noise and too much gladness
drowning out all else in my young ear.

It is only now, when all is quiet,
that I have been able to divine

611 From the collection *Прикосновение*, Munich, 1959.

finally, the voice—in all the stillness—
which I long ago mistook for mine.

Now I know: if ever I was worthy
in this life, from very early youth;
if at any time my earthly falsehood
had in any way resembled truth;

if I kissed a woman without wounding,
felt a flower, and it never died,
—it was all because you leaned to touch me,
all because you never left my side.

And of all the things you did, the wisest
was that all day long till night would fall
you were always able to protect me
from myself, most dangerous of all.

March 1960

612

В лесу

Hot as a bonfire is the summer noon,
but in this wood relief awaits you still,
the morning freshness will not leave it soon,
and it is all suffused with early chill.

Stay for a while. Sit in the nut-grove bower
upon this hidden moss-grown stump, and hear,
while drinking in the languor of the hour,
the wondrous tale unfolding for your ear.

A leaf is wafted to the mossy ground;
fragrant, the little mushrooms upward reach;
a sigh, a rustle, whisperings . . . the sound,
insatiable, of creation's speech.

28 Feb. 1961

613

Всёвышнему

By the starry sky and my own soul
You proclaim that You indeed exist.

As an infant blind from the beginning,
never having known his mother's face,
yet remembers whispering and singing,
hands caressing tenderly and bringing
gentle warmth and never-ending grace,

612 From the collection *Наистречу небу*, Frankfurt-on-Maine, 1952.

613 From the collection *След жизни*, Frankfurt-on-Maine, 1950.

so do I, not having ever seen You,
 know You, feel Your breath from where I stand,
 hear Your song, Your whisper understand,
 and against all human earthly reason
 recognize the warmth that is Your hand.

13 Mar. 1964

614

Наш мир

Of course, it's fair! Not in the present
 the end of which it cannot see
 and not in that which it bewails
 or does not have the strength to be.

But in the changing succession
 of suddenly bedazzled days,
 its gift of momentary gladness
 the transient kindness of its ways.

So all around us, and forever:
 under a dagger's constant aim
 people will kiss and gather flowers
 and build their houses just the same.

In spite of all the grief of partings,
 of all the hands wrung in despair,
 of all premeditated falsehood,
 it still will be forever fair!

17 July 1965

615

Звезды

Children are taught in textbooks
 that stars are so far away—
 I somehow never believed them,
 those things they used to say.

I used to love as a child
 to stay awake in bed:
 and stars would ever so lightly
 rain tinkling round my head.

From the blackened boughs of chestnuts
 I would shake them down to the sand,
 and, filling my pockets with them,
 could buy the wealth of the land.

614 From the collection *Разрозненная тайна*, Munich, 1965. Variant in the first line of the first stanza in the manuscript: "Oh, yes, it's good! Not in the present."

615 From the collection *Полстпечу небу*, Frankfurt-on-Maine, 1952.

Since then I've been mean and stingy,
—oh heart!—but, forsaking youth,
I never forgot, growing older,
my childhood's merry truth.

We live low down on the ground
and the sky is so far, and yet—
I know that the stars are near us
and can be easily met.

15 June 1967

616

Вот стоишь, такая родная

In your plain little coat and kerchief,
so familiar and dear, you stand,
the key to our promised heaven
you hold in your empty hand.

Let's set out once again together!
The hills ever darker grow.
Does it matter that we are tired?
We've so little left to go.

If only we're never parted
in the lonely course of our fate,
if we only have strength together
to reach the Highest Gate!

Once again, let us bless each other
as we used to, and never fear—
they will let us enter together,
that's long been decided, dear.

July 1967

617

Легкокрылым гением ведомы

Guided by some lightly winging spirit
far beyond the sea the birds have flown.
On this dark and bleak November morning,
why do you and I stay home alone?

Maybe we should follow—take a knapsack,
staff and flask, some good and trusted books,
and pursue the swiftly flying swallows
over woods and meadowlands and brooks?

616 From the collection *След жизни*, Frankfurt-on-Maine, 1950.

617 From the collection *След жизни*, Frankfurt-on-Maine, 1950.

Only those who linger are unable
to partake of joys on Earth arrayed.
Every turnpike, boundary and barrier
we would pass, unseen and unafraid.

Surely then, at break of day tomorrow
you and I would reach the rosy haze
over gleaming rocks and crested breakers,
slender palms, and golden blessed days!

And as surely, to the fullest measure,
we who dared would be repaid indeed
for the grain of utter faith within us,
for that single mustard seed!

[1960s]

618

Царскосельские стихи

When I was a boy I used to be your friend,
beautiful town of parks and lonely statues,
dense lilac groves and empty palaces,—
you hadn't yet been visited by grief.
Your Gumileff was still a carefree youth,
Akhmatova—a schoolgirl and in love,
and Innokenti Annensky had not
died suffocating at your railroad station;
even your Pushkin used to seem to me
not dead, but living, not yet grown up,
but just another of my noisy classmates.

Decades have passed. Impossible to count
your losses. All your palaces now lie
decaying. All your poets have been killed
by silence, bullet, or complete contempt.
Alone the name of Pushkin, as of old,
still shines above you like a glorious promise
—a token of the coming future truth.

[1960s]

619

Как много есть прекрасного на свете

There's such a wealth of beauty in the world:
a maiden's breast, a flying eagle's wing,

618 First part of a poem from the collection *Неуловимый спутник*, Frankfurt-on-Maine, 1956.

619 From the collection *Прикосновение*, Munich, 1959. Variant in the first line of the last stanza:
"Our world is sick. It whispers invocations."

leaf of a maple, sunrise in Rialto,
a lily-of-the-valley in the spring;

a leaping doe; the Milky Way, a sail,
the Volga's great expanse, a child's eyes...
You see yourself: too many things to mention
for you and me to count or to surmise.

And yet is life not easier for knowing
that everywhere around you children roam,
and maples grow, and there are waves, and maidens,
or simply someone's garden and a home?

You say to me: All that is transient, passing!
But you are wrong! Next spring, in that green bower,
another doe will leap again, as lightly,
and underfoot will bloom another flower!

Our world is ill. It whispers invocations
and tries to smother what in life is true.
But nowhere in it stands a ruined building
where grass will not come up anew.

[1960s]

620 Не камешком в мозаиках Равенны

No pebble in Ravenna's sculptured tomb,
nor crimson paint-dab in the Vatican,—
I merely was a wisp of merry spume
upon the ocean's blue and distant span.

But when a sail came toward me, I would swirl
to meet it; I have played with reefs near land,
caressed the body of a sun-tanned girl,
and, tired, dug into the golden sand.

My fleeting course no great event did jar;
for one chance moment was my fate unfurled,
yet I was happier and richer far
than all the tombs and castles of the world.

[1960s]

621 Высох ключ, струившийся в овраге

Dry the source that ran in the ravine.
Hot the noon. But take a look again:

620 From the collection *Прикосновение*, Munich, 1959.

621 From the collection *Нивстречу небу*, Frankfurt-on-Maine, 1952.

in the hollow stump, some moisture still—
fusty water left there by the rain.

Playing with your twig—be very careful
not to splash it out around the brink—
even though it's pitifully scanty,
someone still may need it for a drink!

After dawn tomorrow some small creature—
squirrel, hedgehog—may come by this rill
and may drink. You too—who knows what happens?—
yet may taste it in a final thrill.

[1960s]

622

Прощаться всего трудней, потому

It's hardest of all to say goodbye,
it is best to be alone to die.
For no one at all to be near, instead
just an empty room, a chair, a bed,
not to see anyone sadly weep,
not to have any small dog creep
from under your bed to lick your cheek,
or a sun ray come through a crack and peek,
or a butterfly dart in the window So
may it not be spring when I have to go!
May I die in the night! When a single star
may fall... and another... again... How far
easier, maybe, to go away
down such an
utterly
empty
way.

[1960s]

623

Я растерял их по пути

I lost them all along the way,
those words I failed to clothe in sound.
Like swallows on a winter day,
never again can they be found.

I didn't show them much concern,
so they departed, taking wing.
And yet perhaps they will return
to others, in some future spring?

[1960s]

622 From the collection *Прикосновение*, Munich, 1959.

623 From the collection *Разрозненная тайна*, Munich, 1965.

В комнате умершего

624

Yes, now it's empty here... His silhouette is gone,
it isn't at the desk, nor in the easy-chair.
This stillness! And the thought that he is here no more...
How can you justify, how can you call it fair?

And yet—don't weep! And leave this vacant room!
Go down the stairs, stand by the window-pane,
look hard into the fading blue of dawn.
You see—that's he, there, striding down the lane!

Don't try to call—you cannot bring him back!
But know: he lives, his life will never end.
He had been visiting, and has gone off once more.
Listen—he's singing! Far... around the bend.

[1960s]

Довид Кнут (1900–1955)

Russian émigré poet

625

Я не умру. И разве может быть

I shall not die. Nor can it be, I know,
that earth without me in the gladsome space
would draw its thread of fire and ever go
along its senseless and its joyful race.

It cannot be that after I am gone
the earth would blossom, wilt, and roll ahead
among the worlds, that trees would rustle on,
that snow would circle, after I was dead!

It cannot happen. I assure you. I
will stubbornly continue on my course,
and when the awful hour has come to die
will push the coffin's lid with all my force,

and I will shout: I do not want it so!
I need to feel this gladness that is blind!
Shoulder to shoulder with my sweet to go!
To give the sun whatever name I find!

No in a stuffy box you cannot lay
one who has spurned all
I want to live, and I shall live, I say
and...

[1960s]

624 From the collection *Наступают небы*, Frankfurt-on-Maine, 1952.625 Unfinished translation from the collection *Вторая книга стихов* Paris, 1928.

626 Пусть жизнь становится мутней и непролазней

Let life grow dimmer, harder every day,
let work become more vain, more useless, let
men we can speak to seldom come our way,
I thank You for the right of living yet.

And let the years...

Indeed it is but nothing that one pays:
a tear and sigh—for fields, for songs afar,
for cherished voices, for a brother's gaze,
and for the air of this rejoicing star.

[1960s]

Михаил Лермонтов (1814–1841)

627

Утес

Once a golden cloudlet spent the night
on a giant cliff's great rugged breast;
than at daybreak speeded on its quest,
gaily playing in the azure light.

But a spot of moisture lingered, traced
in a wrinkle on the ancient stone;
lost in thought, the giant stands alone,
weeping softly in his barren waste.

10 Jan. 1961

Юрий Мандельштам (1896–1934)

Russian émigré poet

628

Еще я беспокойнее иного

To V. Smolensky

I am more restless than another still,—
a word that's said with casual caress,
a furtive glance—still send through me a thrill,
alike a tender glance or vivid dress.

And even yet to me it is a pleasure
to... a fancy, strange and far away
to suffer from a rime, at times to measure
emotion, caught by chance upon the way.

626 Unfinished translation from the collection *Вторая книга стихов*, Paris, 1928.

But every day the soul does stricter get,
obeys the ray that moves not, and I feel
that I will teach that same emotion yet,
though that same rime to be of sadless zeal.

And soon, I know,—thanks to the God who takes
us onward with a wisdom-guided palm,—
we will exchange anxiety that aches
for heavenly and light-abounding calm.

11 June 1930

629

К чему стихи? Уже и так от них

More verse? What for? Already from their curse
the soul is sad, as unsuccessful verse.
Already, when I barely close my eyes—
comparisons to you before me rise.

You are wondrous than a rose, and, too,
more tender than my tenderness for you,
or you are sad, a drooping willow tree,
or toiling, as a love-abounding bee,

or else you dream—and in that mood you stay
to me more puzzling than a gloomy day.
Our life is plain, less visible by far:
and you are worse—yet better loved you are.

ca. 20 Aug. [1930]

630

За окном — морозная луна

To Katherine Garon

Out-of-doors—the murky winter light,
frosty moon, and stillness of the night.
But your window has been covered long
with a screen, reliable and strong.

Out-of-doors, above the house and tower
fearful is the moon this chosen hour.
Yet you sleep, the moon you do not heed:
you are dreaming other dreams indeed.

Out-of doors, beneath the moonlight glow,
stubborn guard, I wander to and fro.
But it is not joys of love that fill
your illusions in the midnight still.

[1930]

Ирина Одоевцева (1895–1990)
Russian émigré poet

631

СКОЛЬЗИТ СЛЕЗА ИЗ-ПОД УСТАЛЫХ ВЕК

To M. Kruzenshtern

From tired lid, a tear crawls down my cheek.
Coins jangle on the church collection tray.
No matter what we pray for, what we seek,
it's always for a miracle we pray.

That two times two make five instead of four,
and straw would turn into a rose in bloom,
that I be home, in my own house, once more,
though there is no such thing as house or home.

That from the churchyard mound where grasses sway
you suddenly step out, alive and gay.

[1970s]

Валерий Перелешин (1913–1992)
Russian émigré poet

632

Неизбежное

Like some strange blessing that descends upon us,
our kiss is full of fire and passion swift.
And yet I know: a future day is coming
when I will have to choose your wedding gift.

So let it be: some shaken thrones will tumble,
and mighty cities fall, and forest burn.
Laws that are ironclad were once established,—
once and for all they will remain stern.

I've long outgrown all manner of partitions,
of language, and of blood, and even race,
and all those other age-old walls and fences
with which a man surrounds his private place.

Even today, I hate that coming hour
when, speaking softly, you will say, "My dear!
A temporary harbor may be lovely,
but now it's time the ship should homeward steer.

631 Poem not found in a collection of this poet; presumably translated from a publication in a Russian émigré newspaper.

632 From the collection *Южный дом*, Munich, 1968.

My destiny is clear,—you will explain,—
I'm but a door where generations stand
yet to be born, of small and slant-eyed people
with yellow skin—as ever in my land."

And you will leave forever, disappearing
behind blank walls which I deny in vain,
—in cold betrayal, though without betraying—
into the cruel truth of your domain.

No races, castes, or creeds... Wide as the sea,
like that same sea, I will remain alone,
wearily mirror someone else's dawns,
and, longing for the East, complain and groan.

Alone and free... But truly, what of that:
I'm quite prepared, forsaking all desires,
an unknown passerby, to be the last
to warm my hands at other people's fires.

23 Jan. 1973

А.Н. Плещеев (1825–1893)

633

Был у Христа младенца сад. Легенда

The Christ Child had a garden once,
and many grew the roses there.
He gave them water twice a day,
so he could have a wreath to wear.

And when the roses came to bloom,
he called the children in, to share.
Each took a flower for himself,
and soon they left the garden bare.

"How will you make yourself a wreath?
There's not a rose on any bed!"

"You have forgotten that the thorns
are left for me," the Christ Child said.

And so they took the thorns and laid
a prickly wreath upon Him now,
and scarlet were the drops of blood,
instead of roses, on His brow.

1948

633 A.N. Pleshcheev's poem was published with notation "С английского."

Владимир Смоленский (1901–1961)
Russian émigré poet

634 Закрой плотнее дверь, глаза закрой

Close tighter every door and close your eyes,
forget that you are living, think not then,
and let your blindness guard you from the skies
and deafness—from the noise of earthly men.

Know not of the beginning and the end—
and a new world before you will arise!
So in his coffin does a dead man send
a smile to visions hidden from our eyes.

29 June [1930]

635 За ночами проходят дни

Days are passing after the nights
putting out—what care they?—the lights.
Dream on dream float onward and on,
all alike and black every one.
Ever lower the sky does grow.
God, it's death approaching, I know.
God, I know it's you who led
me on poverty's path ahead,
turned off near me all the lights
of the dreams the days and the nights,
so that I, in the dark around,
on the empty, ice-covered ground,
being sentenced, like all, to die,
found nothing of which to cry.

29 June [1930]

636 Нам снятся сны, но мы не верим им

We dream our dreams, but do not know that they
are God's own warnings, and believe them not.
A last night's dream, like smoke, will blow away,
today will come—and it will be forgot.

So with this earthly life—when death is nigh,
and on the death-bed frozen falls our hand,

634 From the collection *Закат*, Paris, 1931.

635 Poem not found in a collection of this poet; presumably translated from a publication in a Russian émigré newspaper.

636 From the collection *Закат*, Paris, 1931.

closing the lid of our wondering eye,
we never will recall or understand!

16 Sept. 1930

To My Wife

637

I know not how or why, at whose behest,
by what strange powers of the earth or sky,
you share with me my crust of bread, and lie
close to the heart that beats within my breast.

In days that are inspired, as on the day
of death—you are inseparably near.
All else will pass, all else will disappear...
The constant shining of your eyes will stay.

16 Sept. 1930

638

Ангел

As slaves are driven from behind
with whip and shouts that don't abate,
so I am goaded by my blind,
my cruel and relentless fate.

In such a servitude and pain
what boundless strengths one must possess
in order not to go insane
or die from hunger and distress!

But as the day grows ever dimmer
it's pierced—so often!—from the skies
by slender wings that lightly shimmer
and luminous transparent eyes.

I die so slowly, crawling, groping...
Yet as I reach the gate of heaven
I know that he will pull it open
and with his wing will help me in.

[1930s]

639

Два восьмистишия

Don't go away, for I am lost,
stay here, for I am cold;

637 Poem not found in a collection of this poet, presumably translated from a publication in a Russian émigré newspaper.

638 From the collection *Закат*, Paris, 1831.

639 Second part of the poem from the collection *Закат*, Paris, 1931.

upon my chest my hands are crossed
that I may not unfold.

I cannot lift my eyes to see,
it's cold, and dark as well.
This cannot be, this cannot be
the bottom of the well...

[1930s]

640

Никогда я так жалок не был

Never felt I more to be pitied,
ridiculous, clumsy, weak;
I dreamed I was turning blind,
the sky was a blackened streak.

Oh, weight of unseeing sadness,
remembrance of earthly day!
Invisible voices, crying,
ran past me upon their way.

Oh, death without putrefaction,
insatiable worm of night.
I summoned God to redeem me,
but it was you who replied.

The lower your voice, the softer,
the more the answer grew clear:
"My dear, I hear you, I hear you,
there is no salvation, dear!"

[1930s]

641

Сердце

It all will be as I have always wished:
over my feet the cover will be white
and white will be the ribbon of the wreath
around my forehead, grown cold and dark.

Keeping my earthly, my familiar look,
three long, three not-to-be-forgotten days
alone upon the table I will lie.
Pompous and solemn, the memorial mass
will be performed above me by the priest
and silently around me there will stand
my family, my enemies, my friends,

640 From the collection *Закат*, Paris, 1931.641 From the collection *Закат*, Paris, 1931.

all those with whom I lived and whom I'd met;
and the transparent pallor of her face
will lend an added beauty to my wife.

It all will be as I have always wished.

And only you will never have a chance,
in your great longing and your last despair,
to touch my hand, my all but living hand,
to touch already my unseeing eyes.

And even into the wide open church
you will not dare to enter with the rest.
But, waiting for me somewhere on the way,
pressing your hand over your pain-stilled mouth,
you will observe my coffin floating past
silently, in the mist, without a trace...

And at that moment the dead heart in me
will suddenly, in mortal pity, shake,
and you will clearly hear the distant beat
—the beat, so long familiar, of my heart.
But people will not hear a sound.

[1930s]

642

Окончено стихотворение

At last the poem is completed.
The soul is void, the soul is light.
The hand that holds the pen is shaking
as from a giddiness of flight.

The world of phantom, barely seen,
swaying, recedes into the gloom;
out of the darkness Earth arises
steadfast and ponderous as doom.

As only on a sheet of paper
a mark, unsure and indistinct,
reflects the light which fell from heaven
in smallest drops of drying ink.

And now the heart beats faster, weary,
as if beyond some starry goal
running across the plains of heaven
the body too had chased the soul.

[1960s]

643

Стихи о звезде

Burn in the foggy whiteness, burn,
burn in the fog of icy skies,
lighting the murky twilight stillness
with your bright body as it flies.

And soaring from the crowded heaven,
enter my crowding prison walls
through the slit window, like a bird,
to visit me when evening falls.

Soaring above decay and coldness,
incomprehensible, though near,
glide, circling from the vaulted ceiling
down to the dusty corners here,

that—even for the briefest moment!
and though I burn my fingers through—
I am allowed, in sweetest torment,
to touch the body that is you.

[1960s]

644

Enormous world, embraced by sleep and dusk,
in which we live so close we gasp for breath
not guessing the beginning or the end,
dreaming of happiness which conquers death.

This indestructible, poor mortal land!
But close your eyes: another lies beyond—
A world in which you are a midnight star
immobile in its speechlessness and bright,
—a world in which I am a limpid pool
whose face reflects your ever-shining light.
Above this world, that other will appear—
that's quite transparent, and quite simply clear.

[1960s]

645

Как лебедь медленно скользящий

A graceful swan that's slowly gliding
upon the mirror of the lake,
a falcon in the clouds abiding—

643 From the collection *Наводне*, Paris, 1938.

644 Poem not found in a collection of this poet; presumably translated from a publication in a Russian émigré newspaper.

645 From the collection *Закат*, Paris, 1931.

my dream-invented world is riding
in phantom imagery's wake.

Between its wings, unfurled and gleaming,
I slowly drift, not knowing where,
sweetly and languorously dreaming,
regretting nothing, nor redeeming,
melting in this transparent air.

And this prophetic voice of mine,
voice of my soul in dream's embrace,
above abysmal darkness flying,
is echoed hollowly, and, dying,
it disappears without a trace.

[1960s]

646

They will live very crowded—this Earth like a jail they will crowd,
God and hell and eternity even they all will deny,
and their houses of steel and concrete will reach up to the cloud,
and a huge zeppelin to the farthest planet will fly.

And when over this world that is whirling the trumpet does sound,
and the firmament over this Earth opens wide like a gate,
and the lights all go out, and the graves open up in the ground,
none will then understand what is meant or believe anymore.

[1960s]

647

В полночный час, когда луна

At midnight, when the pallid moon,
shivering as from cold and pain,
within its bluish aureole
soars upward past your windowpane,

when burnt by the celestial cold
silently floating in the dark
its rays that shimmer in the night
are barely heard above the park,

then, through the stillness and the dream,
in all your grief of long ago,
you will approach your windowsill
and push the panes apart and go

646 Poem not found in a collection of this poet; presumably translated from a publication in a Russian émigré newspaper.

647 From the collection *Наедине*, Paris, 1938.

out of the darkness gliding up
 a path by human eyes unseen
 on which your foot will never slip
 nor will you falter or careen.

And in the ringing solitude
 with hand outstretched and sleeping eyes
 heavy and cumbersome and slow
 above the darkness you will rise

until from out the icy space,
 the earthly blackness void and still,
 some reveller's nocturnal voice
 suddenly rises sharp and shrill.

Then, jolted, will the heavens rock
 and swim, and lights go out that shone,
 and dead onto the stones below
 the moon will tumble like a stone.

[1960s]

В. Сумбатов (1893–1977)

Russian émigré poet

648

Гиперборей

Akhmatova, Ivanov, Mandelshtam—
 forgotten notebook I have rescued here—
 “Hyperboreus”—home for transient verse
 of youthful poets in that happy year.

I found it at the bottom of a trunk
 among my dusty archives' lost retreat.
 And forty year—is that not ancient yet?
 To have survived so long—not yet a feat?

“October. Notebook Eight. Nineteen Thirteen.”
 Year of the sunset, last bright, carefree year.
 For all that followed was not life at all,
 but time of reckoning, reprisal, fear.

This notebook—witness of a golden age,
 these pages—that escaped the lethal stream!
 I open it, I read—my eyes are wet,—
 how young the poems, young the poets seem!

648 From the collection *Смехоморепенин*, Milan, 1977.

And I—how old! How wasted all these years!
 How dark ahead—what emptiness behind!
 What awesome thought—that not a trace of me
 will anyone, in any notebook find!

1 Nov. 1966

Видение

649

To Mary Vezey

The street lamps shed their meager light,
 mist wove its wisps about the town,
 a chilly twilight shuttered tight
 all windows, drawing curtains down.

Then, growing white, not vapor-soft
 but heavy, like a lowered load,
 dusk let a fragile hoarfrost waft
 onto the sidewalks and the road.

November midnight: winter's eve,
 a helpless longing, taut distress
 of autumn strings in mute reprieve,
 leave-taking, but without redress...

A sketch from nature?—No: the time
 was filled with flowers, springlike-bright,
 when suddenly the poet's mind
 envisioned this November night.

About him warmth and sunlight shone,
 young foliage gleamed, birds flitted, gay,
 everything bloomed,—his soul alone
 had left this blossoming of May.

He roamed along deserted roads,
 where street lamps shed their meager light,
 where mist in pungent smoke-rings rose,
 where hoarfrost tinged sidewalks white.

5 Dec. 1967

650

ПАМЯТИ ЮНОСТИ

We parted at an early date,—
 youth,—in the blackest year of war,

649 From the collection *Прозрачная тьма. Стихи разных лет*, Livorno, 1969.
 650 From the anthology *Содружество*, Washington, 1966.

though we had been fast friends before,
still, friendship cannot conquer fate.

Our parting came at night, when skies
were dark above the steppe. Your way
was down the trail to yesterday,
and never once you raised your eyes.

Night quenched the heat, and scattered far
the glare of sunset; and the grass,
its strings by twilight winds harassed,
moaned in the steppe like a guitar.

And from afar I could discern
a voice that sang for me alone
that all my happy days were gone,
that you were never to return.

1967

Юрий Терапиано (1892–1980)

Russian émigré poet

651

Куда ни погляжу, везде

No matter where I look, I find
dimensions perfect everywhere:
a star is wondrously designed,
crystals are regular and fair.

Foolish, the beating heart, alone,
is not concerned with star or beam;
it will not cease to long and moan,
it's built on quite a different scheme.

[1960s]

652

Поднимись на высокую гору

Climb atop of the loftiest mountain,
gaze about from the peak where you stand
toward the sheen of the sunset in autumn,
and the sweep of the far land.

There is soundless music around you,
contemplation and stillness are deep.

651 Poem not found in a collection of this poet; presumably translated from a publication in a Russian émigré newspaper.

652 Poem not found in a collection of this poet; presumably translated from a publication in a Russian émigré newspaper.

It is evening. Mountain ranges
darken, waiting for quiet and sleep.

[1960s]

Марина Цветаева (1892–1941)

Russian émigré poet

653 Черная, как зрачок, как зрачок сосущая

Black, like the pupil of an eye, like the pupil, sucking
light—I love you, vigilant night.

Give me voice to sing of you, oh original mother
of songs, holding the reins of four winds in your palm.

Calling you, glorifying you, I am only
a sea-shell, where the sound of the ocean has not yet been stilled.

Night! I've already looked long enough into the pupils
of man! Now reduce me to ashes, oh black sun,—night!

[1960s]

654 Знаю, умру на заре! На которой из двух

I know I will die at dawn, or at sunset—which of the two,
at which of the two—this cannot be foreordained!

Oh, if it only could be that my torch would be dimmed
both at sunset and sunrise, together, at once!

Dancing I walked over Earth!—the sky's own daughter!

Full of roses, my apron! Never a broken twig!

I will die at sunset or dawn! God won't send
the night hawk for my soul—the soul of a swan!

Moving the unknissed crucifix gently aside with my hand,
I will rush toward the generous sky for the ultimate greeting.

A slit of the dawn—and a slit of my smile in reply ...

... In the hiccough of death, a poet still,—I!

[1960s]

655 На кортике своем: Марина

On your dirk you etched "Marina"
when rising for the strife.

I was the first and only one
in all your splendid life.

I see the army boxcar hell,
that night, your radiant face ...

Your curl I scattered to the winds,
your patch I laid in a secret place ...

[1960s]

let the worlds turn—
 we will keep our hold;
 and ribs so strong
 they'll stand all pain
 and remember the Kingdom
 even when slain;
 You lifted Your likeness
 to the sky
 since Your faith in Your likeness
 wouldn't die.
 They give us breath
 and give us sweat
 enough to bear
 Your bounty yet!

[1960s]

Владислав Ходасевич (1886–1939)
 Russian émigré poet

661

Музыка

All night a snow-storm raged, but day broke calm and clear.
 A Sunday laziness pervades my body still,
 the Sunday service in the nearby church
 is not yet over. As I step outside
 into my yard, how small things are: the house,
 the smoke that curls above the roof! The rose-
 -and-silver of the frosty air—it lifts
 its pillars over houses towards the sky's
 high cupola, like wings of giant angels.
 Sergei Ivanych, my fat neighbour, too,
 all of a sudden seems so very small.
 In high felt boots and lumber-jacket. Firewood
 is scattered all around him in the snow.
 As with both hands, and obviously straining,
 he lifts his heavy ax above his head,
 and yet the striking of his hits
 is not too loud: the sky, the snow, the cold
 absorbs the sound... "A happy Sunday, neighbour."
 Says, "Ah, greetings." So I too set out
 my firewood in my yard. He hits, I hit! But soon

661 From the collection *Тяжелая лира*, Berlin, 1923. Variant in the thirty-seventh line in the manuscript: "but doesn't want to keep too from hearing."

I tire of chopping and I straighten up
and say to him: "Hold on a minute, now,
—I hear some music?" Sergei Ivanych
stops working, lifts his head a little way
and listens, though he doesn't hear a thing.
"You just imagined it," he tells me. "Really—
just listen hard. To me it sounds quite clear!"
Again he listens. "Could it be perhaps
a military funeral? Yet truly
I still hear nothing." But I don't give up:
"Good gracious, now it's perfectly distinct.
The music seems to come from up above.
Violoncello...and perhaps a harp...
How beautifully played! Please stop that noise."
And once again my poor Sergei Ivanych
stops splitting wood. He doesn't hear a thing
but doesn't want to interfere with me
and doesn't wish to show me his annoyance.
Amusing; stands there in his yard, afraid
to interrupt the silent symphony.
I finally take a pity and declare:
"It's over." And again we both pick up
our axes. Bang! And bang again! The sky
is still as high above, and as before
feathery angels shine and glimmer in it.

7 Sept. 1967

Chinese into Russian (from English translations)

Anon

662

Riding the Moonlight

С высокой вершушки горы звезда
скатилась на запад — далеко, туда.
Внизу, где блеснувшая речка видна,
восточная выплыла тихо луна.

Растрелан, по ветру откинув полу,
я еду в прохладную добрую мглу.
Ласкающий ветер несет аромат,
и ярко деревья росой блестят.

Роняя виденья с ветвей при луне,
вздохнут они лютне, зачем ты во сне?
Беззвучно на лютню рука упадет.
„Ведь я твоя лютня” — мне сердце шепнет.

29 марта [1929 г.]

663

Lines from the Tomb of an Unknown Woman

Мать жалости, услышь! Молюсь,
чтоб больше в вечном возрожденье
не рвалось сердце — ни в селеньи
земном, ни за безветреной рекой,
где праведных покой;
пусть, не живя нигде, я дальше все несусь.
Но если, по закону Кармы, я
должна вернуться в прах для бытия,
дай каплю мне твоей росы из ивняка,
и в лотосе, на дне цветка,
мое сердце сбереги во сне.

1 ноября [1929 г.]

662 Comment by Mary Vezey: "From the Sung Collection."

663 Comment by Mary Vezey: "From the Fukiu mountain district of So-Chau, Kiangsu Province. Many centuries old."

Ou-yang Xiu (1007–1072)

664

Return

Ты знаешь — вдалеке,
 когда вино зардеет на реке,
 за сотни верст, тебя я вспомню, друг,
 в последнем уголке земли, — и вдруг,
 ради тебя, вся — золото, весна
 в дверь сердца моего возвращена.

1 ноября [1929 г.]

665

Songs of Night**I**

Плывущей толпой
 рожденные луной
 бросают тучки тень
 на белую ступень;
 и лунные пути слились
 в одну серебряную высь.
 Но верно кто прочтет
 тайну, что ночь несет?

4 ноября 1929 г.

Su Dongpo (1036–1101)

666

Одетые сказочно, девушки в алом ушли,
 но в сердце моем их свирели оставили след:
 их нежный напев улетел в облака от земли.
 Плясавших мечтательно тоненьких девушек нет.

29 марта [1929 г.]

Du Fu (712–770)

667

The Ghost Road

Как шопот, ветер в соснах шевелится,
 река, как будто пояс, вьется там.
 Мои шаги вдоль древней черепицы
 пугают серых крыс по сторонам.

Похожие на дым лиловый, встали,
 я вижу, духи, и средь тишины

664 Attributed in the manuscript to Ou-yang Xiu.

666 Attributed to Su Dongpo.

667 Original attributed to Tu Fu in the manuscript.

на том пути забытом зазвучали
и вздохи и слова, едва слышны.

И много тысяч странных голосов
из пустоты в один напев слились.
И листья, пестротой своих ковров,
для привиденья осени сплелись.

Так легион умерших проходил
столетьям улетающим во след.
Я этот марш бы песней заглушил,
но кроме слез во мне и песен нет.

29 марта [1929 г.]

Wang Anshi (1021–1086)

668

At the Parting Ways

Ветер с запада воду рябит,
красный цвет опадает с ветвей,
расставанье с тобой возвестит
серенада на лютне моей.
Так, на востоке от гористой страны,
будут песни разлуки слышны.

29 марта [1929 г.]

Wang Wei (699–759)

669

While Roses Fall

Заря за зарю — последнюю ближе несет.
О, так бесполезен весны этой робкий приход!
Достань же вина, и сегодня — бокал наливай.
Пусть розы и ночь упадают,
А ты — забывай.

29 марта [1929 г.]

668 Attributed to Wang Anshi in manuscript. Variant in the fifth line in the manuscript: "Так, к востоку от горной страны."

669 Variant in the third line in the manuscript: "Достань же вина, и сегодня — бокал наполняй."

Chinese into English (from Russian translations)

Anon

670 The Great Mercy, Great Pity, Goddess of the Southern Seas

Kuan Yin, o compassionate light that enlightens the world,
Wisdom that pierces all shadows, subduing all evils!

Kuan Yin, who protects us in danger, in suffering, pain, and in death—
O, Thou of the purest regard that watches all beings below,
Hears all the sounds of the world and extinguishes hatreds and discords,
Kuan Yin, may I think of thee always, so saintly, so pure and so kind,
Be my support and my strength, and help me fulfill all my duties,
See—I am kneeling before thee, invoking thee, Ocean of Pity!

[1920s]

670 For Kuan Yin see note on poem 535.

Korean into English (from Russian translations)

У Тхак (XIV в.)

671

Так было со мной

Behind the door the candle is rapidly melting,
From whom has it parted?
Why must it weep wax tears
If the heart inside it is burning?
This candle reminds me
Of that which has happened to me.

[1960s]

Шэ Ик (XIV в.)

672

Думаю о любимой

Where the rivulet runs through the green of the cove,
I roam, like a horse without saddle or rein.
I look to the north and think of my love
With longing and pain.

The sun has departed and shadows descend.
My sorrow alone does not end.

[1960s]

Ан Чи Ен (XIV в.)

673

Забилось сердце весны

The north wind roams the land,
Sweeping the snow in drifts;
Bleakly the peach trees stand,
its frozen boughs each lifts.

But is useless for the wind to blow:
Hear now Spring's heartbeat underneath the snow!

[1960s]

The translations in this section all come from poems originally printed in *Корейские шедевры*, Алма-Ата, 1956. Poems 683–688 come from the cycle “Девять косанских песен,” 691–695 are from the cycle “Песни о пяти друзьях,” 696–699 from the cycle “Новые песни гор,” and poem 700 from the cycle “Весенние песни рыбаков.” The explanations of Korean place names and words are those of the Russian translators, A. Zhovtis and P. Pak Jr.

671 Variant in the second line in the manuscript: “Has it parted from someone?”

Тен Мон Дю (XIV в.)

674

Не замарай себя

White seagull, turn away
 from the black ravens' fray:
 let them unsnarl
 their ugly quarrel.

You, washed with azure spray,
 don't soil your white apparel.

[1960s]

Ю Ын Бу (XV в.)

675

По поводу резни в Сеуле

In the night a storm passed;
 Ice caked the earth.
 An angry wind
 Broke the tall young pine saplings.

Flowers that had not yet opened
 Will never be blooming now.

[1960s]

Пак Пхэн Нен (XV в.)

676

Оно не изменяет цвета

Powdered with falling snow,
 the crow turns white;
 the moon's translucent glow
 pales the black night.

Only a loving heart that constant stays
 will never change its color through the days.

[1960s]

Сен Сам Мун (XV в.)

677

Чем бы я хотел стать после смерти

What will become of me
 after I die?

Standing on the top of Mount Pon-ne-san

675 This poem speaks about the time of terror during reign of King Sedyo in the 15th century.

677 In ancient Korean tales Mount Pon-ne-san is a Mountain of Happy Grasses, where the grass of eternal youth grows.

I want to be a tall, straight pine tree,
 So that my green crown
 May reach the grey sky
 Even in winter.

[1960s]

Воль Сан (XV в.)

678

Когда не клюет рыба

Over the autumn river
 The cold night breezes play.
 No matter how often I cast my line,
 I can catch no fish today.

I have only loaded my sorry sloop
 With all the moonlight I can scoop.

[1960s]

Ким Ден Се (XIV в.)

679

Я не смог им дать приют

I built a three-room hut of clay
 To dwell in, with my friends;
 One for myself, one for the moon,
 The third one for the winds.

Only the distant mountains must remain
 Under the open sky and autumn rain.

[1960s]

Хан Хо (XVI в.)

680

В гостях

I do not need a straw mat—
 I can sit on the fallen leaves.
 About the lighting do not worry either—
 The half moon soon will light the sky.
 Why complain about the modest fare!
 Bring it—I am not a demanding guest.

[1960s]

678 Variant in the manuscript: "Over the chilly autumn stream / Evening breezes play. / No matter how often I cast my line / I can catch no fish today. / I have only filled my sorry sloop / With all the moonbeams I could scoop."
 679 Variant in the manuscript: "I made three rooms of clay / For myself and for my friends. / I live in one, the moon in another, / and the free wind in the third. / But the hills stayed alone / Under open skies in autumn rains."

Тьо Сик (XVI в.)

681

Выбор

Life, like a tortuous river, has led to divided streams:
 clear blue sky and the peach's gentle blossom gleams,
 reflected, as if in glass, in the limpid surface of one,
 while tossing in storm and fury, the other hurtles on.
 How can I seek then, carefree, the Inlet of Greatest Peace,
 now that over my country the war winds never cease? [1960s]

Ли И (Юл Гок)

682

Вступление

No one knew until now that there were in the world
 such corners as Kosang
 where my hut stands on the seashore,
 where my friends now like to visit,
 while I read the works of Chu Hsi,
 imagining my self in Mu Yi. [1960-е гг.]

683

Вверх по реке. У первой излучины

The sun comes up over the Rock of Dawn—
 how beautiful is the Igok First Bend!
 The mist has flown from the dewy meadows,
 and the mountains have appeared on the horizon.
 Having put a jug of wine in front of myself,
 I sit under the pines and await my friends. [1960-е гг.]

684

У второй излучины

Everything has begun to bloom
 on the hill of Awakening.—
 How beautiful is the Igok bend!
 The petals of spring flowers float down from the knoll
 on the waves that retreat into the sea...
 People will know about this now—from me. [1960s]

682 Kosang is a coastal region in Korea; Chu Xi (1120–1188) was a Chinese Confucian philosopher, and Mu Yi his native village.

683 Igok was the First Bend in the river and the place name. Variant in the fourth line in the manuscript: "And the mountains have floated up on the horizon."

684 Igok was the Second Bend in the river.

685

У третьей излуцны

The woods are screened by the Green Curtain.—

How beautiful is the Samgok bend!

Birds sing fantastic songs!

A duet down below, a trio—from above,

And the wind, with a pine-tree brush,

paints the picture of summer in the blue sky.

[1960s]

686

У четвертой излуцны

The sun sets beyond the Pinetree Fan.—

How beautiful is the Sagok bend!

The mirror smoothness of the water

Reflects the mountain tops and stately woods,

And a hundred hues of the sunset... I look

And a feeling of wonder fills me to the brim.

[1960s]

687

У пятой излуцны

The Forest Screen breathes of pine.—

How beautiful is the Ogok bend!

A little house stands here, clean and orderly,

As if it had bathed in spring water.

I know: alone in it, one can

sing the enchantment of the moonlight night.

[1960s]

Де Хен (XVI в.)

688

Милый меня покинул

The raindrops are falling, falling on the smooth lake surface,

the willows, the weeping willows are wrapped in silent mist.

Where shall I look for you, my young fisherman?..

A lonely skiff presses its stern to the shore.

Dusk has settled upon the lusterless water.

A white gull darts aimlessly back and forth...

[1960s]

685 Samgok was the Third Bend in the river.

686 Sagok was the Fourth Bend in the river. Variant in the fourth line in the manuscript: "Reflects the mountain tops and majestic woods."

687 Ogok was the Fifth Bend in the river. Variant in the fifth line in the manuscript: "The Forest Screen breathes of resin."

688 Variant in the fifth line in the manuscript: "Dusk has settled upon the darkened water."

Ли Мен Хан (XVI в.)

689

Все прояснится к рассвету

Wait. I am still holding your hands.
 Don't push me away, don't leave!
 I see the night descending, the night of parting,
 upon the flowers and trees of the garden.
 But the [stub] of the candle will flicker on till morning,
 and all will be clear by sunrise!

[1960s]

Юн Сен До (XVII в.)

690

Вступление

Exiled by enemies to bleak Kangho,
 In loneliness, five faithful friends I found:
 Water, Bamboo, a Cliff, a Pine, the Moon
 that rises over yonder Eastern Mound.
 No calumny can sway them toward betrayal:
 In lofty friendship they will never fail.

[1960s]

691

Вода

I love the blue sky,
 but in the sky dark clouds are born.
 I love the impetuous wind,
 but the wind is changeable...
 Only you, Water, always
 carry away my sorrows.

[1960s]

692

Утес

How beautiful were the flowers!
 But now they have lost their petals.
 The lush, bright-colored grasses
 Have also dried and withered.

689 A space is left in the manuscript for the translation of the Russian word "ogarok" in the fifth line: "Но огарок свечи до утра додымится."

690 Variant in the manuscript: "Exiled by enemies to far Kangho, / In loneliness five loyal friends I found: / Water, Bamboo, a Cliff, a Pine, the Moon / That rises over yonder distant mound, / No calumny will sway them to betrayal, / In lofty friendship they will never fail."

Only you, in your modest grey garment,
Granite cliff, have remained the same! [1960s]

693

Сосна

The warm days are over,
the trees have lost their leaves,
but angry winter storms
fail to scare you, Pine—
deep into the earth
your stubborn roots are grown. [1960s]

694

Месяц

Shining upon ten thousand things
you pass over the world, Moon,
and your bright gaze penetrates
into the depths of a darkened heart.

Thus silently into my eyes
gazes my closest friend. [1960s]

695

Безмятежность

In the mountains I built my *chihbi*
Of clay and of willow branches,
And the valley people are mocking
And laughing at my idea.

They do not know I have found
Freedom from care in the *chihbi*. [1960s]

696

Любуюсь дальней горой

Alone on a moonlight night
I gaze at a distant mountain.
The mountain is more perfect than my love
from whom I have parted:

The mountain is silent,
and no one will make us quarrel. [1960s]

695 The word "chihbi" means a hut.

697

Я делаю нужное дело

The creator may think
that I've no desire to work
for the good of myself and of others...
But I'm doing something important:
having left the malicious, the knaves,
I'm standing guard over nature.

[1960s]

698

В ветренный вечер

Close the door tighter,
and blow out the candle...
I'm very tired, my friend,
I'm going to fall fast asleep.
But should a welcome guest
arrive,—awaken me.

[1960s]

699

Образ родины неизменен

Leaves, falling, wilt and dry;
its petals drops the flower,
and sap-filled grasses die
on scheduled hour.
Alone, the image of my land stays bright
through autumn days as on a summer night.

[1960s]

Ден Он (XVII в.)

700

Гляжу на море

Close your book and open the window wide,
look: the ships are sailing away to sea.
The white gulls are following after them.
White seagulls! If we could also sail
far away to some peaceful harbor,
where there is no vain glory,
where friends alone await me.

[1960s]

Син Хым (XVII в.)

701

Вдвоем с единственной своей подругой

Snow has blanketed our village.
It has blocked every road and trail.
My gate is snowbound. No friend

will knock on it. By the window
I'll spend this night with my only
friend—

the moon.

[1960s]

Ким Гван Ук (XVII в.)

702

Сомнение

I've left all thought of riches,
I've left all thought of glory,
I've left all thought of happiness,—
I've left all thought of myself...

So after I die
would anyone think of me?!

[1960s]

703

Природе целомудренной и целой

I am the lord of the streams and the green hills
scattered over the width of the Earth,
of pure and [untouched] nature.
No one can compete with me,
because, unlike the rich,
I keep my possessions in my soul.

[1960s]

704

Пусть тает снег и в моем дворе

The hills are green once again,
and snowdrifts on all the roads
have been thawed by the east wind,
yet dark mounds still remain
in the corners of my yard...

Isn't it time for them
also to melt away?!

[1960s]

Ким Су Дян (XVII–XVIII в.)

705

Крестьянское счастье

I arose at dawn and went to feed the cattle.
Three or four stars were burning above the plain.

703 A space is left in the third line in the manuscript for the translation of the Russian word "целомудренный."

In the blue-white sky, the edges
of the clouds were turning to gold.
And I thought: this brief moment holds
all of a peasant's joy, all of a peasant's peace! [1960s]

Юн Ду Де (XVII в.)

706

Подумай об этом

At the edge of the road
the feet of many travelers
have trampled into the mud
a piece of jade.
A long, long time life trampled it there...
But the jade
never turned into mud! [1960s]

Дю И Син (XVII в.)

707

Сохраняй к нему уваженье!

You can turn your nose up to look
haughtily at the sky;
you can stamp your foot in anger
at the indestructible Earth.
But the world is enormous and beautiful—
keep your respect for it! [1960s]

Ким Дин Тхэ (XVII в.)

708

Чего я хочу

My time flows like water.
But before all my hair turns white,
before I find eternal peace,
before my life is over,
one thing I want: to serve
my country and my neighbors. [1960s]

Ким Сам Хен (XVII–XVIII в.)

709

Советы эти не для меня

They say, there's no joy in fame,—
 they say,—so do not seek it;
 nothing is sadder than losing your wealth,—
 they say,—so take no pride in wealth.
 So they say... But what is that to me?
 —All I possess is a body and soul.

[1960s]

Ли Ден Бо (XVIII в.)

710

Мечта у меня такая

This is a dream I have:
 I want to become a pair of wings
 to fly high up in the sky
 to sweep away the dark clouds
 that have gathered over the Earth
 between the people and the sun.

[1960s]

Неизвестный автор

711

Каждый—своей тропой

The hill is green in its own way,
 The water is blue in its own way.
 For each his own law.
 Among the green hills and blue rivers
 Man follows his own trail
 Onward and onward—towards death.

[1960s]

712

В часы бессонницы

The outer gate is tightly shut,
 the courtyard gate is bolted,
 the padlock is on the door.
 Then how did you manage to enter
 in the sleepless hours of the night,
 sadness,—torturing me?

[1960s]

713

Каковы у любви очертанья

Who will explain what love is like?
 How is it measured from end to end?
 Is it round, like the moon?
 Or does it have four corners?
 I cannot discern its shape!
 The beginning and the end of love are hidden in the fog. [1960s]

714

Ошибка

A shadow flitted past my window—
 I ran to greet my love,
 but it was only clouds
 that, passing in the sky, brushed against the half-moon.
 All was still. And no one saw
 my embarrassment at that moment! [1960s]

715

В пути

The birds hurry into their nests for the night.
 Bright-faced, the moon appears in the heavenly plain.
 You, there, monk, crossing the bridge alone over
 the darkening stream,
 How far to your monastery?
 It seems that I hear the soft peal of a temple bell
 in the twilight silence. [1960s]

Bibliography

English

"College Graduate Writes Book of Poems in Russian," *Claremont Courier*, Claremont, California, 20 March 1930.

Olga Bakich and Carol Ueland, "The Eastern Path of Exile: Russian Women's Writing in China," *A History of Women's Writing in Russia*, edited by Adele Marie Barker and Jehanne M. Gheith (Cambridge University Press, 2002), pp. 153-174.

Russian

Бакич. Ольга, „Мария Визи.“ *From the Other Shore*, No. 4, 2004, p. 73–91. [Olga Bakich, "Mary Vezey."]

Бакич. Ольга. „Мария Визи. Творческий путь поэта России. Китая и США“. *Новый журнал*, No. 227, 2002, с. 219–243. [Olga Bakich, "Mary Vezey. Creative Path of the Poet of Russia, China, and the USA," *Novyi zhurnal* [New Review], New York, No. 227, 2002, p. 219–243.]

Бакич. Ольга, „Мария Визи – поэт России. Китая и США“, *Revue des Études Slaves*, Paris, LXXIII/2-3, 2001, p. 373–386. [Olga Bakich, "Mary Vezey – a Poet of Russia, China, and the USA."]

„Библиография. М. Визи. Стихотворения т. II.“ *Эмигрантская мысль*, Шанхай, No. 3, 1936. [“Bibliography. M. Vezey. “Poems, v. II,” *Emigrantskaia mysl'* [Emigré Thought], Shanghai, No. 3, 1936.]

Голенищев-Кутузов. Илья, „Русская литература на Дальнем Востоке.“ *Возрождение*. Париж, 21 января 1932 г. [Il'ia Golenishchev-Kutuzov, "Russian Literature in the Far East," *Vozrozhdenie* [Resurrection], Paris, 21 January 1932.]

И.Ф., „Эмигрантские писатели на Д.В.“, *Русские записки*. Шанхай-Париж, No. 1, 1937, с. 322–330. [I.F., "Émigré Writers in the Far East," *Russkie zapiski* [Russian Notes], Shanghai-Paris, No. 1, 1937, pp. 322-330.]

Крузенштерн-Петерец. Ю., „Чураевский лигномник (О дальневосточных поэтах)“, *Возрождение*, Paris, No. 204, 1968, с. 45-70. [Yu.V. Kruzenshtern-Peterets, "Churaevka Nursery (On Far Eastern Poets), *Vozrozhdenie* [Resurrection], Paris, No. 204, 1968, p. 45-70.]

Крузенштерн-Петерец. Ю., „Третья книга Марии Визи“, *Новое русское слово*, Нью-Йорк, 23 сентября 1973 г. [Yu. Kruzenshtern-Peterets, "Third Book of Mary Vezey," *Novoe russkoe slovo* [New Russian Word], New York, 23 September 1973.]

Логинов. Василий. „Книжные новинки. М. Визи. Харбин. 1930“, *Рубеж*, Харбин, недатированная вырезка, 1930. [V. Loginov, "New Books. M. Vizi. “Poems.” Harbin. 1930”, *Rubezh* [Border], Harbin, undated cutting, 1930.]

„М. Визи. Стихотворения. II.“ *Новый путь*, Шанхай, 24 мая 1936 г. [“M. Vezey. Poems. II,” *Novyi put'* [New Way], Shanghai, 24 May 1936.]

- Несмелов, А. „Интересная книга. „Стихотворения“ М. Визи“. *Рунор*. Харбин, 15 августа 1929 г. [A. Nesmelov, "An Interesting Book. "Poems." M. Vezey," *Runor* [Mouthpiece], Harbin, 15 August 1929.]
- Н.Р. [Н. Резникова], „Книжные новинки. М. Визи. „Стихотворения. II“, *Рубеж*, No. 27, 27 июня 1936 г. [N.R. [N. Reznikova], "New Books. M. Vezey. "Poems. II," *Rubezh* [Border], Harbin, No. 27, 27 June 1936.]
- Павлович, А., священник. „Книжная полка. М. Визи. Голубая трава. Третья книга стихов“. *Русская жизнь*. Сан-Франциско, 10 августа 1973 г. [Priest A. Pavlovich, "Bookcase. M. Vezey. Blue Grass. Third Book of Poems," *Russkaia zhizn'* [Russian Life], San Francisco, 10 August 1973.]
- Перелешин, Валерий. „М. Визи. „Голубая трава“. *Новый журнал*. Нью-Йорк, No. 114, 1974 г., с. 248–249. [Valerii Pereleshin, "M. Vizi. "Blue Grass," *Novyi zhurnal* [New Review], New York, No. 114, 1974, p. 248-249.]
- Петров, Виктор. „Памяти Муси Турковой (поэтессы Мэри Визи)“. *Русская жизнь*. Сан Франциско, 9 ноября 1994 г. [Victor Petrov, "In Memory of Musia Turkova (Poet Mary Vezey)," *Russkaia zhizn'* [Russian Life], San Francisco, 9 November 1994.]
- Терапиано, Ю. „Новые книги“. *Русская мысль*. Париж, 20 декабря 1973 г. [Ju. Terapiano, "New Books," *Russkaia mysl'* [Russian Thought], Paris, 20 December 1973.]

Index of First Lines and Titles

Numerals after entries in the indexes refer to the *numbers* of poems in this collection.

Russian

- А я видала дольней ночью 339
Август. Ночью летят метеоры 111
„Ангел” (Голубая луна поднимается круче и выше) 428
„Апрель” (Бывает тихий день такой в апреле) 430
Ах, этот дождь—зачем в июле льет? 380
- Бездомна ты? Войди в мой дом („Отверженности”) 436
Бежали в дождь, в слякоть („Гибель”) 423
Белая апрельская луна 392
Беленькое платьице 207
„Бессонница” (Ночные мысли) 444
„Бессонница” (Страшные звезды, огромные белые звезды) 464
„Биография” (В Финляндии шумели сосны) 480
Бледных звезд мелькнула позолота 332
Блестят коричневые лики 204
Блестят облака все так же жемчужно („В парке”) 462
Богобоязненный и смелый Лот („Жена Лота”) 377
Боже, той игры, что Ты мне задал 48
Болезненные жизненные шутки 116
„Борису Пастернаку” (Никогда не жила в Подмоскowie) 237
Бродили у башни древней 443
Бросишь круглый камешек в пруд („Круги на воде”) 425
Будет, будет день благословенный 109
„Будет дождь” (Подожди немного, будет дождь) 231
- Бывает тихий день такой в апреле („Апрель”) 430
Был океан суровый цвета стали 482
Был сад. Мы проходили мимо („Цветы”) 435
Были песни твои веселы 51
... было небо 360
Было тихо, так тихо печальное синее небо („Ноктюрн”) 370
- „В альбом” (Друг мой, когда пронесутся года) 255
„В альбом Клавье Морозовой” (Что желаю тебе? Ведь неведомо мне) 248
В белой комнате сидели люди („В приемной”) 472
В Великий пост я буду в черном 177
„В веселом саду” (В веселом саду серебрятся фонтаны”) 429
В веселом саду серебрятся фонтаны („В веселом саду”) 429
В воскресенье, к старой гостиной („Именины”) 406
В высоком, тихом ивовом саду 14
В глухой и темной глубине 484
В голубом гробу („Смерть”) 337
В голубом новоселье 108
В городах столичных и уездных 461
В городских переулках глухих („Улица забытых шагов”) 242
„В госпитале” (Коридоры в палатах еще пусты) 398
В далекий путь уехал воин 205
В деревенской церковке темно 447
В жизни надо быть очень твердой („Моим друзьям”) 396

- „В Западных горах” (Гроздья красных предосенних ягод) 471
- В каньоне высокая пальма („Ноктюрн”) 416
- В луне, как в зеркале, видны 354
- В небе лазурном высилась башня 333
- В незнакомых и серых и строгих 94
- В огромных 376
- В одном моем привычном сне 140
- „В парижском кафе” (Давид Рубинчик) 439
- „В парке” (Блестят облака все так же жемчужно) 462
- В позднем небе бледность опала („Наступление зимы”) 362
- В предрасветном розовом свете 403
- „В приемной” (В белой комнате сидели люди) 472
- В синем море есть дальние рифы 127
- В сумерки ветер с моря вставал („Шквал”) 235
- В твоём саду зеленый пруд („Сон”) 391
- В твоих глазах—высокне хоромы 182
- „В толпе” (Простые люди, серую толпой) 367
- „В траве” (Мягкая трава) 229
- В Финляндии шумели сосны („Биография”) 480
- В хрустальный гроб, с цепочкой драгоценной 37
- Вдруг—пахнет ягодами („Память”) 381
- Ведь в мире может быть уютно 27
- Ведь огни только в сказках горят 33
- „Верба” (Третий год у моих ворот) 466
- Верно, долго жить я не буду 26
- „Весна” (К городскому голому скверу) 378
- „Весна” (Потела мягкая земля) 363
- Ветер, ветер, печаль развей 455
- Видишь, звезда унала? 112
- Видишь сонные блики луны? 146
- Видишь, я сегодня горда 88
- Вижу ночью—черная долина 309
- Внезапно вышла в жизни перемена 366
- Во славу будущей России („Скауту”) 252
- Вода в ручье струится. А на дне („Стихи”) 384
- Вода из камня сверкает („Чоргово озеро”) 40
- Возьми меня в аэроплан 168
- Вот бредом пустым суходолом 222
- Вот и август уже растрочен 405
- Вот также отойдет и мой корабль 335
- Вот, ты ушел, и ты забыл, конечно 198
- Все вехи пали 467
- „Вскоре” (Поставят крест, пропоют „Аминь”) 452
- Вставали облака с востока 478
- Встревоженная тишиной? („Ночтурне”) 390
- „Встреча” (Ловила приметы, искала следы) 216
- Входила луна, было небо жемчужно 445
- Вы мимо пронеслись в автомобиле 114
- Вы не слышали ли мифа? („Этакая чушь...”) 399
- Вы пленять всегда способны 46
- Вы теперь—не вы, а древний сон 105
- Вьдь на дорогу 57
- Высоко на какой-то горе 371
- Высоко над землей вечерней 322
- Высохли ветки чахлах осин („На берегу”) 459
- Где встает триумфальная арка („Клошары”) 426
- Где опушкой кусты всколыхнутся 34
- Где скат косогора так зелен и ровен 355
- „Гибель” (Бежали в дождь, в слякоть) 423
- Глаза у тебя—стальные („Чужому встречному”) 404
- Глубоко в душе—часовня скрыта 260
- Глубокой ночью мне приснились сны 200
- Глубокой тенью гор лиловых 97
- Говорят, что на свете остались еще острова („Острова”) 214

- „Год 1937-ой“ (Душной ночью, погодой майской) 219
- Голубая луна поднимается круче и выше („Ангел“) 428
- Голубая птица улетела 71
- Голье ветки колотят по крышам 324
- Гора, покрытая ковром зари и юга 81
- Горек хлеб разлуки и утраты 382
- Горела звезда кристаллом („Звезда“) 221
- „Город“ (Золотые звезды с сучьев клена“) 357
- Горько пылают рябины прощальные кисти („Дача в Куоккала“) 228
- Гроздь красных предосенних ягод („В Западных горах“) 471
- Гроздь рябины краснели над серым забором („Ноктюрн“) 441
- Громады серые высоко к небесам 245
- Да, я зову тебя в бреду 179
- Давид Рубинчик („В парижском кафе“) 439
- Далеко от миров стоит священный трон 379
- Далеко паруса уходили („Ноктюрн“) 409
- Дальний берег синей реки 66
- „Дача в Куоккала“ (Горько пылают рябины прощальные кисти) 228
- Девочка плачет 345
- „Дерево“ (Здесь дерево высокое росло) 225
- Дни пройдут, и много новых дней 90
- Долго брели мимо чуждых становниц („Память“) 454
- Друг мой, когда пронесутся года („В альбом“) 255
- Духи гор по сопкам бродят („Ghost Dance“) 303
- Душной ночью, погодой майской („Год 1937-й“) 219
- Дуют, дуют белые метели 162
- Если ты уедешь на луну („О луне“) 234
- Есть в судьбе какая-то слитность 136
- Есть встречные немые корабли 22
- Есть Господь. Сердце ведает, молится („Молитва“) 62
- Есть короли заморские — седые 55
- Есть лестницы — по ним взойдешь несоро („Лестница“) 232
- Есть малый ларчик у меня 318
- Есть остров в океане. Ни коралл 10
- Есть синее море и за морем горы 158
- Есть сон: в нем все перемешалось („Lac Léman“) 393
- Есть такое сильное горе 307
- Есть темный грот в лесной глубине 4
- Есть тихий пруд в глубоких дебрях бора 58
- „Жена Лота“ (Богобоязливый и смелый Лот) 377
- Женщина в больнице умирала 448
- „Женьке“ (Отворила сердца ворота) 400
- Живи себе, живи... Войны не надо 373
- За бездомных, нелюбимых, сырых 427
- За городским голодным сквером 358
- За окном раскрывались сиявшие дали 194
- За рекою — отдаленный 16
- За серым рукавом залива („Шаншуй“) 387
- За твой привет и ласковость твою 195
- Закатный город мне шептал секреты 104
- Закинув в небо голубое 369
- „Заметка с фронта“ (Ребенок племени Ибо) 414
- Заперга, оставлена обитель („Brahms Symphony No. 1 in C-minor, opus 68“) 479
- Засверкал остроконечный месяц 372
- Затерялась, забылась где-то („Поэту“) 408
- Зачем так ясно-ясно-ясно 315
- Зачем ты, ангел, глядишь так строго 121
- Зачем ты помнишь обо мне? 175
- „Звезда“ (Горела звезда кристаллом) 221

- Здесь дерево высокое росло („Дерево“) 225
- Здесь народы в древности жили („Пропавшее племя“) 413
- Здесь слишком долго было тяжело 347
- Здесь у меня луна в тумане 107
- Здравствуй! Расскажи, ты будешь рад 294
- Змеяными бликами билась вода 133
- Знаешь, кто мы были за завесой 305
- Золотые звезды с сучьев клена („Город“) 357
- Золотые краски умирали 314
- Золотые самокаты сани 299
- ... и ах, не видят, идут, слепые („Мотив“) 411
- Иди за мной. Пусть горы, реки 348
- Иди, — ты хочешь, и я пойду 326
- Иду болотной дорожкой 35
- Иду одна. Большое поле 170
- Идут по большой дороге („Попутчики“) 239
- Из дальних стран какой-то добрый случай 304
- Из камня белого Каррары 82
- Из тишины, из темноты 186
- „Именины“ (В воскресенье, к старой гостини) 406
- „Иная зоря“ (Проходили высокой тенью) 412
- Искусство? О, оно недостижимо („Мысли“) 262
- К городскому голому скверу („Весна“) 378
- „К Лунному вечеру“ (Это не стихотворение, это музыка души) 275
- „К стихотворению Бальмонта „Ирландская девушка“ (О, я вижу ее, — как она на болото выходит) 269
- Как высоки бывают 336
- Как страшно знать, что в старом доме 340
- Как странно одиноки мы на свете 244
- Как черна душа моя сегодня 238
- Какие мокрые кусты 147
- Кармен! „Как много в этом слове 154
- „Картинка“ (Тихо капает дождик, стихая) 261
- Касаясь главою нависших ветвей („Черные лебеди“) 246
- „Кижиг“ (На севере есть просека) 218
- „Китайский пейзаж“ (Над зеленым каналом) 349
- „Клошары“ (Где встает триумфальная арка) 426
- Когда в открытое окно 8
- Когда на хмуром океане 74
- Когда от серой пыли тротуара 308
- Когда посылет снег, мелькая 42
- Когда потухнут на пути огни 193
- Когда-нибудь я брошу этот город 334
- Колокола звонили долгим звоном („Старуха“) 236
- „Контрабандисты“ (У них мешки за плечами) 475
- Коридоры в палатах еще пусты („В госпитале“) 398
- Красный козлак с зеленым 9
- Кричи, не кричи („Ноктюрн 2“) 223
- „Круги на воде“ (Бросишь круглый камешек в пруд) 425
- Кружевные фонтаны били 451
- Кто-то злобно вдребезги разбил 284
- „Легенда“ (Он от Ганга пришел в Европу) 214
- Лес золотится нечерней зарей в октябре („Октябрь“) 463
- Лес лиственный и вместе хвойный 188
- „Лестница“ (Есть лестницы — по ним взойдешь не скоро) 232
- Ловила приметы, искала следы („Встреча“) 216
- „Луна над Клермонтом“ (Пусть ты умер давно, я знаю) 243
- Луна — сегодня вечером рано 5
- Лунный вечер, сижу на качели 274
- Луч заката играет на пальме 187
- Любить тебя? Я вовсе не люблю 197
- Люблю тебя. Ты будь со мной всегда 374

- Мальчик с улицы, худой и жалкий 346
- „Маргаритки“ (Маргаритки растут у дороги) 256
- Маргаритки растут у дороги („Маргаритки“) 256
- Мелкено белые птицы от ценкой тра-
ва поднимаешь 93
- Меня к неласковой судьбе 20
- Меня тянет, тянет снова в горы 310
- Мечусь совсем неслепю, не пойму 421
- „Мимоходом“ (За твой привет и ласко-
вость твою) 195
- Мне вьсь далекая, туманная 283
- Мне город твой не нужен темный 95
- Мне сказали, что я побледнела 21
- Мне сообщили, — кто-то приходил 446
- Мне счастья не надо, — зачем мне оно?
254
- Мне черной ночью снится иногда 178
- Мне что-то грустно. Посидим вот здесь
474
- Мне чудесные силы знакомы („Сказ-
ка“) 287
- „Моим друзьям“ (В жизни надо быть
очень твердой) 396
- Мой бог — таинственная замкнутость
лесов 41
- Мой древний прародитель был Пенгун
329
- „Молитва“ (Есть Господь, Сердце ве-
ляет, молитесь) 62
- Молча я книгу ворожаю 286
- „Мотив“ (... и ах, не видят, идут,
слепые) 411
- Мы видели твою зарницу 87
- Мы куда-то шли и говорили („Послед-
нее свидание“) 394
- Мы не одни. Но нашим колеям 68
- Мы недоброй сказке не поверим 206
- Мы разошлись — и нет 295
- Мы с тобой бывали — как одно 297
- Мы с тобой пришли не отсюда 54
- Мы смотрели с высоты Salève'a
 („Salève“) 220
- „Мысли“ (Искусство! О, оно недости-
жимо) 262
- Мягкая трава („В траве“) 229
- „На берегу“ (Высохли ветки чахлах
осия) 459
- „На берегу“ (Ушел, блистая парусами)
169
- На берегу 293
- На горизонте неба я поймаю 106
- На дне глубоких призрачных озер 6
- На дне души своей ваш образ берегу
301
- На заборе сидели и каркали черные
вороны („Падал снег“) 241
- „На заре“ (Шли тройой лесных извилин
при луне) 483
- „На китайском хуторе“ (Точно
кружевом, одетый тинной) 350
- На мне кубочка в три вершка 53
- „На прощанье в альбом М.М.“ (Тебе
три раза я писала) 265
- На равнине черной печали („Поминки“)
477
- На севере есть просека („Киж“) 218
- На севере стоят большие скалы 165
- На синем небе белая звезда 171
- „На смерть друга“ (Никогда не пройдет
обида) 453
- Над головою смерть развесила 282
- Над зеленым каналом („Китайский
пейзаж“) 349
- Над Тобою голубь белый вьется 166
- Над улицей серой нависла туча („От-
цу“) 386
- „Налет“ (Три самолета помчались в
бой) 481
- Нам скорбь великая дана 180
- „Наступление зимы“ (В позднем небе
бледность опала) 362
- Не верь словам, не верь преданьям („О
вере“) 258
- Не забывай о том, что было („Себе“)
253
- Не гадай по моим рукам 311
- Не для того я быть поэтом 247
- Не думай о насущном хлебе 123
- Не надо 338
- „Не о себе“ (Помишу, Боже! Очень
трудно нам) 341

- Не рыдай о сосуде разбитом ("It is no use crying over spilt milk") 266
 Не смотри на меня, не смотри 163
 Не смотри напрасно на иконы 312
 Не уложишь в дарец драгоценный 213
 Небосклон темнеет поемногу („Старый волк“) 259
 Нелены в жизни перемены 211
 Нет, любовь сильнее, чем это 89
 Нет предела царственной печали („Офелия“) 359
 Нет, я тебя уже не вспоминаю 306
 Ни изменником не был, ни вором 226
 Ни поездом, ни вплавь, ни на верблюдах 401
 Ни покоя, ни отдыха нет 415
 Никогда не жила в Подмосковье („Борису Пастернаку“) 237
 Никогда не пройдет обида („На смерть друга“) 453
 Ничего совсем не хочется 103
 Ничего я не знаю 156
 „Ноктюрн“ (Было тихо, так тихо печальное синее небо) 370
 „Ноктюрн“ (В каньоне высокая пальма) 416
 „Ноктюрн“ (Гроздья рябины краснели над серым забором) 441
 „Ноктюрн“ (Далеко паруса уходили) 409
 „Ноктюрн 1“ (Из тишины, из темноты) 186
 „Ноктюрн 2“ (Кричи, не кричи) 223
 „Ночное“ (Ночь бесконечная тащится) 476
 Ночные мысли („Бессонница“) 444
 „Ночные поезда“ (Течет под мост и вдаль бежит вода) 230
 Ночь бесконечная тащится („Ночное“) 476
 Ночью на земле гуляют гномы 50
 „О вере“ (Не верь словам, не верь преданьям) 258
 О, время—время быстрая вода („Отрывок из „Будды“) 277
 О, если б ты был жив, великий русский гений („Пушкину“) 268
 О жизни призрачной моей 202
 „О луне“ (Если ты уедешь на луну) 234
 О, мой поэт, волшебный гений! 273
 О, неужели в синем свете 134
 О, цезарь, цезарь! Ты ль мечтал („Цезарю“) 271
 О, я вижу ее,— как она на болото выходит („К стихотворению Бальмонта „Ирландская девушка“) 269
 Об ангелах, идущих вереницей („Об ангелах“) 240
 „Об ангелах“ (Об ангелах, идущих вереницей) 240
 Облака бродили, как белые овечки 470
 Облака бульвар обложили ватой 410
 „Обо мне?“ (Тень осенняя тихо ляжет) 417
 Огромное, презрительное небо 352
 Огромный мир... моря, леса и горы 375
 „Октябрь“ (Лес золотится вечерней зарей в октябре) 463
 Он был, наверно, самый ловкий 368
 Он от Ганга пришел в Европу („Легенда“) 217
 Он почил на лоне Авраама 118
 „Острова“ (Говорят, что на свете остались еще острова) 214
 От горы блестящая дорога 52
 От коричневых северных гор 61
 От луны до солнца протянула 38
 „Отверженность“ (Бездомна ты? Вожди в мой дом) 436
 Отворила сердца ворота („Женьке“) 400
 Открывали маленькие лавочки („Память о Пекине“) 442
 Отошедший день не разгадан 120
 „Отрывок из „Будды“ (О, время—время быстрая вода) 277
 Оттого ли я не знаю цену 320
 „Отцу“ (Над улицей серой нависла туча) 386

- Очень ты не здесь, когда верба цветет 302
- „Офелия“ (Нет предела царственной печали) 359
- Очень низко радуга стояла 356
- „Падал снег“ (На заборе сидели и каркали черные вороны) 241
- „Память“ (Вдруг — пахнет ягодами) 381
- „Память“ (Долго брели мимо чуждых становниц) 454
- „Память о Пекине“ (Открывали маленькие ланочки) 442
- „Парад“ (Смотрели дети жадными глазами) 438
- „Пейзаж“ (Помнишь такое местечко) 224
- „Письмо к дочери“ (Я теряю тебя, — понемногу, но верно теряю) 434
- „Плач“ (Беленькое платьице) 207
- „Плач по харбинскому разрушенному Св. Николаевскому собору“ (Помолитесь о нашем храме) 489
- По небу тучи серые ползут 210
- По такой 278
- Погасло солнце, и, холодея 267
- Под звездным небом, за краем села („Шаги“) 215
- Под почвой выгнившей и грязной 142
- Подожди немного: будет дождь („Будет дождь“) 231
- Полощатся деревья на ветру 449
- Полустанок. Лесная просека („Прощанье“) 458
- Помидуи, Боже! Очень трудно нам („Не о себе“) 341
- „Поминки“ (На равнине черной печали) 477
- Помнишь такое местечко („Пейзаж“) 224
- Помнишь ты старую сказочку, Мила („Р.Х. 1921“) 264
- Помолитесь о нашем храме („Плач по харбинскому разрушенному Св. Николаевскому собору“) 489
- „Попутчики“ (Идут по большой дороге) 239
- „После Tang Che Ssu“ (Я хочу опять обратно, в горы) 276
- „Последнее свидание“ (Мы куда-то шли и говорили) 394
- Последний взгляд и робкий и молящий („Четыре мгновения“) 257
- Посмотрю — и закажусь смотреть в золотой медальон 291
- Поставят крест, пропойт „Аминь“ („Вскоре“) 452
- Потела мягкая земля („Весна“) 363
- Поцелуешь горестные веки 190
- „Поэту“ (Затерялась, забылась где-то) 408
- „Приближение грозы“ (Светло, уютно, тихо и удобно) 364
- Приди опять из отдаленья 110
- Пристала к сердцу моему 353
- Пролетали птицы высоко 402
- Пролетали пули мимо, мимо 191
- „Прошедшее племя“ (Здесь народы в древности жили) 413
- Прости, что я еще не верю 164
- Простые люди, серую толпой („В толпе“) 367
- Проходи своей дорогой 3
- Проходили высокой тенью („Иная заря“) 412
- „Прощанье“ (Полустанок. Лесная просека) 458
- Пусть никогда не поплыву 486
- Пусть никто не увидит слезы 469
- Пусть ты умер давно, я знаю („Луна над Клермонтом“) 243
- „Пушкину“ (О, если б ты был жив, великий русский гений) 268
- „Р.Х. 1921“ (Помнишь ты старую сказочку, Мила) 264
- Разве можно именем назвать 289
- Размалеванный петрушка 148
- Равный снег спокойно и лениво 343
- Расходя сплотившихся планет 12
- Растут дома на склонах наших гор („Стройка“) 433

- Ребенок племени Ибо („Заметка с фронта“) 414
- Розово-коричневые клубы 64
- „Романс“ (Я голос твой забыла) 365
- Руки эвкалиптов с небом слились 122
- Русь, в полях Твоих кроется сила 331
- Русь, вдали мы Тебя вспоминаем 330
- „С натуры“ (У окна зацвела белая слива) 388
- С Оксана („Этюд“) 233
- „Самарянин“ (Самарянин, меня ты поднял в поле) 172
- Самарянин, меня ты поднял в поле 172
- Светилось озеро тихим светом („У озера“) 456
- Светло, уютно, тихо и удобно („Приближение грозы“) 364
- Свечи вспыхнули, зажжены 317
- Свечи не горят над головой („Сон. “La Tosca”) 280
- „Себе“ (Не вспоминая о том, что было) 253
- Сегодня город мой покрыт туманом („Туман“) 383
- Сегодня солнца не было совсем 473
- Серебряные, тихие заливы 80
- Серебряные туманы 75
- Серый день над соснами тает 115
- Серый сумрак, холоден и злобен („Claremont“) 28
- Сияет звездной ночью высота (“I Heard the Owl Call My Name“) 450
- Скажите, доктор, вы не устали? (“For Dr Boldrey“) 397
- „Сказка“ (Мне чудесные силы знакомы) 287
- „Скауты“ (Во славу будущей России) 252
- Скелеты эвкалиптов на заходе 23
- „Слава“ (Я прежде звал ее мгновенной) 272
- Сладко думать 279
- Слишком рано, Боже, повяли 181
- Слоненок из серой глины (“Ann’s Elephant“) 157
- Случайный взгляд куда-то вбок 183
- Случалось ли тебе рекой какой-то длиной 135
- Слышишь ли ты, море 11
- „Смерть“ (В голубом гробу) 337
- Смотрели дети жадными глазами („Парад“) 438
- „Солдат“ (Солдат возвратился с фронта) 431
- Солдат возвратился с фронта („Солдат“) 431
- „Сон“ (В твоём саду зелёный пруд) 391
- „Сон“ (Старуха гадалка седая) 63
- „Сон. “La Tosca“ (Свечи не горят над головой) 280
- Спустилась ночь легко и глухо (“Nocturne“) 385
- Старая старуха с палкой шла („Старуха“) 440
- „Старик“ (Старик стоит) 424
- Старик стоит („Старик“) 424
- „Старуха“ (Колокола звонили долгим звоном) 236
- „Старуха“ (Старая старуха с палкой шла) 440
- Старуха гадалка седая („Сон“) 63
- „Старый волк“ (Небосклон темнеет понемногу) 259
- „Стихи“ (Вода в ручье струится. А на дне) 384
- Стою в пыли и слышу снизу 18
- Страшные звезды, огромные белые звезды („Бессонница“) 464
- Строили дома на горной круче 485
- „Стройка“ (Растут дома на склонах наших гор) 433
- Стукнув дверью, кто-то вошел 44
- Судьба от жизни увесла 361
- Так всем и говорю: „Не спорьте“ 395
- Тамара, Тамара, зачем в тиши 189
- Твоей походки звук не ветреннет до рожки 129
- „Твои глаза“ (Твои глаза — две быстрых птицы) 86
- Твои глаза глядят в туман 145
- Твои глаза — две быстрых птицы 86
- Твои глаза — колдующие блики 131

- Твое таинственная сила 25
 Тебе не странно знать, что ты большой
 125
 Тебе три раза я писала („На прощание
 в альбом М.М.“) 265
 Тебя умчавшая гроза 130
 Темные ели стоят стеной 490
 Тень осенняя тихо ляжет („Обо мне?“)
 417
 Тех ландышей, что ты вчера мне
 подарила 47
 Течет под мост и вдаль бежит вода
 („Ночные поезда“) 230
 Тихие, лесистые ручьи 13
 Тихий ангел за моим плечом 491
 „Тихий омут“ (У нас на лужайке цветут
 васильки) 432
 Тихий отблеск далекой зари 126
 Тихо капает дождик, стихая („Картин-
 ка“) 261
 Тихое вечернее смирение 78
 Тихие, волны, не шумите („Refrain“)
 263
 Точно есть, о чем горевать 290
 Точно кружевом, одетый тиной („На
 китайском хуторе“) 350
 Гретий год у моих порот („Верба“) 466
 Три самолета помчались в бой („На-
 лет“) 481
 Туда, где берега канала 351
 Туда, где острая гряда 1
 „Туман“ (Сегодня город мой покрыт
 туманом) 383
 Туман, туман... и нет ему просвета 422
 Тушились люстры, завешивались окна
 227
 Ты видел инфузории 316
 Ты глядишь на меня из своей тишины
 132
 Ты дальний, чуждый, ты незнакомый
 113
 Ты знаешь, кто-то ходит, длинный 150
 Ты, Лилиг, спустилась по ступеням 185
 Ты меня коряя, а я смеялась 419
 Ты мне вручила сосуд с зарею 32
 Ты — моря блосок: я — ботик брешний
- Ты на троне высоком сидишь 321
 Ты не плачь, куда ты идешь 407
 Ты не плачь 298
 Ты от меня уехал снова 173
 Ты пришел и постучался в дверь 7
 Ты стоишь в священном храме Нара
 199
 Ты тут была 487
 Ты унесла с собою столько шуму 296
 Ты ушла, и разве лучше, что же 99
- У горы, у самого подножья 460
 У меня слова теперь все те же 144
 У моря 292
 У нас на лужайке цветут васильки
 („Тихий омут“) 432
 У них мешки за плечами („Контрабан-
 дисты“) 475
 „У озера“ (Светилось озеро тихим
 светом) 456
 У окна зацветала белая слива („С
 природы“) 388
 У тебя миндальные сады 184
 У тебя на солнице зреют фиги 167
 Убегала дорога вдаль 468
 Убегни и спрячь с собою грезу 67
 Увы, язык всех наций мира („Шек-
 спир“) 270
 Уехал, Я одна стою 196
 Уже не будет в жизни чуда 465
 Уйди в дремучий лес, ложись 203
 Уйду к опушке, где деревья строги 73
 Улетала душа, покидая ненужное тело
 420
 „Улицы забытых шагов“ (В городских
 переулках глухих) 242
 Унес меня — в ночи туманной 192
 Упая и вдребезги разбилась 65
 Ушел, блистая парусами 169
- Холодный и сырой рассвет 327
 Хочется туда — где выше, холоднее
 („Baldy“) 288
 Художник написал с меня портрет 201
- „Цветы“ (Был сад. Мы проходили ми-
 мо) 435

- „Цезарю“ (О, цезарь, цезарь! Ты ль мечтал) 271
- Чем выше и блистательней полет 208
- Черной бурей, далеко, тонут 344
- „Черные лебеди“ (Касаясь главою нависших ветвей) 246
- „Четыре мгновения“ (Последний взгляд и робкий и молящий) 257
- „Чортово озеро“ (Вода из камня сверкает) 40
- Что желаю тебе? Ведь неведомо мне („В альбом Клаве Морозовой“) 248
- Что стоишь ты там, у стены 281
- „Чужому встречному“ (Глаза у тебя — стальные) 404
- „Шаги“ (Под звездным небом, за краем села) 215
- „Шань шуй“ (За серым рукавом залива) 387
- „Шекспиру“ (Увы, язык всех наций мира) 270
- „Шквал“ (В сумерки ветер с моря вставал) 235
- Шли тропой лесных извилин при луне („На заре“) 483
- Шлю поклон дорогим крестам 457
- „Этакая чушь...“ (Вы не слышали ли мифа) 399
- Это не стихотворение, это музыка души („К „Лунному вечеру“) 275
- „Этиуд“ (С океана) 233
- Я больше песни петь не буду 137
- Я в самом темном отдалении 101
- Я в черной щели потеряла 149
- Я в шали, шитой серебром 323
- Я голос твой забыла („Романс“) 365
- Я дам тебе серебряный цветок 98
- Я давний храм построю в небе 2
- Я живу, потому что живется 250
- Я жить хочу вдали от мира 251
- Я закрыла створки окна 319
- Я знаю скит в лесу дремучем 488
- Я к тебе приду в сильную грозу 328
- Я любила в чудесных мечтаньях 249
- Я не знаю, по чьему указу 176
- Я не Мария больше: только Марфа 212
- Я — отшельник в дикой пещере 76
- Я песню тебе спую 92
- Я подошла к спящей палате 285
- Я — полярный медведь за железным забором 31
- Я помню желтые узоры 313
- Я помню ласковые рожи 325
- Я помню тебя, Руслан 300
- Я прежде звал ее мгновенной („Слава“) 272
- Я ранена была, но встала 437
- Я с неба яркую звезду 161
- Я сделана из песен и огня 209
- Я сломала немые заставы 24
- Я слышу мелодию песни так ясно 389
- Я слышу странные мотивы 174
- Я спрячусь от всевидящей луны 59
- Я стою на высоком холму 49
- Я тебе не дам своей руки 36
- Я теряю тебя, — понемногу, но верно теряю („Письмо к дочери“) 434
- Я уйду, где холоден песок 17
- Я уйду куда-то, где сейчас темно 159
- Я умру на высокой горе 70
- Я ушла по чужим дорогам 418
- Я хочу опять обратно, в горы („После Tang Che Ssu“) 276

English

- "A Prayer" (Oh, Angels of Heaven! Help me) 493
- A rose quartz vase shone on her dresser, and ("Imitation") 535
- Alone, when once so many were around 502
- "Ann's Elephant" (Словенок из серой глины) 157

- Around the ancient town of Tung-Chow-fu ("My China" Cycle) 545
- Around the bend of the Yalu ("My China" Cycle) 547
- At daybreak, as the skies lighten ("My China" Cycle) 554
- At night I see the barges on the ocean 15
- At Wu-Chih-Mi the little local train ("My China" Cycle) 546
- "Baldy" (Хочется туда—где выше, холоднее) 288
- "Brahms Symphony No. 1 in C-minor, opus 68" (Занерта, оставлена обитель) 479
- Breakers upon the seashore, you and I 91
- Can it be true, in hours of grief and anger 542
- "Chinese Lampshade" (I have a pretty little shade) 495
- "Chinese Serenade" (The silver pilgrims of the sky) 69
- Chung-pu is an elderly man and all his chores are completed ("My China" Cycle) 549
- "Claremont" (Серый сумрак, холоден и любви) 28
- Come to classroom, padre, while the students 534
- "Dawn" (So dawn creeps to dark waves, and so hope) 513
- Early snow falls ("My China" Cycle) 559
- "Expectantly? Suppose, you little fool 505
- "Falling Star" (Star, as you fell through the blue evening air) 519
- "For Dr Boldrey" (Скажите, доктор, мы не устали) 397
- From the direction of Mai Mai Cheng ("My China" Cycle) 561
- "Ghost Dance" (Духи топ по комкам брызги) 303
- "Goodbye for Now" (You swerved from the road and you went away) 538
- He was a shepherd and he spent his hours ("My China" Cycle) 553
- High in the air, the high blue air above us 541
- High in the mountains, where the grass is cool 518
- "Homeward Bound" (Oh, school's as great as great could be) 501
- I am a stranger here. Leave me alone 521
- I am Lot's wife. I couldn't walk away ("Lot's Wife") 533
- I bought a frame to fit 496
- I came to you for just a little while 143
- I cannot think of something bright ("My First Speech") 494
- I cast a rock into the well 510
- I dreamt of northern summers 492
- I have a pretty little shade ("Chinese Lampshade") 495
- "I Heard the Owl Call My Name" (Сияет звездной ночью высота) 450
- I hope from where you sit or lie 522
- I put my brushes carefully, one by one ("My China" Cycle) 543
- I used to wear a crown 45
- I will set your picture in a chiseled frame 96
- If I had but a little common sense 514
- I'm often dreaming 520
- "Imitation" (A rose quartz vase shone on her dresser, and) 535
- "Impressions at the Opera" (Three dowagers with silver tresses) 524
- In the sunset's orange glowing ("My Star") 499
- "It is no use crying over spilled milk" (Не рыдай о сосуде разбитом) 266
- It is usually very still on that day 525
- It's eye for eye, and tooth for tooth 509

- It's not because you leave me that I weep 515
- It was a lazy summer noon, as I sat in the stern of a flat-bottomed boat ("My China" Cycle) 552
- "Lac Léman" (Есть сон: в нем все переменялось) 393
- Late twilight in October ("Nocturne") 528
- Like colored glass is fair 511
- Little dead children, candles in their eyes ("Night Dance") 531
- "Lot's Wife" (I am Lot's Wife. I couldn't walk away) 533
- "Masterpieces" (Snow clouds came to rest on Baldy mountain) 503
- "My China" Cycle 543-561
- My dear, my dear 539
- "My First Speech" (I cannot think of something bright) 494
- "My Star" (In the sunset's orange glowing) 499
- "Night Dance" (Little dead children, candles in their eyes) 531
- "Nocturne" (Late twilight in October) 528
- "Nocturne" (White clouds) 523
- "Nocturne" (Встревоженная тишиной) 390
- "Nocturne" (Спустилась ночь легко и глухо) 385
- Nothing is left to write of any more 527
- Oh, Angels of Heaven! Help me ("A Prayer") 493
- Oh, school's as great as great could be ("Homeward Bound") 501
- Oh, tender dawn above the sombre pond 512
- Once in this world of mountain, wood and plain ("To a Man Named Smith") 516
- Once on the Moika lived a man 536
- One day I saw a stink-bug small ("To a Stink-Bug") 500
- "Parting" (The cold waves, and the light underneath the waves) 507
- Perhaps the moon is lonely, and perhaps 117
- Quiet the waters were,—do you recall 517
- "Refrain" (Тише, волны, не шумите) 263
- "Salve" (Мы смотрели с высоты Salve'a) 220
- San Shu was a boatman. He lived on an island ("My China" Cycle) 560
- She said, when she had read his book 498
- "Snake" (The earth is dry, the summer has been hot) 537
- Snow clouds came to rest on Baldy mountain ("Masterpieces") 503
- So dawn creeps to dark waters, and so hope ("Dawn") 513
- Somewhere 540
- Star, as you fell through the blue evening air ("Falling Star") 519
- Suddenly, I'm awake 532
- Swathed in its lace of slime ("My China" Cycle) 558
- The cold waves, and the light underneath the waves ("Parting") 507
- The earth is dry, the summer has been hot ("The Snake") 537
- The glamour of death when crowds assemble 139
- The silver pilgrims of the sky ("Chinese Serenade") 69
- "The Snake" (The earth is dry, the summer has been hot) 537
- The temple halls are musty; daylight never ("My China" Cycle) 556
- The white sands on the sloping shore of the river ("My China" Cycle) 551

- The world is but a dancing hall
504
- There is something you want to say
529
- There was a message from a passing
ship 100
- There was hoarfrost on the lawn this
morning 530
- They took me to the door and showed
508
- This funny game—this life—is full of
things 506
- Three dowagers with silver tresses
("Impressions at the Opera") 524
- "To a Man Named Smith" (Once in this
world of mountain, wood and plain)
516
- "To a Stink-Bug" (One day I saw a stink-
bug small) 500
- "To October 1922" (Why do you leave
me, when I loved you so?) 497
- Two ladies stand on an open marble
surface ("My China" Cycle) 544

- We had walked many *li* over the flat
autumn fields ("My China" Cycle)
557
- We sailed in a small river boat ("My
China" Cycle) 548
- When amethyst lamps were lighted 79
- When I was small I had a great vain
dream ("My China" Cycle) 555
- When the heat has fallen and the skies
are calm 83
- White clouds ("Nocturne") 523
- Why do you leave me, when I loved
you so? ("To October 1922") 497
- With folded wings he sat and took a
rest 526
- You are not you; you are an ancient
dream 60
- You came from quite a distant land 39
- You swerved from the road and you
went away ("Goodbye for Now") 538
- Your gate is heavy, strong, and always
barred ("My China" Cycle) 550

Index of Authors Translated

From English

- Anon 662, 663, 670
Bodenheim, Maxwell 562
Du Fu 667
Evans, Abbie Huston 563
Millay, Edna St. Vincent 56, 77, 84, 102,
564, 565, 566
Ou-yang Xiu 664, 665
Sandburg, Carl 567
Santayana, George 151, 152
Stevenson, R.L. 568
Su Dongpo 666
Teasdale, Sara 19, 85
Wang Anshi 668
Wang Wei 669
Wordsworth, W. 569

From French

- Verlaine, Paul 570

From Russian

- Алексеева, Лидия 571
Ан Чи Ен 673
Андреева, Т. 572
Ахматова, Анна 573, 574, 575, 576, 577,
578, 579, 580, 581, 582, 583
Блок, Александр 29, 30, 119, 124, 128,
138, 141, 153, 160, 584, 585, 586, 587,
588, 589, 590, 591, 592, 593
Блок, Андрей 594, 595, 596
Бунин, Иван 597
Вили, Мария 72, 598, 599
Воль, Сан 678
Гумилев, Николай 43, 155, 600, 601, 602,
603, 604, 605, 606
Де Хен 688
Ден Он 700
Дю И Син 707
Иванов, Георгий 607, 608, 609
Кельберин, Назарь 610
Ким Ден Се 679
Ким Дин Тхэ 708
Ким Гван Ук 702, 703, 704
Ким Сам Хен 709
Ким Су Дян 705
Кленовский, Дмитрий 611, 612, 613,
614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621,
622, 623, 624
Кнут, Давид 625, 626
Лермонтов, М. 627
Ли Ден Бо 710
Ли И 682, 683, 684, 685, 686, 687
Ли Мен Хан 689
Мандельштам, Юрий 628, 629, 630
Неизвестный автор 711, 712, 713, 714,
715
Одоевцева, Ирина 631
Пак Пхэ Нев 676
Переленни, Валерий 632
Плещев, А.Н. 633
Сен Сам Муи 677
Син Хым 701
Смоленский, Владимир 634, 635, 636,
637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644,
645, 646, 647
Сумбагтов, В. 648, 649, 650
Тен Мон Дю 674
Терашано, Юрий 651, 652
Тьо Сик 681

- Цветаева, Марина 653, 654, 655, 656,
657, 658, 659, 660
- У Тхак 671
- Хан Хо 680
- Ходасевич, Владислав 661
- Шэ Ик 672
- Юн Ду Де 706
- Юн Сен До 690, 691, 692, 693, 694, 695,
696, 697, 698, 699
- Ю Ын Бу 675

A Moongate in My Wall is a collection of poems and translations by a remarkable yet little-known bilingual Russian-American poet, Mary Custis Vezey (1904-1994). Born in New York to a Russian mother and an American father and related to the famous Custis family, she lived in St. Petersburg, Harbin, Beijing, Shanghai, and San Francisco, published three books of poetry, and left many unpublished works. Her fine poetic heritage is reproduced here in its entirety.

Olga Bakich has a Ph.D. in Slavic languages and literatures from the University of Alberta. She has taught Russian language and literature at Australian National University and at University of Toronto. In addition to many articles, she is the author of *Harbin Russian Imprints: Bibliography as History, 1898-1962* (2002) and co-author, with Professor V. Kreyd, of *Ruskaia poezia Kitaia (Russian Poetry of China)* (2001).

www.peterlago.com

ISBN 0-8204-7837-7

9 780820 478371